

Анатолий Гуляев

**ЖУРНАЛИСТСКОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ:**

ИСТОРИЯ, МЕТОДИКА И ПРАКТИКА

Анатолий Гуляев

**ЖУРНАЛИСТСКОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ:**

ИСТОРИЯ, МЕТОДИКА И ПРАКТИКА

Европейский гуманитарный университет

Вильнюс
2018

УДК 070:43
ББК 76.01
Г94

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом ЕГУ
(протокол № 2018-6 от 22 мая 2018 г.)*

Рецензенты:

*Александр Улитенок, журналист, лауреат
Государственной премии Республики Беларусь;
Валерий Калиновский, журналист, редактор
сайта белорусской службы «Радио Свобода»;
Дайнюс Радявичус, председатель Союза журналистов
Литовской Республики*

Г94 **Гуляев, А.**
Журналистское расследование: история, методика и практика. Учебное издание. [Электронный ресурс] – Вильнюс : ЕГУ, 2018. – 256 с.

ISBN 978-609-8220-05-6 (online)

Монография представляет собой книгу об одном из самых популярных и, параллельно, самых сложных видов (или жанров, как считают некоторые исследователи) журналистики. Ему исполнилось уже почти два века. За это время журналистское расследование развивалось, совершенствовалось, обретало собственные признаки и собственное положение в средствах массовой информации. Накоплен немалый опыт. Поэтому речь идет не только о методике и практике. Поэтому такое внимание уделено истории вида (или жанра), его сформировавшимся в многолетней практике признакам.

Учебное пособие также призвано помочь научиться работе с источниками информации в рамках профессиональной этики. Оценивать их с точки зрения надежности и достоверности. Научиться многому другому, без чего даже сегодня, во времена «мгновенной журналистики» и «всемогущества» новых технологий, невозможно качественное журналистское расследование как материал о событиях или явлениях, которые какие-то люди или организации хотели оставить в тайне.

УДК 070:43
ББК 76.01

ISBN 978-609-8220-05-6 (online)

© Гуляев А.А., 2018
© ЕГУ, 2018

Оглавление

Предисловие	7
Глава 1. Возникновение жанра журналистского расследования.....	11
1.1. Зачем?.....	12
1.2. Всюду как всегда	18
1.3. Где и когда?.....	22
1.4. Традиции журналистских расследований в Европе.....	33
1.5. Расследовательская журналистика в России	36
1.6. Советская журналистика	38
Глава 2. Возникновение журналистского расследования в Беларуси	42
2.1. Досоветские времена.....	43
2.2. Советские времена.....	46
Глава 3. Информационный повод	50
3.1. Что такое информационный повод?	51
3.2. Виды информационных поводов.....	52
3.3. Опасности	57
3.4. Перспективность.....	59
Глава 4. Виды расследований.....	62
4.1. Классификация расследований.....	63
4.2. Политические расследования	64
4.3. Экономические расследования	67
4.4. Социально-бытовые расследования.....	69
4.5. Криминальные расследования	71
4.6. Исторические расследования	73
4.7. Разработка темы и форма подачи.....	75
Глава 5. Источники информации	81
5.1. Действительность как совокупность источников информации	82

5.2. Классификация источников информации	83
5.3. Минимально необходимое количество источников информации в журналистском расследовании	87
<i>Поиск информации в цифровом пространстве</i>	90
<i>Мнение эксперта</i>	92
5.4. Как лучше выбирать источники информации: надежность и достоверность	95
Глава 6. Документ как источник информации	98
6.1. Что такое документ?	99
6.2. Документ, который отсутствует	102
6.3. Документ, который использован выборочно.....	104
6.4. Надежность и достоверность.....	105
6.5. Путь этичный и законный	107
6.6. Фактчекинг	111
Глава 7. Частная жизнь и общественный интерес	115
7.1. Частная жизнь	116
7.2. Общественный интерес	121
Глава 8. Общение при расследовании	126
8.1. Общение как работа, виды общения	127
8.2. Встречают по одежке.....	133
Глава 9. Профессиональная этика при журналистском расследовании	134
9.1. Юридические и этические стандарты	135
9.2. «Злодей расследования»	137
9.3. Работа с источниками информации.....	140
9.4. Методы сбора информации	142
9.5. Цифровая журналистика и журналистское расследование	143
Приложения	146
К отчету о мултанском жертвоприношении	147
Тень одной ошибки.....	189

Журналистское расследование: история, методика и практика

Взятка	197
Фермер Лукашевич остался на свободе.....	203
Тростенецкая трагедия: взгляд через годы	207
Они безвольно шли на убой или сопротивлялись?	216
В Орше тысячи людей умирают от рака	225
Таблетка снотворного	234
Своя крыша.....	239
Никто не хотел убивать	244
Использованная литература.....	250

Предисловие

Расследование как один из самых сложных жанров (или видов, как считают многие исследователи) журналистики существует уже почти два века. Во всяком случае, если исходить из общепринятого мнения, что началось все в США. А одним из первых журналистских расследований там считается расследование убийства юной проститутки Хелен Джейветт, которое провел Джеймс Гордон Беннетт, издатель газеты «The New York Herald» в 1836 году.

За эти почти два века параллельно с изменениями технологий и сменой носителей информации журналистское расследование развивалось, совершенствовалось, обретало собственные признаки и собственное положение в средствах массовой информации. По популярности оно, пожалуй, всегда прочно держало одно из первых мест у вдумчивых читателей.

Правда, существуют и скептические мнения по этому поводу. Известный журналист-расследователь, автор нескольких книг Ник Дэвис (британский журналист, отмеченный многими профессиональными наградами, включая «Журналист года» и «Автор года» от British press awards) считает: «Публика – это сложное животное. Очень многие люди в развитых странах превратились из политических животных в потребительские... Люди заинтересованы только в возможности покупать. Я боюсь, что эта масса людей вообще не заинтересована в СМИ и расследовательской журналистике»¹.

Ник Дэвис вводит в обращение термин «миксерная журналистика». Это журналистика, не способная рассказать своим читателям, что же в действительности происходит в мире. Коллеги просто рыскают по интернету в поисках материалов, из которых, как в миксере, «сбивают» свои публикации, будь они важными или тривиальными, истинными или фальшивыми. Суть современной журналистики, по Дэвису, – переработка вторичных непроверенных материалов, большинство из которых есть пресс-релизы, продиктованные чьими-то политическими или коммерческими интересами. Или столь же непроверенные материалы из многочисленных баз данных.

В этом контексте автор ввел бы еще один термин – «нечеловеческая журналистика». Это журналистика, в которой очень

¹ Солдатов, А. Журналистские расследования – кризис жанра. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.agentura.ru/experts/nickdavies/?print=Y>

часто отсутствуют одушевленные источники информации, то есть источники, имеющие как свои недостатки, так и неоспоримые достоинства, позволяющие оценить информацию с точки зрения надежности и достоверности.

В своих сомнениях Ник Дэвис не одинок. «Миксерная журналистика» (она же «нечеловеческая») сегодня не просто существует – она заполонила интернет. По мнению многих исследователей, связано это лишь с тем, что возможность публиковаться сегодня получили все без исключения, в том числе те, чье мнение раньше было интересно только соседям по барной стойке. Но вдумчивых читателей, желающих получать основательную, достоверную и надежную, хорошо аргументированную информацию, меньше, очевидно, не стало. Хотя и больше – вряд ли...

Так или иначе, у журналистского расследования немало приверженцев. Этим сейчас занимаются не только энтузиасты-одиночки. Все больше становится агентств журналистских расследований, объединяющих десятки и сотни профессионалов, во всем мире создаются ассоциации журналистов-расследователей: в Европе, например, наиболее известны ассоциации журналистов-расследователей Швеции и Дании; на русскоязычных территориях – агентство Андрея Константинова в Санкт-Петербурге, но существуют агентства и в других крупных центрах России.

В Беларуси ежегодно проводятся журналистские конкурсы, в том числе конкурс «Золотое перо», учрежденный Белорусским союзом журналистов, и «Вольные слова» Белорусской ассоциации журналистов. В них, как правило, журналистское расследование представлено довольно широко.

Нельзя не сказать о ряде публикаций под рубрикой «Журналистское расследование» в очень профессиональной, впоследствии (под давлением властей) прекратившей существование в печатном варианте «Белорусской деловой газете». И не только. Известны в Беларуси расследования таких журналистов, как Сергей Сацук, Артем Горбачевич, Сергей Сыс, Алесь Залевский, Виктор Пономарев, а также Леонид Юнчик, написавший книгу «По следам агентов – очерки, статьи, расследования» (Минск, 2007).

Нельзя не обратить внимание и на то, что, хотя курс журналистского расследования читается в университетах, основательного учебного пособия в Беларуси нет. Поэтому многие авторы с трудом представляют себе основные признаки журна-

листочного расследования и его законы. В результате под рубрикой «Журналистское расследование» весьма часто публикуются судебные отчеты или расширенные корреспонденции на криминальные темы. Или просто заказные политические статьи.

Часто в такого рода материалах отсутствует тайна – то, что отдельные люди или организации хотели бы скрыть от общества, а журналисты вынести на обсуждение. Не определены методы работы с одушевленными и неодушевленными источниками информации. Коллеги не умеют разрешать противоречия между общественным интересом и правом на защиту частной жизни, существует много других проблем. В последнее время, повторим, довольно часто отдается приоритет неодушевленным источникам информации, найденным в интернете и никак не проверенным. И вообще, ставится под сомнение необходимость одушевленных источников. Часто считается, что журналистское расследование можно провести, не вставая из-за компьютера.

Как утверждает английский исследователь Хьюго де Бург, в этом контексте расследовательская журналистика постепенно превращается в одну из разновидностей развлечения. Использование «расследовательской техники» зачастую стало сводиться к обвинению кого-либо, «разоблачению», но все это «захватывающе для публики и совершенно бесполезно для общества»².

В силу этих и иных причин страдает качество материалов. Часто вместо фактов, на которых только и должно держаться журналистское расследование, доминируют элементы вымысла и домысла. То, что авторы именуют журналистским расследованием, приобретает в лучшем случае характер сплетни. И еще: очень часто, к сожалению, такого рода материалы становятся орудием пропаганды, инструментом в информационных войнах. Таких примеров в СМИ (в том числе белорусских) достаточно.

Я взял на себя смелость обобщить известный опыт как отечественных (в большинстве), так и зарубежных журналистов-расследователей, а также собственный, почти сорокалетний, опыт работы в журналистике, в том числе как автора ряда исследований. К тому же я попытался изучить историю зарождения этого вида журналистской деятельности в Беларуси (таких попыток ранее не было), самостоятельно выделил при-

² Бергер, Н.В. Цели, задачи и функции расследовательской журналистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 9. Вып. 2.

знаки журналистского расследования, некоторые его законы. И пришел к некоторым собственным по этому поводу выводам. Надеюсь, они могут быть интересны не только студентам, но и коллегам.

В работе над этой книгой пришлось изучить громадное количество материалов, что потребовало немало времени и сил. Пожалуй, я не сумел бы ее завершить, если бы не поддержка коллег и, в первую очередь, близких людей.

Мой сын, юрист Сергей Гуляев, написал два учебных пособия раньше, чем я свое первое («Профессиональная этика журналистов...»). Я не мог позволить себе отставать от собственного сына.

Моя дочь, журналист Марина Новикова, постоянно объясняла мне, что я могу написать эту книгу и не только эту. Как я мог не оправдать ее надежд?

Моя жена, Любовь Гуляева, уверена в моих возможностях и всегда, спасибо ей, высвобождала для меня время от всяких хозяйственных забот, которые, как известно, никогда не кончаются и которых в семье хватает на всех.

Не могу не сказать о помощи еще одного человека, казалось бы, отношения к проблеме не имеющего вообще, – это фермер из Осиповичского района Могилевской области Михаил Хивренко. Его поддержка и помощь сыграли немалую роль в том, что книга вышла именно такой, какая она есть. Спасибо и ему тоже!

Соединенные усилия всех этих людей (в первую очередь родных!) и помогли написать эту книгу.

Спасибо им!

Глава 1. Возникновение журналистского расследования

1.1. Зачем?

Общеизвестно: в журналистике существует ряд жанров. Задумываться об их происхождении как-то не принято, да и не зачем. Это – как дерево при дороге: оно стоит и стоит. И ладно.

Так же и жанры: есть – ну и слава богу! Для полноты картины часто достаточно формулировки, например: «Жанр – относительно устойчивая структурно-содержательная организация текста, обусловленная своеобразным отражением действительности и характером отношения к ней автора»³.

Есть совсем простые формулировки: «Жанры журналистики – это устойчивые формы журналистских произведений»⁴.

Можно поискать еще какие-то определения, но и эти достаточно универсальны.

В журналистике используются (если соглашаться с русскоязычной трактовкой, которая представляется автору вполне приемлемой) различные жанры: информационные, аналитические, художественно-публицистические. А они, в свою очередь, делятся на заметки, корреспонденции, репортажи, интервью, статьи, фельетоны, очерки, рецензии, обзоры писем, обзоры рынков...

В последние годы специалисты довольно часто обращаются к западной классификации жанров. По этому поводу доктор филологических наук, профессор МГУ Александр Тertyчный пишет: «Для жанров, привносимых в российские СМИ извне, прежде всего характерно:

- относительно небольшое число жанров (в англо-саксонской группе исследователи насчитывают их восемь: новостная заметка, репортаж, интервью, фиче, ньюс-фиче (от англ. Newspaper Feature – статья, не связанная жестко с последними событиями), портрет, комментарий, аналитическая статья;
- максимальное число жанров (около десяти) существует в испанской журналистике. Для сравнения: примерно такое же количество жанров, по нашим наблюдениям, насчитывалось в российской журналистике в первой половине XIX века;

³ Кройчик, Л. Система журналистских жанров // С. Корконосенко. Основы творческой деятельности журналиста. СПб., 2000. С. 138.

⁴ А.В. Колесниченко, редактор отдела «Общество» газеты «Новые Известия», выпускник факультета журналистики МГУ, кандидат филологических наук, доцент МГУ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text28/0036.htm>

- превалирование жанров информационно-аналитической направленности. При этом практически полностью отсутствуют художественно-публицистические жанры;
- ограниченное число жанров, допускающих выражение авторской позиции. Так в англо-американской журналистике требуется изложение фактов с максимально нейтральной интонацией, отсутствием авторского “я” и интерпретации описываемого в тексте события. Лишь колумнистика, в противовес информационной или развлекательной направленности западной журналистики в целом, “становится чуть ли не единственной (и привилегированной) формой выражения авторской позиции, субъективного анализа, комментария к событию, про которое уже распространились сухие новостные сводки. Отсюда особое значение и особая роль колумниста.”

Даже самое поверхностное сравнение особенностей жанровых палитр отечественной журналистики и западной показывает, что вторая более проста (что хорошо), но в то же время более примитивна, более шаблонизирована, нежели первая (что плохо)⁵.

Но при всех совпадениях и различиях формулировок нельзя не сказать о том, что жанр (или вид) – категория исторически конкретная, то есть развивающаяся во времени, претерпевающая изменения в процессе своего существования. Как отмечается в ряде источников, «эволюция жанров напрямую связана с тем, как человек постигает окружающий мир. Публицистика своим развитием обязана другим видам деятельности. Торговля породила потребность в обмене коммерческой информацией – родилась газета. Из деловых взаимоотношений на страницы газеты переключался отчет. Из потребности в конфиденциальной информации – письмо. Фельетон на страницах французской газеты “Журнал де Деби” возник в 1800 году как явление демократизации прессы: после Великой французской революции надо было завоевывать аудиторию, привлекать ее на свою сторону. Консервативно настроенные аристократы сообразили это раньше, чем республиканцы. Так появилась рубрика “фельетон”, объединяющая самые разные материалы. Постепенно рубрика превратилась в непринужденный диалог с аудиторией, далее – в обличительный жанр. Общее историческое развитие

---

⁵ Александр Тертычный, профессор кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ, доктор филологических наук. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/675>

жанров – от простого к сложному – от заметки-хроники в несколько строк до серьезных аналитических материалов»⁶.

Вздымались и опадали технологические волны, о которых писал Элвин Тоффлер: первая – аграрная с ее реформами; вторая – индустриальная с мануфактурами и разделением труда; третья – постиндустриальная, получившая название «информационной»⁷.

Менялись технологии распространения, носители информации: пергамент, бумага, радиоволны, телечастоты, интернет...

Параллельно возникали новые жанры и виды журналистики: не потому, что кому-то хотелось их придумать. Возникновение каждого, повторим, было закономерно, продиктовано развитием общества и его желанием получать более обширную и более точную информацию.

Но почему все же возникло журналистское расследование, которое разные исследователи квалифицируют по-разному – как жанр и как вид? Американский журналист Джон Уллмен, например, и многие его коллеги относят расследование к отдельному жанру, своеобразие которого «определяется качествами, возникающими под воздействием предмета, цели, методов получения информации, особенностями изложения полученного материала»⁸.

Его коллега Дэвид Рендалл, а также многие представители российской школы рассматривают расследование в качестве специфического метода, включающего в себя «набор определенных действий, позволяющий собрать необходимую информацию»⁹.

Другие представители профессии и вовсе говорят о расследовании как особом виде деятельности. Но всегда это не просто сопоставление двух точек зрения на проблему, не просто анализ фактов, а глубокое изучение, расследование журналистами той или иной ситуации с использованием максимального количества источников информации. Причем расследование от имени общества, а не официальных структур.

⁶ Кройчик, Л.Е. Система журналистских жанров. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text5/64.htm>

⁷ Тоффлер, Э. Третья волна. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.umk.virmk.ru/study/VMK/LITERA/Toffler_Tretiya_volna.pdf

⁸ Тертычный, А.А. Жанры периодической печати: учебное пособие. М., 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text2/05.htm#%D0%B7_13

⁹ Шум, Ю. Журналистское расследование. СПб., 2008. С. 8.

Почему возникла необходимость в такой деятельности журналистов? Ведь всегда в том или ином виде существовали полиция, прокуратура, суды, иные органы расследования, контроля и подавления. В их распоряжении всегда были специально обученные профессионалы-расследователи, получающие за работу немалые деньги. Эти профессионалы наделены полномочиями, хорошо вооружены, оснащены специальной техникой. За ними стоит закон во всей его строгости: «Уголовная ответственность имеет целью исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами.

...Уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости. Осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда»¹⁰.

Журналистское расследование чаще всего тоже призвано *способствовать установлению социальной справедливости*. Но оно не завершается судом. Оно может всего лишь информировать общество. Это так мало? И не наивно ли рассчитывать, что один или несколько журналистов, чаще всего не имеющих юридического образования, смогут если не заменить, то хотя бы соперничать с этим громадным, всегда очень мощным и очень квалифицированным государственным аппаратом? При том что, помимо прочего, общество всегда подчинялось этому аппарату не только по закону, но и «по душе»: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены.

Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение.

Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее»¹¹.

В то же время нельзя не признать: «начальствующие» довольно часто оказывались (и оказываются!) «страшны» и для добрых дел. В общественном сознании это признано и сформулировано тоже очень давно: «При отсутствии справедливости что такое государство, как не простая разбойничья шайка?.. И

¹⁰ Уголовный кодекс Республики Беларусь. Ст. 44. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://уголовный-кодекс.бел/statya-44>

¹¹ Послание к римлянам, 13: 1–3.

они (разбойники) представляют собой общество людей, управляются начальствами, связаны обоюдным соглашением, делят добычу по установленному закону. Когда подобная шайка потерянных людей достигает таких размеров, что захватывает города и страны и подчиняет своей власти народ, тогда открыто получает название государства»¹².

Немного о власти

Где царит сила, там закон бессилён (Менандр).

Незнание законов не избавляет от ответственности. Знание – часто (Станислав Ежи Лец).

Хороший адвокат изучает законы, умный адвокат приглашает судью на обед (народная мудрость).

Знание закона не освобождает от тех, кто пришел брать под стражу (народная мудрость).

Закон – паутина: маленькие насекомые погибают в ней, крупные же благополучно пробиваются (Анахарсис).

Равенство перед беззаконием достигается легче, чем равенство перед законом (Яцек Вейрох).

Примеров несправедливых действий власти можно приводить множество – от начала веков до сегодняшнего дня. Остановимся хотя бы на широко известной истории противостояния Каиафы, первосвященника Иудеи с 18 по 37 год (о нем упоминает Иосиф Флавий, называя его «Иосиф, прозванный Каиафой»)¹³, и римского губернатора Понтия Пилата – противостояния, которое изложено в Библии и очень интересно описано в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита».

Вспомним: в дни светлого праздника Пасхи в Иудее полагалось помиловать одного из содержащихся в тюрьме преступников. И в Библии, и в романе Булгакова суть конфликта одна: во имя «высших интересов», как их понимали большие начальники Каиафа и Понтий Пилат, вор и убийца Варавва избежал казни, а распятым на кресте оказался смиренный проповедник (Иисус, в варианте Булгакова – Иешуа Га Ноцри).

«Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что

¹² Святой Августин Блаженный. О граде Божьем. Кн. 4. Гл. 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/?Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem=4_4

¹³ Иудейские древности. Кн. XVIII, 2.2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/47503/Каиафа

лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино. С этого дня положили убить Его»¹⁴.

Позволим себе высказать сомнение: да, возможно, первосвященник действительно заботился о народе. Но, возможно, и о собственном положении первосвященника: если люди пойдут за новым проповедником, с кем останется он, Каиафа?

Возможно также, что прокуратор Иудеи, «всадник Золотое Копье» Понтий Пилат, действительно хотел доискаться истины. «В белом плаще с кроваво-красным подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат...»¹⁵.

Всесильный ставленник римского императора – кесаря – он, может быть, даже симпатизировал несчастному Га Ноцри. «Этот человек был одет в старенький и разношенный голубой хитон. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, а руки связаны за спиной. Под левым глазом у человека был большой синяк, в углу рта ссадина с запекшейся кровью...»¹⁶.

«Пилат сказал ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в нем. Есть же у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху; хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского?

Тогда опять закричали все, говоря: не Его, но Варавву. Варавва же был разбойник»¹⁷.

И даже Понтий Пилат вынужден был смириться, поскольку хорошо знал, как мелют жернова государственной мельницы и как легко они могут перемолоть даже его, «всадника Золотое Копье».

«– Знаю, знаю! – бесстрашно ответил чернобородый Каиафа, и глаза его сверкнули. Он вознес руку к небу и продолжал: – Знает народ иудейский, что ты ненавидишь его лютой ненавистью и много мучений ты ему причинишь, но вовсе ты его не погубишь!»¹⁸.

¹⁴ Евангелие от Иоанна, 11: 49–53.

¹⁵ Булгаков, М. Мастер и Маргарита. Минск, 1988. С. 284.

¹⁶ Там же. С. 285.

¹⁷ Евангелие от Иоанна, 18: 38–40.

¹⁸ Булгаков, М. Мастер и Маргарита. С. 302.

Как видим, тут присутствует нормальная риторика первосвященника, то есть политика: народ, мучения, злоба, справедливость...

Но, повторим, нельзя исключать и того, что каждый из двух больших начальников в первую очередь боролся за себя и свое положение в империи. Любymi методами. Поэтому в словах Каиафы не только риторика. «С этого времени Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: если отпустишь его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю».

Проще говоря, «всаднику Золотое Копье» вульгарно пригрозили доносом. И он сдался...

«Тогда наконец он предал Его им на распятие. И взяли Иисуса и повели».

«И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа...»¹⁹.

А там...

«Становилось все темнее. Туча залила уже полнеба, стремясь к Ершалаиму, белые кипящие облака неслись впереди напойенной черной влагой и огнем тучи. Сверкнуло и ударило над самым холмом. Палач снял губку с копья.

– Славь великодушного игемона! – торжественно шепнул он и кольнул Иешуа в сердце...»²⁰.

1.2. Всюду как всегда

Правосудие всегда было несовершенным, в том числе потому, что чиновники с чиновниками (и теми, кто мог заплатить) всегда умели договариваться. Это даже сложно называть исключением из правил. Это скорее правило. Приведем еще несколько примеров – из истории Великого Княжества Литовского, существовавшего с середины XIII по конец XVII века на территории современной Беларуси, Латвии, Польши, Литвы, Эстонии, а также частично Украины и России.

Процессуальное право по Статуту ВКЛ (который, напомним, был написан на старобелорусском языке) от 1588 года было единым для гражданских и уголовных дел. Еще раз отметим: по нормам состязательного процесса истец (обвинитель) обязан был сам собирать и доставлять в суд доказательства. То есть проводить собственное расследование – уже тогда... В слу-

¹⁹ Евангелие от Иоанна, 19: 12, 16, 17.

²⁰ Булгаков, М. Мастер и Маргарита. С. 450.

чае, если предъявленное им обвинение в суде не было доказано, то сам обвинитель мог быть наказан судом²¹.

С формальной стороны судоустройство того времени отличалось многими хорошими сторонами. Но оно коренным образом менялось, когда затрагивало интересы крупных феодалов (например, проблема долгов князя Доминика Радзивилла или графини Ржеусской): «...если гражданские дела затрагивали интересы крупных феодалов, тогда не только попирались нормы местного права, но такие дела и вовсе изымались из местного судопроизводства»²².

В 1580 году в Вильне гетман литовский Криштоф Радзивилл был возмущен москвитянином Владимиром Заболоцким, потому что последний будто бы не снял при встрече с гетманом шапку. Разгневанный Криштоф назвал Заболоцкого изменником, на что услышал ответ: «Ты сам такой!» Отец Криштофа Михаил Радзивилл, узнав об этом от сына, призвал его к мести.

Нежелание приветствовать высокое государственное лицо снятием шляпы было для придворного мира грубым нарушением этикета. Конечно, оно иногда сглаживалось, особенно в кругу знающих друг друга лиц. Ф. Евлашевский оправдывает Заболоцкого именно так, ссылаясь на его рассеянность²³. Но люди Криштофа Радзивилла напали на Заболоцкого и убили его. Великий князь Стефан Баторий, знавший лично Заболоцкого, был очень огорчен, рассердился на гетмана и недели две не позволял ему появляться в своем присутствии. На том дело и кончилось.

И это правосудие?

Перенесемся в другой исторический период: начало советской власти в Беларуси. «В сентябре 1922 года в УК БССР было внесено дополнение о неприменении смертной казни к лицам, не достигшим в момент совершения преступления 18-летнего возраста. В январе 1923 года очередным дополнением в УК БССР наполовину снижалось наказание лицам в возрасте от 14 до 16 лет, на одну треть – в возрасте от 16 до 18 лет, запрещалось применение смертной казни к беременным женщинам»²⁴.

²¹ История Беларуси IX–XVIII веков. Первоисточники. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm>

²² Шелкоплас, В.А. Судебные органы в Беларуси. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 1997. С. 38–39.

²³ Там же.

²⁴ Вишневский, А.Ф., Довнар, Т.И. История государства и права Беларуси. Минск, 1996. С. 39–40.

Таким образом, до 1922 года казнили детей и беременных женщин.

Это правосудие?

В январе 1930 года в БССР были введены статьи, предусматривающие уголовную ответственность за злостное невыполнение постановлений и правил, обеспечивающих успешную коллективизацию сельского хозяйства (лишение свободы до трех лет с высыланием или без высылания), за агитацию и пропаганду, содержащие призывы к совершению преступлений, препятствующих проведению коллективизации²⁵. Если ты возражал против коллективизации, то есть против того, что у тебя насильно отнимали твою землю, тебя сажали на 3 года.

Это правосудие?

В годы войны на оккупированной территории Беларуси существовало «партизанское правосудие». Подпольными партийными комитетами создавались «тройки», созывались собрания – там, где это было возможно. Но, отмечают исследователи, «вядома, што ў такой судаветворчасці было шмат цяжжасцей. Не магло быць гаворкі аб заслухоўванні ў сваю абарону падсуднага ці прадстаўлення абвінавачвання. У гэтым выпадку органы партызанскай юстыцыі або падпольныя РК КПБ даручалі канкрэтнай асобе (некалькім асобам) прывесці прысуд або рашэнне ў выкананне»²⁶. Проще говоря, по решению «тройки» человек признавался виновным, скажем, в сотрудничестве с оккупантами. По его адресу направляли «канкрэтную асобу» с наганом или автоматом ПППШ («шмайсером» – неважно) – и все правосудие! А какая свобода для сведения счетов!

Об одной из трагических историй тех времен рассказывает журналист Виктор Хурсик в книге «Кроў і попел Дразжна»: целая деревня Дразжно в Стародорожском районе была уничтожена партизанами. Теперь одни авторы называют более чем 200 погибших жителей деревни «пособниками оккупантов»²⁷, другие – мирными жителями²⁸. Но когда (пусть даже и во время войны!) одним махом уничтожают такое количество не окку-

²⁵ Вишнеvский, А.Ф., Довнар, Т.И. История государства и права Беларуси. С. 40–41.

²⁶ Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Мінск, 2010. С. 175.

²⁷ [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://historicaldis.ru/blog/43434711687/"Krov-i-pepel-Drazhna"](http://historicaldis.ru/blog/43434711687/).-PO-SLEDAM-«MUTNOY»-SENSATSII),

²⁸ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elena-2004.livejournal.com/229044.html>

пантов, а своих, «тутэйших», – это страшное правосудие! И еще: *государство со всеми его органами расследования никогда не обращалось к этой трагедии, пока не было проведено самостоятельное журналистское расследование.*

Уже в стабильные советские времена в ночь на 9 июля 1981 года на озере Большое Осовище в Гомельской области Беларуси были убиты инспектор Мозырской рыбоохраны и следователь прокуратуры. По подозрению в совершении этого преступления арестовали пятерых местных жителей. Следствие велось полтора года. Обвиняемые признали себя виновными. Гособвинитель настаивал на применении к ним высшей меры наказания. Суд же приговорил троих к 15 годам лишения свободы, одного – к восьми и еще одного – к двум годам.

А потом, через 2 года, в апреле 1983-го, нашлись настоящие убийцы. За это время они убили еще двух милиционеров и совершили десятки грабежей. Этих людей – семью из соседнего райцентра Калинковичи – обнаружили случайно. И вполне возможно, что результаты дела могли «замять», – настолько неприятна была не только для следователей, но и для руководителей Беларуси ошибка следствия. Громко признаваться в ней не хотел никто. *И общество ничего не знало об этом, поскольку этого не хотела власть со всеми ее прокуратурами, следствиями и судами.*

Тогда в газете «Известия» появился материал (со всеми признаками журналистского расследования) белорусского журналиста и драматурга, собкора «Известий» Николая Матуковского «Тень одной ошибки»²⁹.

Собственно говоря, мы не ведем речь об отрицании государственного правосудия как такового. Мы ведем речь только о том, что, каковы бы ни были начальники, какими бы мотивами они ни руководствовались, но – от сотворения мира – они будут договариваться между собой. И очередной Иешуа Га Ноцри будет ожидать своего распятия... Помочь каждому из них может только истина. И хорошо, если есть кому ее установить! Хотя очень часто бывает, что некому... Тогда в дело и вступают те, кто профессионально обеспечивает гласность. Тогда появляются журналистские расследования.

Таким образом, возникновение журналистского расследования есть закономерность, порожденная развитием общества и становлением СМИ.

---

²⁹ «Известия», 27 ноября 1983 года.

1.3. Где и когда?

Принято считать, что журналистское расследование возникло и развивалось в США. Об этом, в частности, пишет руководитель Петербургского агентства журналистских расследований, известный российский журналист Андрей Константинов: «Стоит признать, что журналистское расследование как жанр в его современном понимании обязано своим рождением Америке»³⁰.

Автор широко известной книги «Журналистские расследования: современные методы и техника»³¹ американец Джон Уллмен ничего не говорит о родине жанра (или вида), но ведет речь практически исключительно об американских СМИ и методах расследования. Что априори предполагает приоритет его страны.

В многочисленных русскоязычных исследованиях приоритет США как родины журналистских расследований подтверждается регулярно. Например, во введении к кандидатской диссертации Елены Зубаркиной (Москва) говорится: «Журналистское расследование как один из видов творческой деятельности, первоначально сложилось на Западе и было связано с такими именами, как М. Твен, Л. Стеффенс, К. Уитмор. В России оно стало развиваться во второй половине XX столетия, хотя признаки этого жанра присутствовали в некоторых работах известных отечественных мастеров газетного дела раньше (В.М. Дорошевич, В.А. Гиляровский, Н.С. Лесков)»³².

Отметим для себя такие формулировки: «один из видов творческой деятельности», «признаки этого жанра присутствовали в некоторых работах известных отечественных мастеров газетного дела раньше» – и пойдем дальше. Вот автореферат кандидатской диссертации Марии Спасовой (Краснодар). Она считает, что зарождение феномена расследовательской журналистики именно в США в начале XIX века было предопределено в силу ряда факторов: экономических – зарождение капитализма; идеологических – пуританские идеалы постепенно

³⁰ Константинов, А. Журналистское расследование. М., 2001. С. 23.

³¹ Уллмен, Дж. Журналистские расследования: современные методы и техника. М., 1998.

³² Зубаркина, Е. Журналистское расследование: история и практика создания авторских телепрограмм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dslib.net/zhurnalistsika/zhurnalistskoe-rassledovanie-istorija-i-praktika-sozdaniya-avtorskih-teleprogramm.html>

трансформируются в более светские идеалы демократии и гражданской добродетели; исторических – в том числе децентрализация американской прессы.

(Напомним, что на территории Беларуси в это время ни о какой децентрализации речи не шло. Напротив, в 1838 году создается по сути «вертикаль» СМИ: власти начинают издавать в пяти губерниях 5 газет «Губернские ведомости» с преференциями из бюджета.)

По мнению Марии Спасовой, в Америке «родоначальником массовых изданий явилась не светская пресса, а религиозная. Именно христианская пресса положила начало массовой журналистике, в том числе и так называемой “макрейкерской” [макрейкеры, англ. muckrakers, – разгребатели грязи, название писателей и публицистов США, боровшихся в начале XX века с коррупцией и злоупотреблениями. – А.Г.]. Так, в 1830 году именно “The New York Christian Advocate” – христианский еженедельник – имел самый большой тираж в стране, а такая христианская газета, как “The Boston Recorder”, была второй по значению в этом городе. “The New York Times” была основана преподобным Реймондом (Raymond), членом пресвитерианской церкви. “The New York Times” приобрела свою популярность после таких широко известных кампаний, как разоблачение коррупционной деятельности демократической партии и ее лидера Твида [Уильям Твид, сенатор Нью-Йорка, лидер демократической партии США в Нью-Йорке и так называемой «шайки Твида» (Tweed Ring). – А.Г.]. А также после серии статей, посвященных запрещению абортов.

Христианские газеты по всей стране имели подобный успех. Общим для них было, пожалуй, то, что все они пытались дать оценку различным, в первую очередь политическим, аспектам американской жизни, исходя из принципов протестантской этики, буквально заимствуя стиль библейских поучений, обещая неизбежность возмездия за грехи и наставляя читателей на пути праведной жизни. Такого рода позиция религиозных изданий, на наш взгляд, послужила основой в дальнейшем развития расследовательской журналистики»³³.

Разумеется, «разгребанием грязи» занимались не только клерикальные СМИ. В Нью-Йорке в 1835 году ирландец *Джеймс Гордон Беннетт* основал газету «The New York Herald». Очень

³³ Спасова, М.В. Специфика журналистского расследования в американских СМИ (от макрейкеров до импичмента Клинтона). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. С. 11.

скоро она стала одной из самых популярных, а в 1836 году ее тираж насчитывал 20 000 экземпляров – по тем временам это очень много! Секрет успеха газеты Беннетта – оперативность и отсутствие запретных тем.

В апреле 1836 года Джеймс Беннетт провел одно из первых журналистских расследований в истории американской прессы, сообщая читателям детали с места убийства 23-летней проститутки Хелен Джеветт. В условиях пуританской тогда Америки это было необычно и привлекательно для публики. Вся страна следила за событиями, а оправдательный приговор подозреваемого в убийстве стал триумфом беннеттовского расследования³⁴. Правда, далеко не сразу...

Отметим, что сам Джеймс Беннетт – язвительный, но хорошо образованный шотландец, начинал трудно. В конце 1836 года Беннетт писал: «Оглушительный успех “The Herald” удивляет меня самого. Я начинал с пятьюстами долларами, дважды подвергался пожару, один раз мой офис грабили, против меня выступила вся газетная пресса, высмеивая меня, презируя меня, угрожая мне <...> Это моя воля, мое желание, мои мысли ежедневно и еженощно направлены на то, чтобы вести “The Herald” и показать миру и потомству, что газета может стать самым великим, самым влиятельным, самым могущественным органом цивилизации, о котором можно только мечтать. Скучные, невежественные, жалкие варварские газетенки, что вокруг меня, не способны поднять моральные принципы и указать новые пути интеллектуального развития нашему энергичному поколению»³⁵.

Некоторые критики (за раскованность и склонность к деталям) сравнивали Беннетта с вампиром, жирующим на кладбище, или с хищной птицей, питающейся падалью...

Но и он в начале расследования убийства Хелен Джеветт не сомневался в виновности основного обвиняемого – Роберта Робинсона, юного клерка одного из местных магазинов.

Мало того что визит на место преступления был сам по себе необычен для своего времени, Беннетт даже описал его от первого лица. Он рассказал читателям, как приблизился к

³⁴ Журналистика США в XIX веке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://libraryno.ru/3-5-zhurnalistika-ssha-v-xix-veke-2012_istor_gurnal_1/

³⁵ История мировой журналистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.textfighter.org/text8/51_york_amerikanskoy_grili_12.php

зданию, где размещался публичный дом миссис Таундсен, как увидел большую толпу у входа, как попросил офицера полиции впустить его и как офицер, объяснив другим, что делает это во благо общества, впустил его...

Затем Беннетт слушал миссис Таундсен, разговаривал с другими женщинами (источниками информации), входил в спальню, где произошло убийство, и видел элегантную двухспальную кровать из красного дерева, на которой лежали обгоревшие обрывки одеяла и женского белья...

Потом он увидел тело убитой и описал его. Он сравнивал его с Венерой Медичи – даже в смерти Хелен Джеветт была красива.

Отметим, кстати: газета «The New York Herald» активно защищала права южан и рабовладельческую систему в целом. Еще и по этой причине популярность ее на юге тогдашней Америки была очень высока.

Сын Джеймса Гордона Беннетта – *Джеймс Гордон Беннетт-младший* – стал редактором «The New York Herald» в 1867 году и продолжил традиции отца. Это именно он послал репортера Генри Стенли в Африку на поиски пропавшего путешественника Дэвида Ливингстона. Репортаж-расследование Стенли о том, как он нашел «пропажу», сегодня цитируется регулярно. Постоянно приводится его хрестоматийная фраза при встрече в джунглях Африки: «Доктор Ливингстон, я полагаю?»

В 1893 году *Сэмюэль Макклур* создает ежемесячник стоимостью в 15 центов за номер, который открыл эпоху дешевых массовых изданий в Америке. Здесь печатались произведения Редьярда Киплинга, Конана Дойля, Томаса Гарди и др. Новую линию наметили пришедшие сюда Эдвин Лефевр с его «Воспоминаниями биржевого спекулянта» и другие его коллеги, которые стали «раскапывать» проблему муниципальной коррупции. Эта тема стала для «The McClure's» золотой жилой: рядовым американцам нравилось читать о нравах и повадках тех, кто обирает их. Это были, как сейчас сказали бы, расследования местного характера. Но тем интереснее они были читателям. Отметим, что с тех пор интерес к так называемым «жизненным» сюжетам меньше не стал. Общественность в первую очередь интересуется, что происходит здесь и сейчас, а не проблемы глобального характера.

«Разгребатели» бичевали пороки американского общества, предавая гласности скандальные факты коррупции, взяточничество, шантаж, закулисные махинации королей нефти, угля и стали, хищничество на железных дорогах, торговлю живым то-

варом. Причем речь шла не только о проблемах известных личностей, но и о бедах простых американцев.

Америку потрясло появившееся в 1906 году *расследование Эптона Синклера о скотобойнях Чикаго* – написанная методом включенного наблюдения книга «Джунгли». В этом громадном городе только на одной фабрике Хаммонда забивали в неделю 3000 животных. А технологии развивались, городское население росло, рынок мяса рос тоже. Эптон Синклер работал на скотобойнях 7 недель, собирая материал для своей книги, которая задумывалась как социологический роман о судьбе рабочих.

Но, как признался позже сам Синклер, он «целился публике в сердце, а попал в желудок». Условия производства, с документальной точностью отображенные в книге, возмутили американское общество. В частности, Эптон Синклер рассказал о том, что из мяса туберкулезного скота тоже делают консервы, и натуралистично живописал несчастные случаи на производстве сала: «Они работали в цехах, наполненных паром, с чанами на уровне пола... одна из особенностей работы заключалась в том, что временами они падали в эти чаны; и когда их вылавливали, смотреть, честно говоря, было не на что, – иногда пропажа обнаруживалась только через несколько дней, когда уже все, кроме их костей, превращалось в чистое свиное сало под маркой Durham's». Или: «Мясо было навалено в помещениях огромными кучами. Потолок протекал и на мясо капало. По нему сновали тысячи крыс. В складах было темно и трудно все разглядеть, но стоило провести рукой по куче мяса – и ладонь наполнялась сухим крысиным пометом. С крысами боролись – раскидывали отравленный хлеб. Крысы дохли. Мясо, крысы, хлеб отправлялись в мясорубку...»³⁶.

Эффект этого пристального натурализма превзошел ожидания автора. В Америке появилась поговорка: «Если ешь колбасу, лучше не спрашивай, как она делается». Но главное: президент США Теодор Рузвельт, который не испытывал личной симпатии к Эптону Синклеру, называя его в личной переписке «чокнутым» и «истеричным», все-таки отправил ревизоров на скотобойни в Чикаго. Проверяющие были шокированы. В том же году приняты первые федеральные законы о контроле за качеством продуктов питания.

---

³⁶ Синклер, Э. Джунгли. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ko.ru/articles/23860>

В США было проведено одно из самых знаменитых журналистских расследований, известное как «Уотергейтский скандал». Все началось 17 июня 1972 года в Вашингтоне. В штабквартиру Национального центра демократической партии США, расположенную в отеле «Уотергейт», проникли 5 человек с наборами отмычек, фото- и звукозаписывающей аппаратурой. Полиция арестовала этих людей, назвавшихся водопроводчиками. Как потом выяснилось, среди них был сотрудник избирательного комитета президента Ричарда Никсона. Этих людей обвинили в попытке установить микрофоны для подслушивания, а также снять копии с документов Джорджа Макговерна – конкурента Никсона.

В этой истории много странного. Исследователь Роберт Геттлин в своей книге «Молчаливый заговор: свержение президента» писал: «С точки зрения предстоящих в ноябре выборов это преступление вообще было лишено всякого смысла. Никакой такой секретной информации про соперников “жучки” не могли дать: к середине июня демократы еще не избрали своего кандидата в президенты, готового бросить вызов Никсону. Да и все опросы общественного мнения свидетельствовали: кто бы ни оказался соперником Никсона, он будет разбит в пух и прах»³⁷.

Директор Комитета по переизбранию президента Джон Митчелл опубликовал заявление, в котором отрицал какую бы то ни было причастность комитета к случившемуся. Президент Никсон полностью отрицал возможность участия во всем этом Белого дома. Попытки подслушивания оппонентов не могли иметь места, заявил он.

Конгресс потребовал расследования, которое, кстати говоря, вначале никак не повлияло на события: в ноябре 1972 года Ричард Никсон стал 37-м президентом США.

Но в дело вмешались журналисты. Репортеры «The Washington Post» Боб Вудворд и Карл Бернстайн (по некоторым сведениям, в начале недолюбливавшие друг друга) упорно продолжали свое расследование. Их не смущали громкие заявления первых лиц государства, попытки откровенного давления, усиленное внимание спецслужб. Они поставили перед собой главную задачу – выяснить имена всех, кто имел отношение к скандалу, – и опубликовали серию сенсационных разоблачений, вызвавших возмущение общественности.

³⁷ Геттлин, Р. Молчаливый заговор. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ogoniok.com/4902/18/>

В Белом доме всерьез готовы были преследовать журналистов. Ответственный сотрудник Чарльз Колсон заявил: «Как только выборы кончатся... мы собираемся вломить “Посту...”. На Л-стрит [там расположена редакция «The Washington Post». – А.Г.] еще пожалеют, что они услышали об “Уотергейте”»³⁸.

Но ничто не остановило журналистов, и в первую очередь тогдашнего редактора – легендарного Бена Бредли, возглавлявшего газету с 1965 по 1991 год.

Поначалу в Белом доме пытались замять скандал. Но обнаруживались все новые факты подслушивания, подсматривания и слежки за оппонентами. Конгресс потребовал предъявить все записи, но была предъявлена только часть из них. Людям Никсона удалось стереть примерно 18 минут записей. Но и сохранилось много. Бывший помощник главы Белого дома Александр Баттерфилд заявил, что разговоры записывались «просто для истории». В качестве аргумента он упомянул, что записи президентских бесед делались еще во времена Франклина Д. Рузвельта.

Тем не менее разоблачения делали свое дело. В декабре 1972 года сотрудница Белого дома подтвердила существование руководимой ею бригады. Она назвала имена членов этой бригады, которые были известны как «водопроводчики», и сообщила, что отчеты о их работе регулярно посылала главному советнику президента. Белый дом был вынужден признать существование бригады «водопроводчиков».

Конгресс США объявил о начале процедуры импичмента. 9 августа 1974 года Никсону пришлось уйти в отставку.

За участие в попытках замять «Уотергейт» его советник Джон Дин был приговорен к четырем годам заключения. Новый американский президент Джералд Форд, обращаясь к народу, сказал: «Кошмар, преследовавший страну, окончился. В нашей республике управляют законы, а не личности»³⁹. Американский исследователь Самюэль Хантингтон в докладе, составленном для созданной в 1970-х годах Трехсторонней комиссии, писал: «В двух самых драматических внутривластных конфликтах периода никсоновской администрации – конфликтах, вызванных публикацией документов Пентагона и “Уотергейтом”, – органы массовой информации страны бросили вызов и нанесли поражение главе исполнительной власти. Пресса фак-

³⁸ Иванян, Э.А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. Белый дом и пресса. М., 1991. С. 254.

³⁹ Константинов, А. Журналистское расследование. С. 37.

тически сыграла ведущую роль в том, что до сих пор не удавалось ни одному отдельно взятому институту, группировке или комбинации институтов в американской истории, – лишить своего поста президента, который был избран менее двух лет назад, добившись поддержки большинства, ставшего одним из самых значительных в американской истории»⁴⁰.

Журналисты Боб Вудворд и Карл Бернштейн опубликовали несколько книг, по которым позже были сняты фильмы, и стали практически национальными героями США.

Впрочем, это единственный случай, когда по результатам журналистского расследования вынужден был уйти в отставку глава государства. Но он помог выявить основные признаки расследования, которые потом были обозначены в разных формулировках. Самой удачной из них представляется, на взгляд автора, формулировка бывшего заместителя редактора –распорядителя газеты «News Day» Роберта Грина. Он определил журналистское расследование следующим образом: *«материал, основанный, как правило, на собственной работе и инициативе, на важную тему, которую отдельные лица и организации хотели бы оставить в тайне»*⁴¹.

Отметим: конечно же, и аналитик, и очеркист, и фельетонист могут тоже писать о преступлениях, происшествиях, тайнах, но уже *открытых кем-то*, известных.

В формулировке Грина содержится сразу несколько основных признаков жанра.

- Должна присутствовать **тайна**, которую нужно раскрыть: там, где нет тайны, – нет расследования.
- Тайна должна быть **общественно важной**, иначе это материал не для расследования, а для рядовой корреспонденции.
- Тайна должна быть открыта **собственными силами журналиста**, и информация для написания материала должна быть собрана собственными силами. То есть судебные отчеты, которые очень многие СМИ любят называть расследованиями, таковыми не являются, потому что информация получена не собственными силами, журналист ничего не расследовал, он только переписал то, что сделали органы следствия. Собственно говоря, и материалы следственных органов, и судебные прото-

⁴⁰ Хантингтон, С. Доклад, составленный для созданной в 70-х годах Трехсторонней комиссии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://israelections2015.wordpress.com/2016/11/03/almog_watergeit/

⁴¹ Журналистское расследование. История метода и современная практика. СПб., 2001. С. 13.

колы, и информация из других источников – все это, полученное в законном порядке, безусловно, может быть использовано. Но все это должно быть результатом работы журналиста по поиску информации.

- Должны быть названы или хотя бы обозначены лица или организации, которые скрывают тайну, то есть те, кто в теории называется «*злодей расследования*» (в американской традиции – bad boys, «плохие парни»).

И еще: почти все без исключения авторы как об одном из основных признаков жанра говорят о *множественности источников информации*. По мнению российского исследователя В.В. Ворошилова, расследование основывается на множестве источников информации: люди, документы, личное наблюдение.

Как справедливо отмечает он же, чтобы расследовательский материал сохранял признаки объективности и беспристрастности, источников должно быть не просто много в количественном показателе. Важно, чтобы кроме точек зрения противоположных сторон конфликта была представлена нейтральная сторона (эксперты, свидетели и т.д.)⁴².

«Прежде всего, их [источников информации. – А.Г.] должно быть *достаточно* для того, чтобы рассмотреть заявленную тему максимально объективно»⁴³.

Но что такое «достаточно»? Довольно часто можно прочитывать и услышать, что в общем достаточно, чтобы были представлены точки зрения хотя бы обеих сторон конфликта. А потом уж журналист сам сделает нужный вывод... Как правило, так считают непрофессионалы и не очень опытные журналисты, склонные преувеличивать собственные возможности. А опытные профессионалы понимают, что невозможно сделать правильный вывод только на основании мнений сторон, вовлеченных в конфликт и, соответственно, склонных преувеличивать собственные достоинства и чужие недостатки. Поэтому нельзя не использовать мнения людей, в конфликт не вовлеченных, но осведомленных о нем, – тех, кто в судебной практике называется свидетелями. При этом всякий раз следует обращаться к экспертному мнению. Ведь журналист, как правило, не специалист в какой-то определенной профессии. Не зря нас называют (помимо прочих обидных названий) еще и «дилетантами ши-

⁴² Ворошилов, В.В. Журналистика: учебник. М., 2016. Гл. 6. С. 206.

⁴³ Бергер, Н.В. Теория и практика журналистского расследования. СПб., 2006. С. 63.

рокого профиля». И то, что нам кажется совершенно правильным, по мнению специалиста может таковым не являться...

Очень кстати всегда приходится документы...

Итак, множественность источников информации – один из важных признаков настоящего журналистского расследования.

Перечисленные признаки, как правило, присутствуют во всех широко известных журналистских расследованиях. А их немало. Например, в 2002 году в газете «Boston Globe» вышло 23 материала, составившие полномасштабное журналистское расследование о педофилии среди священников католической церкви. Нашим коллегам удалось установить, что в Бостоне к этому причастны около 200 священников, а на национальном уровне, по мнению «Boston Globe», их количество составляло 7000. В этом убеждает большое количество самостоятельных усилий по поиску информации, множество источников информации – как одушевленных, так и нет. В 2003 году газета получила Пулитцеровскую премию за «отважное, исчерпывающее освещение сексуальных домогательств со стороны священников, за работу, которая раскрыла скрытое, вызвала местную, национальную и международную реакцию и привела к изменениям в римско-католической церкви».

Сформулированные выше основные признаки расследования явственно просматриваются и в материалах эпохи так называемой «мгновенной журналистики», в том числе, например, в совместных расследованиях BIRN (Балканской сети журналистов-расследователей) и OCCRP (Проекта по расследованию коррупции и организованной преступности). В результате авторы выявили основные каналы поставок оружия в Сирию и ряд других⁴⁴.

Безусловно, какие-то из перечисленных признаков присутствуют не только в материалах американских авторов того (и этого!) времени, но и в материалах столпов русскоязычной журналистики, которых выше упоминала Елена Зубаркина: В.А. Гиляровского, В.М. Дорошевича, Н.С. Лескова. А также в материалах менее известных белорусских журналистов того же времени, хотя считается, что до начала 1990-х годов журналистских расследований в Беларуси не было. Во всяком случае ни

⁴⁴ Марзук, Л., Белфорд, О., Футтерсак, Д. Экспорт оружия на Ближний Восток: все ли законно? OCCRP, 26 июля 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.occrp.org/ru/makingakilling/a-question-of-legality/>

один источник о них не упоминает. А они были... Но об этом несколько позже.

Возвращаясь к Роберту Грину... Ко всему прочему он стал еще и основателем системы группового журналистского расследования, организовав в 1967 году в редакции «News Day» первую в истории американской журналистики бригаду журналистов-расследователей. Команда получила множество национальных и региональных наград, включая две золотые медали, вручаемые вместе с Пулитцеровской премией. Он сделал многое для того, чтобы расследовательская журналистика поднялась на новый уровень.

Кстати, «The Washington Post» не всегда была такой принципиальной, как во времена «Уотергейта» и легендарного Бена Бредли. Три десятка лет спустя, когда администрации президента США Буша младшего потребовалось убедить общественное мнение в необходимости вторжения в Ирак, потому что там якобы есть оружие массового поражения, сложно назвать заметными попытки выяснить, а есть ли это оружие в самом деле. СМИ (включая «The Washington Post», в котором, правда, предпринимались попытки самостоятельного расследования проблемы, в большинстве безуспешные) все больше убеждали общество в том, что оно, это оружие, есть. С этой целью была развернута широкомасштабная пропагандистская кампания, в центре которой оказались самые популярные средства массовой информации США, в том числе «The Washington Post», «The New York Times».

Функцию координатора работы по информационно-психологическому обеспечению агрессии против Ирака на стратегическом уровне выполнял официальный представитель Белого дома Ари Флейшер.

Задолго до начала боевых действий администрацией США были разработаны специальные требования, которые должны соблюдать журналисты, освещающие операцию в Ираке. Всех зарубежных журналистов, аккредитованных в пресс-центре коалиции, предупредили, что работа средств массовой информации будет подлежать контролю в соответствии с правилами, применяемыми во время проведения военной операции. Всего к боевым частям американской армии были «прикреплены» 662 журналиста, еще 95 находились в британских подразделениях. Общенациональные телеканалы США – «Эй-би-си» (ABC), «Эн-би-си» (NBC), «Си-би-эс» (CBS), «Си-эн-эн» (CNN) и «Фокс» («Fox») – и информационное агентство «Associated

Press» получили по 26 мест. Из печатных изданий, помимо солидных «The New York Times», «The Washington Post», «The Wall Street Journal», «Newsweek» и «Time», каждое из которых могло направить по 10 журналистов, в боевых порядках находились и корреспонденты малоизвестных региональных газет⁴⁵.

1.4. Традиции журналистских расследований в Европе

Интересна многолетняя борьба с мафией правосудия *Италии*, что не могло остаться вне поля зрения прессы. Расследования некоторых дел, проводившиеся полицией, были инициированы публикациями в газетах, при том что итальянские правоохранительные органы традиционно стараются не афишировать тесные контакты со СМИ.

Впрочем, и массмедиа должны не подменять правосудие, а лишь информировать граждан о происходящем. Кстати говоря, и профессиональная этика итальянских журналистов не поощряет их сотрудничество со спецслужбами. Единственный в истории итальянской журналистики случай, когда журналист был исключен из числа членов профессионального сообщества, связан именно с тем, что этот журналист сотрудничал со спецслужбами.

В стране широко известен журналист *Карминэ (Мино) Пекорелли*, погибший в 1979 году. Расследование убийства, в заказе которого обвинялся не кто-нибудь, а премьер-министр страны, пожизненный сенатор Джулио Андреотти, затянулось на много лет. В сентябре 1999 года в ходе процесса по делу об убийстве Пекорелли суд города Перуджа оправдал Андреотти после трех с половиной лет слушаний, 168 заседаний, выступлений 231 свидетеля и 33-часового финального обсуждения.

Три года спустя, в ноябре 2002 года, суд Перуджи все-таки признал Андреотти виновным и приговорил к 24 годам тюремного заключения. Согласно тексту решения суда, по поручению премьер-министра Андреотти его помощники связались с членами «Коза Ностра» и организовали убийство журналиста. Апелляционный суд Перуджи признал Андреотти заказчиком преступления, а босса мафии Гаэтано Бадалamenti – организатором убийства (его также осудили на 24 года тюрьмы).

⁴⁵ Информационная война США и Великобритании в ходе военной операции против Ирака. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=3356>

Четверо других мафиози, которые проходили по делу как непосредственные исполнители преступления, признаны судом невиновными. Причина убийства журналиста, по версии суда, заключалась в том, что Пекорелли собирался опубликовать книгу, составленную на основе дневника соратника по партии Андреотти – бывшего премьера Италии Альдо Моро, который был похищен и убит боевиками террористической организации «Красные бригады» 16 марта 1978 года. Дневник, а точнее, записки были написаны Альдо Моро, когда он находился в заложниках у экстремистов, а затем попали к редактору журнала «ОП» Мино Пекорелли, а также префекту Палермо генералу Карло Альберто далла Кьеза. В них, по мнению следствия, было четко обрисовано «истинное лицо» Андреотти и его роль в различных махинациях. Чтобы не допустить публикации этого взрывоопасного материала, Андреотти решил устранить журналиста и префекта Палермо. 20 марта 1979 года 51-летний Мино Пекорелли был убит в своей машине на одной из улиц в центре Рима четырьмя выстрелами в упор, один из которых был сделан ему в рот.

Процесс над Андреотти проходил в рамках крупномасштабной операции «Чистые руки», начавшейся в 1992 году и направленной на борьбу с мафией, что также не обошлось без участия журналистов. Более того, как стало известно несколько лет спустя, даже само название было придумано не полицейскими, а представителями прессы: в распоряжение репортеров попала переписка двух миланских следователей, которые в конце каждой страницы ставили свои факсимиле – буквы «М» и «П». Однако газетчики расшифровали это по-своему – «Мани Пулити», или «Чистые руки», после чего образное название приобрело официальный статус⁴⁶.

О традициях журналистских расследований в Европе достаточно обстоятельно говорится в книге Андрея Константинова «Журналистское расследование»⁴⁷. Весьма интересно изложен, например, опыт *Швеции*. История СМИ здесь насчитывает более 360 лет. Но бурное развитие они получили в XIX веке. Тоже не все было просто, королевская династия упорно не хотела делиться властью с прессой. Характерный пример: в 1830 году начала выходить газета «Aftonbladet» – весьма свободолюбивое

⁴⁶ Журналистское расследование, коллектив авторов. [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://fictionbook.ru/static/trials/06/08/59/06085975.a4.pdf>

⁴⁷ Константинов, А. Журналистское расследование. С. 38–48.

издание. Ее закрывали более 20 раз, но она вновь возрождалась под другими названиями. То же самое происходило и с некоторыми другими газетами, почувствовавшими вкус к тому, что в Америке начало называться «разгребанием грязи».

Известна история молодой журналистки *Эстер Нордстоум*, которая устроилась домработницей в богатую семью, чтобы написать серию газетных материалов, а потом и книгу. Она стала открывательницей на Европейском континенте того, что потом было названо «включенным наблюдением» или «вальрафингом». В 1914 году вышла книга «Служанка среди слуг», которая стала причиной общенациональных дебатов и заявила своим появлением о возникновении шведской расследовательской журналистики.

В 1973 году два молодых журналиста *Ян Гийо* и *Питер Брэтт* опубликовали серию статей об «Ай-би» – информационном бюро, под которым скрывалась разведывательная организация, столь засекреченная, что о ней не знали не только рядовые шведы, но и члены шведского парламента. Оказалось, что оно занималось не только шпионажем за границей, но и слежкой за общественными организациями и партиями.

Власти обвинили журналистов в раскрытии государственной тайны. Их судили и приговорили к тюремному заключению. Но началась шумная кампания, были серьезные дебаты о свободе слова. О деятельности бюро начали писать другие журналисты.

Ян Гийо вышел из тюрьмы победителем. Он стал выдающимся шведским журналистом-расследователем, председателем Стокгольмского клуба журналистов. Среди наиболее его интересных работ – материалы об убийстве Улофа Пальме. Ему удалось доказать, что следствие необоснованно обвинило в убийстве политика рядового хулигана. После публикации этот человек был отпущен на свободу.

В *Германии* на поприще журналистских расследований прославился *Гюнтер Вальраф*. Интересен даже его дебют в журналистике «Мой дневник из бундесвера» – история о том, как он отказался стрелять во время учений. Каждое утро, выходя вместе с другими солдатами на плац, вместо ружья Гюнтер брал украшенную цветами палку, а когда пришло время подписывать текст присяги, то к фразе «Торжественно клянусь верно служить федеративной республике...» добавил «...без оружия». В конце концов от военной службы его освободили «по слабумию».

Гюнтер Вальраф прославился еще и тем, что методами расследовательской журналистики предотвратил по меньшей мере один государственный переворот. Во время поездки в Португалию в 1976 году он узнал о существовании заговорщиков из числа военных и представителей деловых кругов, намеревавшихся совершить государственный переворот. В своей манере «провокации действительности» Гюнтер сумел связаться с ними в обличье представителя финансово мощной западногерманской организации. Сам генерал Спинола, глава заговорщиков, поспешил в Дюссельдорф на встречу с возможным «союзником» с большими деньгами.

После чего оперативно была издана книга с описанием всех подробностей и действующих лиц готовящегося переворота. Скандал получился огромный, переворот не состоялся, его участники были очень недовольны журналистом...

Можно ли назвать методы Вальрафа безупречными? Бывают ли вообще безупречные методы? Сам он говорил, что не оправдывает свои методы, но считает их необходимыми. Совокупность «необходимых» методов вовлекла Вальрафа в неисчислимое количество судебных исков, из которых он далеко не всегда выходил победителем.

В Чехии известна *Сабина Слонкова*: на основе ее материалов был отправлен в тюрьму генеральный секретарь МИД Чехии Карел Срба, который, между прочим, возглавлял в стране кампанию по борьбе с коррупцией. Но Слонкова опубликовала данные о принадлежащей ему собственности на общую сумму более чем в 300 000 долларов. Объяснить происхождение этой собственности чиновник не смог. Тогда он решил заказать убийство журналистки. К счастью, убийца передумал и пришел в полицию...

1.5. Расследовательская журналистика в России

Очень немалый опыт расследовательской журналистики есть и в России. В числе наиболее известных примеров уверенно можно называть «*Историю Пугачевского бунта*» *Александра Пушкина*, содержащую многие признаки журналистского расследования.

Широко известен читающей публике *Владимир Гиляровский* – журналист, прозаик, поэт. Был бурлаком на Волге, крючником, пожарным, рабочим на заводе, объездчиком диких ло-

шадей, циркачом, его называли «королем репортеров». С кастетом и бутылкой водки он проникал в самые опасные трущобы Москвы, расследуя самые тяжкие преступления. Его книги «Москва и москвичи», «Мои скитания» до сих пор считаются классикой журналистики.

Замечательный пример журналистского расследования – дело *мултанских вотяков* (процесс конца XIX века над группой крестьян-удмуртов, называемых в России вотяками), которым занимался прекрасный писатель и журналист, один из кумиров своего времени *Владимир Короленко*. Он продемонстрировал и примеры совершенно блестящей расследовательской журналистики в газетах того времени. А самым известным стало расследование потрясшей тогдашнюю Россию истории о том, как в мае 1892 года на окраине села Мултан Вятской губернии нашли труп нищего вотяка без головы, сердца и легких со следами уколов на теле. Местные власти заговорили о ритуальном жертвоприношении. Эта версия была активно поддержана православной церковью, боровшейся с языческими верованиями. Тогда 11 крестьян-удмуртов были арестованы по подозрению в убийстве. Следствие велось два с половиной года, 7 крестьян двумя приговорами суда были признаны виновными и отправлены на каторжные работы.

Короленко добился пересмотра дела и начал кампанию в печати, опубликовав 10 статей и заметок, много выступал публично. Дело было направлено на рассмотрение выездной сессии Казанского окружного суда в мае – июне 1896 года в городе Мамадыш Казанской губернии. На этом суде Короленко выступил в качестве защитника. Во многом благодаря ему фальсифицированное обвинение было разоблачено и крестьяне оправданы. В письме к брату от 16 июня 1896 года он писал: «Думаю, ты порадовался и за самое дело и за меня! Для всех моих друзей повсюду это было огромное торжество. Между тем, пока еще тут не раскрыта и половина и даже 1/10 доля тех подлостей, которые проделывались над несчастными вотяками, чтобы склеить это якобы “жертвоприношение”. Тут просто действовала шайка полицейских с товарищем прокурора во главе...»⁴⁸.

⁴⁸ Короленко, В.Г. Очерки. М., 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.by/books?id=cEF4BAAAQBAJ&pg=PT207&pg=PT207&dq=Думаю,+ты+порадовался+и+за+самое+дело+и+за+меня!+Для+всех+моих+друзей+повсюду+это+было+огромное+торжество.&source=bl&ots=TZVSmhs_-l&sig=17yflr4gR3VEku1Z-Z8sUEyQtba&hl=en&sa=X&ved=0ahUKEwiA5Zqj29_SAhWEGCwKHSZQC1oQ

Репутация Владимира Короленко в России была настолько высока, что, когда произошла Февральская революция, его прочли в президенты новой демократической России. Но России не нужны были интеллигенты. Ей всегда нужны были радикалы – от Емельяна Пугачева до Владимира Ленина...

Нельзя также не назвать Михаила Салтыкова-Щедрина и его очерки из цикла «Признаки времени», Николая Лескова, Власа Дорошевича, Владимира Бурцева.

1.6. Советская журналистика

Принято считать, что в годы советской власти журналистских расследований не было вообще. «...В доперестроечное время в советской журналистике понятия “журналистское расследование” в качестве самостоятельного практически не существовало... Собранный материал становился содержанием то ли аналитической или критической статьи, то ли проблемного очерка или фельетона и пр.», – утверждает известный российский исследователь доктор филологических наук Александр Тертычный⁴⁹.

С этим утверждением можно соглашаться, а можно и нет. Начнем с того, что в первые годы советской власти, в пору коллективизации сельского хозяйства и, соответственно, борьбы с кулачеством, в годы «большого террора» материалы, по форме очень похожие на журналистские расследования, появлялись в советской печати: «...15 февраля 1928 года газета “Правда” впервые опубликовала материалы, изобличавшие кулачество, сообщавшие о тяжелой ситуации на селе и повсеместном засилии на местах богатого крестьянства, которое обнаруживалось не только на селе, эксплуатируя бедноту, но и внутри самой партии, руководя рядом коммунистических ячеек. Были опубликованы сообщения о вредительской деятельности кулачества – разоблачения о том, как кулацкие элементы в должности местных секретарей не пускали бедноту и батраков в местные отделения партии»⁵⁰.

6AEIJDAB#v=onepage&q&f=false

⁴⁹ Тертычный, А.А. Расследовательская журналистика как вид деятельности СМИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text9/30.htm>

⁵⁰ Раскулачивание: ликвидация кулачества как класса, подборка статей, ссылок, видео. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rossiya.takustroenmir.ru/a_rossiya&raskulachivanie&l.htm

После этого материалы о борьбе с кулачеством публиковались в советских газетах регулярно. И не только сообщения о репрессиях, которые, по версии газет, бурно приветствовались обществом в лице стахановцев, орденосцев и орденосок. Но публиковалось и нечто вроде расследований. В каждом из которых была своя гипотеза (местное кулачество осуществляет зловердные действия), тайна (каким образом оно (кулачество) действует и кто его поддерживает?), как правило, присутствовало немалое количество источников информации, в большинстве безымянных, назывались «злодеи расследования» – вполне конкретные люди, которым после таких публикаций приходилось, надо полагать, несладко.

Вот газета «Советская Белоруссия» от 23 августа 1928 года и в ней статья «Ратомский сельсовет (от нашего специального корреспондента)».

Корреспондент газеты Е. Збуржинский совместно с инструктором орготдела ВЦИК Беларуси Лавриновичем (имя в материале не указано. – А.Г.) выехали в Ратомский сельсовет. Зачем? По их мнению, здесь плохо организована беднота и не работает актив. Гипотеза довольно расплывчатая, но по тем временам вполне «политически грамотная». Журналист, сопровождаемый чиновником (или чиновник, сопровождаемый журналистом), встретился с представителями крестьянской бедноты, которые жаловались на несправедливое распределение леса. По мнению тех же безымянных представителей бедноты, лес распределяется в пользу местных кулаков и городских дачников, у которых и так все хорошо, все есть. А у бедноты нет возможности даже отремонтировать дома.

Автор ознакомился с документами, встретился с неназванным местным учителем. Высказываются прямые обвинения в сотрудничестве с кулаками в адрес председателя сельсовета («злодей расследования») – он назван по фамилии. И вывод: да, действительно беднота плохо организована и актив действительно не работает. Какие меры после этого были приняты, не уточняется. Впрочем, о них можно судить по другим публикациям газеты этого периода.

«Советская Белоруссия» от 3 октября 1937 года, статья «Очистить сберкассы от жуликов и проходимцев», авторы М. Белей и К. Титов. Та же гипотеза – враги вредят. Та же тайна – как они это делают? Немалое количество источников информации – как одушевленных (но неназванных), так и неодушевленных. То же качество аргументов: «Одной из важнейших отраслей

народного хозяйства является система сберкасс и госкредита. Поэтому враги приложили немало усилий, чтобы развалить работу этой системы. В управлении сберкасс БССР враги так же проводили свою гнусную работу, пока не были изъяты.

Такого же примерно содержания и качества материалы «Снова о делах минского юридического института» («Советская Белоруссия», 8 октября 1937 года), «В земельных органах все еще орудуют враги» (в этом же номере), «Обанкротившееся руководство горсовета» («Советская Белоруссия», 6 октября 1937 года), «Расхитители государственного добра» («Советская Белоруссия», 9 октября 1937 года). В этом материале есть восхитительная фраза: «Длинный список вещей, сшитых врагам народа, можно найти в бухгалтерии лаборатории. И как живой упрек подхалиму Сулькиной – директору Белшвейтреста – и теперь еще висит сшитая для шпиона пижама, которую враг не успел забрать по независящим от него причинам».

Целая газетная полоса в номере «Советской Белоруссии» от 12 октября 1937 года отведена под «Процесс над шпионско-диверсионно-вредительской организацией правых в системе наркомзема БССР».

Уже 15 октября еще одна полоса: «Суд над контрреволюционной троцкистской диверсионно-шпионско-террористической организацией, действовавшей на территории Жлобинского района». Приговор – 9 человек к расстрелу. Тут же отклики орденосцев и орденосок – одобряем... Уничтожить... И так далее.

В номере от 21 октября 1937 года – крупный материал «В жлобинском птицеводстве орудуют враги». В номере от 2 ноября 1937 года полоса: «Процесс антисоветской вредительско-диверсионной и шпионской организации правых, орудовавшей в Гомельском районе». Приговор: расстрелять 8 человек.

Общее во всех этих материалах: тайна как бы присутствует, но она примитивна, заведомо известна и легко прогнозируема – есть враги и они вредят советской власти; источников информации вроде много, но они либо безадресны, либо за ними легко прочитывается работа спецслужб. Откуда бы еще взялся пассаж с «пижамой для шпиона»? Собственно говоря, в подобных материалах, как правило, всего один источник информации – все те же спецслужбы.

Отсюда вытекает и еще один вывод по поводу такого рода «расследований»: собственная работа журналиста, как обязательный признак, сводится к присутствию на месте, потом пере-

писыванию материалов спецслужб, приведению их в удобоваримую форму. Говорить о *журналистском расследовании* (когда журналист сам ищет информацию из разных источников, сам анализирует ее и сам делает выводы) не приходится. Скорее мы должны вести речь о *преследовании*, в котором пресса совсем не последнее действующее лицо.

Впрочем, так было в первые годы советской власти. Только на их основе делать окончательные заключения обо всех ее 70 годах, наверное, не следует, поскольку между «военным коммунизмом» и, скажем, «периодом застоя» – немалая разница. Равно как не следует отождествлять, например, католическую церковь времен духовника испанской королевы Изабеллы, великого инквизитора Испании Томаса де Торквемада (от деятельности которого пострадало, по разным данным, более 100 000 семейств) и сегодняшнюю, времен папы римского Франциска, избранного в марте 2013 года. Истина всегда конкретна – будем исходить из этого.

Вопросы для самопроверки

1. Почему возникло журналистское расследование?
2. Кто такие макрейкеры, когда и где возникло их движение?
3. Назовите известные вам формулировки журналистского расследования, его основные признаки.
4. Приведите пример современного журналистского расследования: присутствуют ли в нем упомянутые выше признаки?

**Глава 2. Возникновение
журналистского
расследования в Беларуси**

2.1. Досоветские времена

Для утверждений об отсутствии журналистского расследования в белорусских СМИ вплоть до 1990-х годов есть основания: явно выраженных экономических, идеологических и исторических факторов, которые вполне очевидно сложились в начале XIX века в Америке, в Беларуси не существовало. Но общество жило, становилось все более светским. Интерес к общественной жизни возрастал, попытки анализировать происходящие события, раскрывать тайны, доносить происходящее до современников и потомков также были. И главное, в немалом количестве тогдашних публикаций можно заметить четко выраженные признаки расследования. В том числе тайну, которую пытаются спрятать. А также работу автора по накоплению и изучению информации. И ссылки на разные источники информации, что для журналистского расследования, как мы уже отмечали, обязательный признак и что, отметим сразу, не всегда соблюдалось в материалах американской прессы, которые выше отмечались как первые в США расследования.

К тому же средства массовой информации, способные «копать глубоко», в Беларуси тоже были во все времена. Автор учебника «Беларуская журналістыка» Олег Слука⁵¹ отмечает, что первая на территории Беларуси газета «Кур'ер Віленскі» («*Kurier Vilenski*») издавалась на русском как «Литовский вестник», потом как «Виленский вестник» (на русском и польском языках) и существовала почти 80 лет. В 1861 году в редакции работали почти 100 сотрудников. Не всякая государственная газета сегодня имеет такие штаты.

Но давайте копнем еще глубже: обратимся к летописи, известной как «*Хроника литовская и жамойтская*», датируемой первой половиной XVIII века⁵². В ней говорится, например: «О пораждць Литвы над Мстиславом. Скирмон, сын Микгайловичь, брат Гинвилов, панством Литовским щасливе справуючи, Мстислава, князя слуцкого, з войском русским против собь идучого, поразил, яко льтописцы сведчат, речь свою так провидячи...»

Это «яко льтописцы сведчат» – вполне по тем временам приемлемая ссылка на источники информации. Не было издательств, не было томов и страниц, не было, в конце концов, других источников информации.

⁵¹ Слука, О. Беларуская журналістыка. Мінск, 2011.

⁵² Полное собрание русских летописей: в 43 т. М., 1980. Т.32. С. 15, 21.

Или: «Тое тут для того припомним, абы не было в подивеню съдоцтво летописца литовского о Лездейку...»⁵³. Опять же – ссылка на источник информации вполне по тем временам нормальная. Если грамотные люди были наперечет, то уж летописцы – тем более...

Приводятся даже ссылки на документы: в этой же летописи цитируется «Грамота Мамаева к великому князю Дмитрию»: «Лист царя татарского Мамаея. Так был написан: “От восточного царя от Большой орды, от широких поль, от мощных татар. Рука моя многими царствы обладает и правица моя на многих царствах опочивает. Ратаю нашему Дмитрию Московскому. Въедомо ти есть, же улусы нашими обладаешь, а нашему царству не придешь поклониться; нехай ти будет въдомо, же теперь рука моя хочет тебя карати...”»⁵⁴.

А в белорусских газетах конца XIX – начала XX века примеров публикаций, в которых присутствуют признаки расследования, совсем не так мало, как принято считать. Возьмем хотя бы не самую заметную газету тех времен «*Полоцкія Епархіальныя Вѣдомости*»⁵⁵. Здесь в том числе опубликована большая статья «Крест преподобной Параскевы, княжны Полоцкой». В ней говорится об исчезнувшей святыне (тайна), высказывается гипотеза ее исчезновения со ссылками на вполне адресные источники информации: «Не возвратилась и преподобная игумения Параскева: она, – по сказанию, впрочем, одних только польских писателей (Стрыйковского, Бъельскаго, Кульчинскаго, Старобельскаго и др), – отправилась въ Римъ на поклоненіе святымъ мощамъ апостоловъ Петра и Павла гдѣ и скончалась 12-го октября 1239 г.

Польскій писатель XVII века Wijuk-Kojalovicz, говоря о преп. Параскевъ, упоминает и о ея крестъ...». Всего ссылок на источники информации в этом материале около десятка. Высказываются предположения о тех, кто способствовал исчезновению креста («злодей расследования»). Всю эту информацию автор раздобыл собственными силами.

Существует ряд практически полноценных расследований в газете «*Минский листок*» – издавалась в Минске с 1886 по 1902 год. В газете постоянно публиковались материалы под общей рубрикой «Злобы дня». Вот в номере от 24 апреля 1890 года материал о плохом качестве мяса в минских лавках. Достаточно

⁵³ Полное собрание русских летописей. С. 40.

⁵⁴ Слука, О. Беларуская журналістыка. С. 38.

⁵⁵ «Полоцкіе епархіальныя вѣдомости», 1 мая 1885 года, № 9.

много источников информации: автор, его кухарка, пристав, городовые, хозяин лавки, ветеринар, то есть все стороны конфликта. Автор пытается «подняться над фактом» и ссылается на работу местной Думы.

В номере от 25 мая 1890 года опубликовано расследование преступной деятельности по зарабатыванию денег на спекуляции незаконнорожденными детьми.

В номере от 10 июня того же года расследуется ситуация с актерами местного театра, которые, получив недурной аванс, сбегают из Минска на поиски других источников легких денег.

Все темы имеют общественный интерес, присутствует некая тайна, использованы разные источники информации, прямо назван или обозначен «злодей расследования».

Материалы такого рода в XIX – начале XX века появлялись в белорусской прессе достаточно регулярно. Вот очень интересный пример.

1922 год. Массовые аресты белорусов на Белосточчине. Появились сведения, что во время следствия над политическими заключенными в Белостоке администрация применяла физическую силу. А заключенные объявили голодовку с требованием отделить их от уголовников, предоставить право свободных (не через решетку) встреч с родными. Тогда администрация тюрьмы начала применять искусственное кормление. Пошла информация, что заключенных избивают, издеваются над ними. А с женщинами обходятся наравне с мужчинами, и они ходят окровавленные, в синяках⁵⁶.

Для того чтобы опубликовать в оппозиционной прессе что-то основательное, нужно было провести полноценное расследование, найти надежные и достоверные источники информации. Редакции удалось получить текст письма, которое передал на волю один из заключенных: «Звяртаюся да паслоў беларускага пасольскага клуба з мальбою аб абароне... Прышліце камісію дактароў, прыязджайце самі. Паглядзіце на “збаўленых ад голаду” ахвяр гуманнасці астражнай адміністрацыі. Аўгення Матэйчук і Захаровіч пасля паноўніх “кармленняў” зусім аслабелі... раты ў іх разарваны... твары папухлі...»⁵⁷.

Кроме этого письма в материале был использован еще один надежный и достоверный источник информации – посол (депутат сейма. – А.Г.) П. Волошин. Он установил, что в карточке заключенного Бондарчука было написано: умер от воспаления

⁵⁶ Говін, С.В. Друк заходняй Беларусі. Мінск, 1974. С. 17.

⁵⁷ «Вольны сцяг», 31 жніўня 1923 года.

легких. Но обследование показало, что у него был выколот глаз, повреждена глотка. А после завершения голодовки умерли еще двое политзаключенных-белорусов.

«Загаладалі і кабеты. Звольненыя ад галадоўкі толькі Вера Маслоўская, Сяргей Баран і Зося Старасельская, якія зусім хворыя. Усіх галадаўшых на трэці дзень сталі штучна “ажыўляць”, пры гэтым абходзіліся зусім пазьверску. Палітычных кабет пачалі карміць, літаральна здэкуючыся, разам з угалоўнымі. У сыценах беластоцкага астрогу толькі і чуваць раздзіраючыя душу стогны палітычных па камерах і карцэрах... Гэта – “кормяць”... Калі ня прымеце мераў, дык застануцца жывымі толькі тыя трое хворых, што не галадаюць...

Кормяць нас во як: тры раз на дзень рэдкім жытнім наварам. Пачынаюць карміць на другі, на трэці дзень галадоўкі. Пры гэтым выкручваюць рукі, раздзіраюць палкай рот, каб уставіць кішку... Немагчыма перанасіць крыкі здэкуемых... Кажуць, з кабетами абыходзяцца пры гэтым “далікатней”, хаця ў большасці – абкрываўленыя раты»⁵⁸.

Структура материала, опублікаванага потым у газете, выглядела наступным чынам: «Адкрытае пісьмо да Пана Міністра Унутраных Спраў», за подпісам «Пасол Сойму Браніслаў Тарашкевіч», і асноватэльны куска «От редакцыі», дзе сообщается новая інфармацыя со ссылайка на істочнікі.

В наявічці тайна, скрываема я властями, – то, как обходяться с заключенными белорусами. Есть немалая работа журналистов по поиску информации, немалое количество источников информации, есть «злодеи расследования» – администрация тюрьмы. Что это, как не расследование?

2.2. Советские времена

Мы уже упоминали: существует мнение, что в советские годы исследовательской журналистики не было вообще. Если вдуматься, это выглядит странно: действительно хорошая литература и действительно хорошие писатели были. Действительно хорошая поэзия и действительно хорошие поэты были. А действительно хорошей журналистики и действительно хороших журналистов, умевших работать (и работавших!) в любом жанре, – как бы не было...

⁵⁸ «Вольны сцяг», 31 жніўня 1923 года.

Мы уже говорили о первых годах советской власти. Но последующие годы, особенно после «оттепели» 1960-х, когда достаточное количество «шестидесятников» было и в СМИ (в первую очередь в СМИ!), – уже совершенно другое... И журналистское расследование присутствовало на страницах газет. При том что на заполненных официозом страницах тогдашней газетной «вертикали» (республиканские газеты, в каждой области одна областная газета, в каждом районе – одна районная) рубрика «Журналистское расследование» не появлялась вообще. Хотя, между прочим, и в упомянутых выше материалах дореволюционных российских (и не только российских) СМИ она не присутствовала тоже – не было такой традиции.

В США и европейских странах журналистское расследование под соответствующей рубрикой обрело свое законное место. Но в СССР такой рубрики действительно не было. Вразумительного объяснения этому найти трудно. Но, думается, в централизованном государстве не считалось правильным, чтобы журналист что-то расследовал самостоятельно, в обход партийных комитетов и органов власти.

Да, рубрики не было. Но журналистские расследования все же были. Во всяком случае материалы со многими признаками этого на этажах газетной «вертикали» появлялись достаточно часто. Правда, рубрики были другие, что сути не меняет, – рубрика всего лишь указывает на проблематику данного материала.

Открываем брестскую областную газету «Заря» от 31 июля 1970 года – до перестройки еще добрых два десятка лет. На второй полосе под рубрикой «Командировка по просьбе читателей» стоит материал «Повод для жалобы», автор Ю. Лапшин. В нем речь идет о письмах читателей с жалобами на злоупотребления местных начальников. Начальники этих начальников на телефонные звонки из редакции с попытками выяснить ситуацию бодро отвечают: все нормально и жалобы не правдивы. Но письма из Лунинецкого района, Телехан, Березы – за несколькими подписями каждое – вот они! То есть все очень похоже на ситуацию, когда присутствует явление, «которое какие-то люди или организации хотели бы оставить в тайне». И это явление имеет общественное значение.

Тогда журналист направился в Лунинецкий район, Телеханы, Березу. Всюду встречался с обеими сторонами конфликта. У него набирается немалое количество источников информации. В том числе неодушевленные: письма из районов, книги учета простоев, впоследствии письмо из треста «Белвод-

строй» с признанием вины указанных в жалобах начальников. И одушевленные: шесть названных источников, конкретных действующих лиц – с именами и фамилиями, указанием мест работы – плюс несколько неназванных. В целом вполне приличное количество.

Присутствует то, что называется «злодей расследования». В материале три сюжета и соответственно три «злодея». Расследование велось собственными силами журналиста.

Газета «Заря», 25 ноября 1970 года, рубрика «Командировка по просьбе читателей», материал «Письмо на воде», авторы Ю. Лапшин, П. Сутько. Тайна, которую предстоит донести до читателей: по чьей вине происходят очень дорогостоящие для бюджета простои на Кобринском заводе железобетонных изделий? В материале использовано более десятка источников информации, проблема общественно важная, расследование велось собственными силами.

Областная газета «Гродненская правда», 30 января 1965 года. До перестройки, с ее страстью к разоблачениям, очень далеко. Но в газете под рубрикой «По следам одного письма» публикуется материал «Ивьевские домостроители», автор П. Суткаленко. Исследуется вопрос: по чьей вине выброшено на ветер около 100 000 тогдашних рублей, то есть очень большая в те времена сумма? Все перечисленные выше признаки есть.

«Гомельская праўда», 5 августа 1972 года, «Тармазы на шляху шукальнікаў», автор Вл. Перников. Опять же тайна, которую руководители хотят скрыть: как получилось, что изобретение, сделанное рабочими местного предприятия, присвоили себе их начальники?

В этой же газете под рубрикой «Па слядах пісьма» материал «Як вас абслугоўваюць» – довольно основательное журналистское исследование работы коммунальных служб и ряд других материалов.

И так далее...

Что интересно: такого рода материалы со всеми или несколькими признаками расследования в советские времена публикуются даже в самых бесправных районных газетах. Среди вечных рубрик вроде «Сена дзяржаве», «Угнаенні на палі» и т.д., нет-нет да промелькнет что-то вроде «Па слядах пісьма ў рэдакцыю»⁵⁹.

⁵⁹ «Шлях перамогі», Глубокская районная газета, 17 марта 1970 года, «Корань з'явы», автор Е. Горбачевская.

Не «Уотергейт», конечно, но интрига есть, источников информации достаточно, представлены обе стороны конфликта, присутствует «злодей расследования».

Все перечисленное, безусловно, не затрагивает высокую политику или хотя бы деятельность высоких этажей власти.

Однако американские «разгребатели грязи» тоже занимались далеко не только глобальной коррупцией. Они работали и над местными проблемами, разбирались в бедах простых людей и пытались их защищать. У них тоже часто была проблема с источниками информации. И, кстати, как и советские журналисты, они не особенно рвались использовать мнения экспертов. Что является большой проблемой расследовательских материалов – как тогда, так и сегодня. Стремление оставлять самое авторитетное мнение за собой у многих авторов было и остается.

Так или иначе, в советские времена по меньшей мере по 8–10 материалов со всеми признаками журналистского расследования в каждой из белорусских областных газет за год появлялось. Примерно так же дело обстояло в республиканских газетах. В районных все было значительно хуже. Но, как уже отмечалось, материалы с некоторыми хотя бы признаками расследования там тоже были.

Сейчас журналистское расследование в Беларуси используется достаточно часто.

Вопросы для самопроверки

1. Назовите первые белорусские СМИ, в которых появлялись публикации с очевидными признаками журналистского расследования. Оцените их на соответствие основным признакам.
2. Какие основные признаки у материалов расследовательского характера первых лет советской власти?
3. Сравните какую-то из публикаций расследования советского периода с современными публикациями.
4. Какие виды расследования, на ваш взгляд, наиболее характерны для белорусских СМИ, как государственных, так и негосударственных? Почему?

Глава 3. Информационный повод

3.1. Что такое информационный повод?

С чего начинается журналистское расследование? Как и практически любой журналистский материал, оно начинается с информационного повода: возникает событие, порождающее факт, который вызывает интерес, беспокойство, озабоченность, тревогу...

Существует целый ряд формулировок, но в большинстве они сводятся к одному: *«Информационный повод – это некое событие, которое может заинтересовать публику: постоянную аудиторию средства массовой информации; потенциальных слушателей, зрителей и читателей»*⁶⁰. Добавим: *и посетителей интернет-ресурсов.*

Применительно к журналистскому расследованию часто информационный повод формируется в результате накопления сведений о событиях и порожденных ими фактах – когда становится очевидно, что за ними не эпизод, а явление, имеющее общественную значимость. Явление, которое «какие-то люди и организации хотели бы оставить в тайне», как говорится в сформулированном Робертом Грином определении журналистского расследования (см. § 1.3).

Но чем характеризуется событие, порождающее интересующий нас факт? В общем тем же, чем и широко известный принцип отбора новостей – **принцип пяти «С»**: смерть, стихия, страх, сенсация, скандал. Смысл в том, что, как принято считать, все перечисленное обязательно привлекает внимание, обеспечивает перспективность расследования.

Впрочем, есть варианты. Вот один из них, к которому сходится большинство источников, – 5 характеристик события, способного породить информационный повод:

- при прочих равных предпочтительнее событие, касающееся элитных слоев общества;
- в событии должен быть главный положительный герой, позволяющий публике идентифицировать себя с ним;
- при прочих равных предпочтительнее негативное событие;
- событие должно однозначно пониматься публикой, сложные сюжеты воспринимаются с трудом;

⁶⁰ Информационный повод и связи с общественностью. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://artmodernmarketing.com/brend/informacionnyj-povod>

- событие должно быть максимально согласованным с самыми упоминаемыми темами новостей⁶¹.

Необходимо иметь в виду, что эти характеристики вовсе не обязательно должны присутствовать комплексно. В дальнейшем мы убедимся, что немало примеров, когда «разгребание грязи» не касается элитных слоев. А положительного героя очень часто нет вовсе. И позитивное явление преобладает над негативным. И событие, породившее впоследствии журналистское расследование, вовсе не относится к пяти «С».

Но информационный повод присутствует всегда. В разных видах.

3.2. Виды информационных поводов

Деление информационных поводов на виды выглядит довольно просто. В трактовке автора это:

- публикации в СМИ и социальных сетях, а также комментарии;
- документы властных структур;
- письма читателей;
- личные обращения граждан (в том числе родственников, друзей и знакомых);
- редакционные задания;
- пресс-конференции;
- накопление материалов на определенную тему, которое приводит вас к выводу, что тут есть повод для расследования;
- слухи.

Даже трудно определить, который из этих поводов «работает» чаще.

Журналисты «The New York Herald» в 1836 году не были первыми, кто сообщил об убийстве 23-летней американской проститутки Хелен Джейвэтт. Но именно они обратили внимание на сообщения об этом событии и провели одно из первых в американских СМИ журналистских расследований.

О проникновении злоумышленников в штаб-квартиру демократов широкая общественность в начале не подозревала. Репортерам «The Washington Post» Карлу Бернстайну и Бобу Вудворду сообщил эту информацию некий влиятельный чиновник, которому было дано клятвенное обещание (и оно, кстати, было выполнено) ни при каких обстоятельствах не на-

⁶¹ Информационный повод – это... [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/23477

зывать его имя. Журналисты поставили перед собой задачу донести до общества тщательно скрываемую Белым домом тайну о предвыборных махинациях. И сделали это...

Информационным поводом для расследования Николая Матуковского «Тень одной ошибки» стало решение суда, назвавшее истинных виновных в убийствах инспектора Мозырской межрайонной инспекции «Белрыбвод» Семена Дмитриевича Кузьменко и следователя Мозырской межрайонной прокуратуры Владимира Васильевича Кузьменкова. Но он не стал, как это часто бывает, просто пересказывать решение. Он сумел понять, что здесь присутствует скрываемая правоохранительными органами тайна, и посчитал своим долгом эту тайну раскрыть.

Так бывает очень часто: публикации коллег, на первый взгляд ни о чем особом не говорящие, становятся основой для громких материалов.

Автору, например, не раз приходилось обращать внимание на публикации в СМИ, которые выглядели безобидно, но за ними скрывались явления, которые (вернемся к формулировке) «какие-то люди и организации хотели бы оставить в тайне».

Одна из таких публикаций в практике автора – заметка в становящейся все более популярной тогда (впоследствии закрытой властями) негосударственной «Новой газете Сморгони» (Гродненская область), сообщавшая об аресте местного фермера. Вина его, согласно заметке, заключалась в том, что он пытался дать правоохранителям взятку за возможность продать выращенную им же картошку покупателям из Азербайджана. Невольно возник вопрос: почему для того, чтобы продать собственную картошку, потребовалось еще и давать взятку? Возникла также догадка: что-то здесь не так! Кстати, ощущение-гипотеза такого типа появляется почти всегда именно в таком варианте. И только потом приобретает определенные формы.

Пришлось поехать в район, встречаться с героем публикации (на тот момент его уже выпустили из СИЗО под подписку о невыезде – за 3 дня под стражей совершенно поседевшим!), другими местными фермерами, следователями прокуратуры, руководителями исполкома... Всего около 40 источников информации. Все признавали: да, пытался дать взятку в сумме 200 долларов! Но зачем? Ведь он не нарушил законодательство! А продавать выращенную собственными силами картошку не запрещено.

Никто ответить не мог.

Ощущение тщательно скрываемой тайны только усиливалось, зато маловразумительная гипотеза начинала обретать вполне осязаемые черты. В ходе встреч с одушевленными источниками (только прямые самостоятельные контакты с источниками информации, по убеждению автора, дают те неуловимые акценты, которые и ставят все на свои места!) постепенно выяснялось: в районе началась борьба с коррупцией в рамках всебелорусской кампании. Обязательно нужен был местный эпизод «борьбы» – весомый, грубый, зримый. Азербайджанская фура с фермерской картошкой (герой публикации, которому срочно нужны были деньги на удобрения под весенний сев, продал прошлогоднюю картошку заезжим азербайджанцам) и стала таким эпизодом. Фуру задержали. Азербайджанцам, ребятам «крутым», но не знакомым с местным законодательством, объяснили, что и фура и картошка могут быть конфискованы, – приграничная территория. Те, решительные и злые, явились к фермеру и посоветовали ему выволочь фуру и картошку, а иначе – у него есть жена и дочь, о которых нужно помнить. И которые могут сильно пострадать.

Герой публикации пошел в прокуратуру выяснять, в чем дело. А там ему намекнули на единственный путь к желаемому результату – материализовать просьбу в «условные единицы». Что простодушный фермер и сделал. Правда, денег не было, но он походил по знакомым и вернулся с упомянутыми двумя сотенными долларовыми бумажками. И был здесь же задержан.

Потом была публикация моего расследования в очень популярной тогда «Народной воле». Было недовольство действиями местных правоохранителей на самом верху белорусской властной вертикали: вы что, накануне выборов хотите настроить народ против власти? Был суд, который с учетом того, что попытка дать взятку все же была, определил фермеру, что называется, «ниже нижнего» – полгода условно, хотя по закону полагалось много больше⁶².

Довольно часто поводом к расследованию становятся документы властных органов, иногда опубликованные в СМИ, чьими учредителями они же и являются. Таким именно образом в 2007 году в газете «Пухавіцкія навіны» было опубликовано решение Пуховичского райисполкома Минской области о строительстве на территории района под Минском (сплошь чистейшие озера и красивейшие сосновые леса!) российского за-

⁶² «Народная воля», 28 июля 2000 года.

вода по производству ядохимикатов. Это решение вызвало протесты жителей поселков Дружный и Свислочь, которые, плюс ко всему, никак не могли добиться правдивой информации о возможном воздействии на окружающую среду. После публикации в газете партии коммунистов Беларуси «Товарищ» (сейчас «Справедливый мир». – А.Г.), выходявшей тогда тиражом около 70 000 экземпляров, выполненного автором объемного расследования, состоявшего из нескольких частей, многое стало известно. И люди начали выходить на акции протеста.

Что-то в этом роде стало информационным поводом для журналистского расследования в Лиде, где властями было принято решение о строительстве завода по оцинкованию металла. Производственный процесс завода предусматривал использование около 200 тонн соляной кислоты в год. Расследование об уровне опасности предприятия было опубликовано в «Народной воле», после чего власти вынуждены были провести общественные слушания.

Накопление информации сработало в случае с публикацией очень интересного журналистского расследования о работе одного из вьетнамских кафе на минском рынке «Ждановичи»⁶³. Автор Ольга Декснис регулярно слышала мнения друзей и знакомых о работе этих кафе. Мнения весьма противоречивые. И решила наконец выяснить все, устроившись туда на работу. Ее несколько публикаций о безобразиях этого «общепита» в «Комсомольской правде в Беларуси» вызвали большой общественный резонанс.

Существует множество примеров, когда информационным поводом для расследования становилось редакционное задание. И не только редакционное...

Перед студентами ЕГУ, изучающими курс «Журналистское расследование», всегда стоит задача: по итогам курса написать полноценное расследование – с конкретным конфликтом, тщательно скрываемой (или вовсе не известной) тайной, гипотезой, которая должна быть подтверждена или опровергнута. Герои (положительные и отрицательные) должны быть названы, как и точный адрес всего происходящего. Тема согласуется с преподавателем. То есть студентам – юношам и девушкам практически без опыта журналистской работы – приходится фактически по принуждению преподавателя и под его контролем искать

⁶³ Декснис, О. Как я работала официанткой во вьетнамском кафе «Сайгон» // «Комсомольская правда». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kp.by/daily/26213.7/3096936/>

информационный повод, формулировать тему, выстраивать гипотезу. А потом готовить расследование согласно только что изученной технологии.

В результате получаются работы как более, так и менее интересные. Но третий курс 2014//15 года показал просто замечательные результаты! Лучший из них – работа студента Виталия Багеля «Они бездумно шли на убой или сопротивлялись?» о бойцах сопротивления еврейского гетто в Вильнюсе. Ему удалось встретиться с живыми участниками тех событий. С теми, кто доставлял в гетто оружие и участвовал в боях на его территории. Он очень много работал с документами. Погруженность в события, трагические тайны тех времен, хорошие язык и стиль – и в результате популярная версия о евреях, которые покорно шли на убой, рухнула⁶⁴.

Отличные – практически профессиональные – работы написали студенты этого же курса Александра Макасы, Анастасия Луковская, Евгений Гончар, Алесь Сасим. Собственно, весь курс. И это говорит не только о вовлеченности в учебу и старании студентов. Это в первую очередь подтверждает: зная технологию расследования и следуя ей, можно подготовить качественный материал даже при отсутствии опыта.

И, наконец, слухи: могут ли они быть информационным поводом? Нужно ли отметить их сразу, поскольку они всего лишь слухи?

Весна 1986 года. Настроение приподнятое, поскольку все ждут Первомайских праздников. Правда, ходят какие-то разговоры о какой-то аварии на какой-то атомной станции. Никто в это особенно не верит, и праздники проходят как обычно... А потом – как гром с ясного неба: авария в Чернобыле! И началось...

Примеров, когда слухи уверенно превращаются в реальность, достаточно. Вот еще один из примеров: в Беларуси давно говорили о раздаче в Минске дорогостоящей земли приближенным к главе государства чиновникам. Журналисты «Нашей нивы» опубликовали список получателей этой земли: «Дразды № 2: поўны спіс чыноўнікаў, якім раздалі зямлі на \$10 мільёнаў»⁶⁵. Полноценного расследования как такового не получилось, но слухи и в данном случае подтвердились.

⁶⁴ Виталий Багель, ЕГУ, итоговая контрольная работа.

⁶⁵ Дразды № 2: поўны спіс чыноўнікаў, якім раздалі зямлі на \$10 мільёнаў // «Наша Ніва». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nn.by/?c=ar&i=129566><http://nn.by/?c=ar&i=129566>

Студентка ЕГУ Евгения Гулевич в своей бакалаврской работе «Специфика, проблемы и перспективы жанра журналистского расследования в контексте цифровой журналистики» проанализировала 28 зарубежных и отечественных расследований. И пришла к выводу, что в рамках эпохи цифровой журналистики наиболее популярными видами информационных поводов выступают слухи или подозрения, в том числе и распространенные в Сети, а также другие расследования, как журналистские, так и следственных органов. Один из примеров: поводом для публикации балканских журналистов «Тропой “Койота”: как сербский пулемет оказался на сирийской войне» стали подозрения, основанные на фото- и видеоматериалах в социальных сетях, на которых изображены солдаты с оружием сербского производства⁶⁶.

Таким образом, слухи и подозрения есть нормальный информационный повод. Естественно, и относиться к ним нужно, как к любому другому нормальному информационному поводу: не доверять вслепую, проверять любыми возможными путями.

3.3. Опасности

Азбучная истина: всякая информация в журналистике нуждается в проверке. Событие, породившее информационный повод, – тем более.

Упомянутый выше фермер мог предложить взятку по какой-то иной, тоже не лежащей на поверхности причине.

Считающиеся экологически вредными предприятия иногда оказываются если не совсем безвредными, то и не такими, какими их рисует распаленное воображение обывателя.

Кафе на рынке «Ждановичи» могло быть образцом санитарии и гигиены и подвергаться нападкам со стороны местных конкурентов из черной зависти к проворным вьетнамским коллегам.

Сообщения в соцсетях бывают не чем иным, как провокацией. И фото сербского автомата в упомянутом выше материале «Тропой “Койота”» могло быть изготовлено в помощь фотошопа...

⁶⁶ Ангеловский, И., Косич, Е., Марзук, Л. и др. Тропой «Койота»: как сербский пулемет оказался на сирийской войне. OCCRP, 9 мая 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.occrp.org/ru/makingakilling/the-coyotes-trail-a-machine-guns-path-from-serbia-tosyria/>

Слухи о раздаче земли чиновникам могли оказаться стандартным «вбросом» оппозиции.

Все должно быть проверено.

Существует и такой очень популярный метод создания нужных кому-то информационных поводов, как презентации с фуршетами и раздачей сувениров. Фуршеты в таких случаях считаются законной «добычей» журналистов. И чем богаче фуршет, тем богаче добыча.

Но не только. За всем этим стоит и еще одна простенькая истина: чем богаче фуршет, тем выше лояльность журналиста к организаторам фуршетов. Не все коллеги понимают (хотя многие и не хотят понимать), что за всем этим стоит вульгарный обмен лояльности изданий на калории фуршетов. А читательская аудитория превращается в заложника принудительного гостеприимства.

Не зря в этическом кодексе «The New York Times» так и написано: «...Сотрудники редакции не должны принимать подарки, билеты, скидки и т.д. от лиц или организаций, [деятельность] которых освещает “Таймс” или может освещать в ближайшем будущем»⁶⁷. Журналисты этой газеты, как правило, не участвуют в фуршетах, рекламных поездках и пр. Мотив прост и достоин уважения: они не хотят зависеть от источника информации.

Газета «The Washington Post» пошла еще дальше, опубликовав меморандум, в котором провозгласила отказ от согласования текстов интервью с интервьюируемыми: «Мы с тревогой отмечаем, что требования “согласования цитат”, которые выдвигают ньюсмейкеры, зашли слишком далеко. Из-за существования этой практики возникает риск того, что у читателей создается ошибочное впечатление, будто мы даем возможность нашим источникам информации получить чрезмерный контроль над содержанием наших материалов. В самых крайних формах это выражается во вмешательстве (в работу журналистов) пресс-атташе, ньюсмейкеров и других лиц, которое выходит далеко за пределы традиционных переговоров между корреспондентом и ньюсмейкером об условиях интервью»⁶⁸ (<http://ria.ru/media/20120921/755579955.html>)

⁶⁷ Михайлов, С.А. Журналистика США. СПб., 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text6/01.htm>

⁶⁸ Общественное объединение «Журналисты “The New York Times”» отменило практику согласования интервью с ньюсмейкерами. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journalist.kg/news/new-york-times->

Вслед за «The Washington Post» и со ссылкой на нее такой же примерно меморандум опубликовала польская «Gazeta Wyborcza».

Некоторые выводы

- Всякий информационный повод нуждается в тщательной проверке. Может оказаться, что событие, породившее его, существует только в чьем-то воображении, а события не было. Или оно могло бы быть, но не состоялось. Или оно состоялось, но истолковано не так.
- Особенно тщательно следует проверять те информационные поводы, которые вам «подсовывают» на фуршетах, пресс-конференциях, в пресс-релизах. За этим могут стоять (и стоят чаще всего) групповые или коммерческие интересы.
- Сообщения в соцсетях нуждаются в такой же тщательной проверке, как и любой иной информационный повод.
- Слухи и подозрения – такой же информационный повод, как остальные. Работа с ними определяется теми же правилами.

3.4. Перспективность

Даже убедившись, что событие, породившее информационный повод, есть, оно реально, оно существует, нужно оценить его перспективность. Стоит ли на этот информационный повод реагировать? Насколько он серьезен? Имеет ли он общественное значение?

Хрестоматийным примером неправильной оценки резонансности события, приводимым регулярно, считается реакция американского телевидения на начало первой чеченской войны. Им показалось, что произошла всего лишь мелкая стычка российских военных и чеченцев. И незачем посылать так далеко съемочную группу... И не послали.

А потом, когда выяснилось, что это не эпизод, а практически полноценная война, приехавшие раньше коллеги уже навели контакты с российскими военными, чеченскими полевыми командирами и ориентировались в обстановке. Американцам же пришлось начинать с нуля.

Как видим, оценка перспективности темы – серьезный этап в самом начале работы по подготовке журналистского расследования. На решение (заниматься этой темой или не заниматься)

может повлиять множество факторов: от общественного мнения по данному вопросу (евреи в гетто покорно шли на убой и нечего тут расследовать...) до мнения специалистов (фермер пытался дать нашему следователю взятку в 200 долларов просто на всякий случай, никто его не принуждал...).

Кстати, многолетняя практика автора показывает, что особенно осторожно нужно относиться к мнению специалистов. Здесь, как правило, силен фактор корпоративной солидарности, взаимной зависимости и подчиненности. Высок шанс получить недостоверную информацию под грифом достоверной или не получить ее вовсе. Именно поэтому так важна независимость специалистов, которых мы избираем в качестве экспертов. Независимость от властей, их оппонентов, мнения коллег.

Мы помним, как в расследовании «Тень одной ошибки» Николай Матуковский пытается выяснить у самых высоких должностных лиц правоохранительной системы Беларуси, специалистов самого высокого уровня (по сути – безусловно экспертов!), почему при расследовании убийств не были выполнены вполне очевидные действия. Почему резонные мнения отвергались? И конкретного ответа не получает. «Сдавать своих» не принято нигде. Более того, его пытаются убедить в том, что тема неперспективна и не имеет собственной значимости.

Очень часто говорят об интуиции журналиста, которая якобы помогает прийти к верному решению. Я не знаю, что такое интуиция. Но зато знаю, что такое собственный опыт, накопленная самостоятельно информация, точная оценка качеств специалиста, к которому можно обратиться за экспертным мнением, – наверное, все это и порождает субстанцию, именуемую интуицией. Именно это, думаю, помогло Николаю Матуковскому принять правильное решение.

Подводя некоторые итоги, нельзя не заметить: критерии оценки резонансности той или иной темы всегда размыты, всегда субъективны. Правда, автор популярного российского учебника «Журналистское расследование» Андрей Константинов предлагает несколько рекомендаций, которые все же позволяют придерживаться каких-то правил:

«Оцените ту информацию, которая уже была опубликована на эту и подобные ей темы. Много ли ваших предшественников ходило схожими тропами?»

Если вы беретесь за тему, на которую многие уже писали, ответьте себе на вопрос: сможете ли вы сказать что-то новое читателям?»

Имейте в виду, что читателей прежде всего интересуют обстоятельства, которые могут коснуться их лично или близких им людей.

Обыватель любит истории из тайной жизни сильных мира сего»⁶⁹.

Вопросы для самопроверки

1. Каки вы знаете виды информационного повода?
2. Какие опасности могут быть связаны с информационным поводом?
3. Как оценить перспективность информационного повода?

---

⁶⁹ Константинов, А. Журналистское расследование. С. 121.

Глава 4. Виды исследований

4.1. Классификация расследований

В разных источниках можно найти разные типы классификации видов журналистского расследования. Александр Тертыйный, профессор МГУ, считает, что существуют:

- расследование политических преступлений;
- расследование экономических преступлений;
- расследование коррупции;
- расследование преступлений в сфере экологии;
- расследование исторических тайн;
- расследование социально-бытовых преступлений⁷⁰.

Автору видятся здесь некоторые противоречия. Прежде всего потому, что предметом журналистских расследований, в том числе политических, не всегда являются преступления. Довольно часто речь идет всего лишь об ошибках, злоупотреблениях, должностных нарушениях, как в случаях, например, с созданием ненадлежащих условий для наблюдателей на выборах. Или с кафе на рынке «Ждановичи». Или с крестом Евпраксии в «Полоцких епархиальных ведомостях», где речь идет о переплетении обстоятельств, приведших к утрате реликвии... А коррупция – практически всегда предмет экономических расследований.

В то же время в этой классификации отсутствует достаточно популярный вид расследований – криминальный.

По мнению автора, более интересен другой вариант классификации, предлагаемый во многих других источниках, когда журналистские расследования делятся:

- на политические;
- экономические;
- социально-бытовые;
- исторические;
- криминальные.

Безусловно, разделение на виды часто весьма условно. К примеру, расследование, в котором речь идет о политике, уличенном во взятках, – политическое или криминальное?

А расследование строительства завода по производству ядохимикатов на территории сосновых лесов и чистейших озер,

---

⁷⁰ Шиблева, Н.А. Жанр журналистского расследования и его функционирование в российских газетах // Молодой ученый. 2011. № 2. Т. 1. С. 237–239. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://moluch.ru/archive/25/2598/>

разрешение на возведение которого могло быть получено в результате взяток, – экономическое или криминальное?

А избивание и потом осуждение известного политика Андрея Санникова на площади перед Домом правительства 19 декабря 2010 года – политика или криминал?

А расследование некачественной работы кафе на рынке «Ждановичи» – криминальное или социально-бытовое?

А расследование балканских журналистов о поставках оружия в Сирию – криминальное или политическое?

В журналистике это называется «разнотемье». И очень важно все же определиться с проблематикой. Давайте вспомним «Уотергейт» – совершенно на первый взгляд криминальную историю. Ну, проникли какие-то люди в апартаменты одного из отелей... Легче всего было бы назвать ситуацию попыткой воровства (тем более что и цель у «водопроводчиков» была именно воровство, в том числе документов) и осудить их по незначительной криминальной статье. Кстати, попытки именно такой оценки событий тогдашней президентской администрацией предпринимались. И очень важно было решить, какой аспект главенствует в этом расследовании. Журналисты «The Washington Post» не поверили в криминальные цели, занялись политическим аспектом проблемы. И оказались правы!

Исчезновение белорусского политика Виктора Гончара, оператора Дмитрия Завадского, бывшего министра внутренних дел Юрия Захаренко, предпринимателя Анатолия Красовского власти пытаются свести к «разборкам» уголовников... Это расследование ждет своего часа. И оно дождется, и это, безусловно, будет политическое расследование.

Очень важное правило «разнотемья»: найти, в чем все же суть данного конкретного информационного повода. И строить расследование именно на этом. Не отвлекаясь на сопутствующие проблемы.

4.2. Политические расследования

Начнем, как водится, с формулировок. А их много. Николо Макиавелли, один из основателей политической науки, определил политику как «совокупность средств, которые необходимы для того, чтобы прийти к власти, удержаться у власти и полезно использовать её...»⁷¹.

⁷¹ Макиавелли, Н. Государь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: readli.net/chitat-online/?b=402864&pg=1

То есть, при всем разнообразии формулировок, **политика** – сфера деятельности, ядром которой является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти. Именно поэтому в разряд предметов политического журналистского расследования попадают прежде всего явления, действия, события, представляющие собой нарушения законов, связанные с борьбой за власть (это может быть подтасовка результатов в период выборов; преследования по политическим мотивам; деятельность партий и общественных организаций; деятельность СМИ; заключение международных договоров, наносящих ущерб стране, и т.д.). А само политическое расследование есть не что иное, как **материал о борьбе за власть**.

К чисто политическим можно отнести расследования Боба Вудворда и Карла Бернстайна в США; расследования убийства Улофа Пальме в Швеции Яна Гийо и Питера Брэтта; расследования действий российских военных в Чечне Анны Политковской; расследования Гюнтера Вальрафа, предотвратившего фашистский переворот в Португалии в 1976 году. Попытки расследовать смерть белорусского журналиста Олега Бебенина (далеко не самые удачные, надо сказать).

К политическим можно отнести и расследования Алексея Навального в России, хотя по многим признакам это не столько материалы о борьбе за власть, сколько **инструменты в борьбе за власть**. Достаточно прочесть начало такого материала, как «Он вам не Димон. Дворцы, яхты и виноградники – тайная жизнь Дмитрия Медведева»⁷²:

«Премьер-министр Дмитрий Медведев создал себе образ чиновника, которого никто не воспринимает всерьез. Самые одиозные его высказывания вызывают в обществе скорее насмешки, чем гнев. К нему относятся со снисхождением, ведь он хотя бы не кажется откровенным злодеем.

Даже после того, как ФБК рассекретил его тайную дачу в Плесе – один из самых дорогих объектов, которые мы когда-либо снимали, – мнение о нем принципиально не изменилось. Все по-прежнему считают его чудачком, который оказался не на своем месте, слабовольным, но хорошим, в сущности, человеком, любителем смешных гаджетов, а не дворцов.

Сегодня мы расскажем, насколько все заблуждались. Дмитрий Анатольевич Медведев – вовсе не смешной чудак, над

⁷² Он вам не Димон. Дворцы, яхты и виноградники – тайная жизнь Дмитрия Медведева. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dimon.navalny.com/#intro>

которым стоит подсмеиваться. Он создатель и глава огромной, многоуровневой коррупционной схемы».

Это, вообще-то, дурной тон: начинать журналистское расследование с оскорблений в адрес главного героя. Тем более что в дальнейшем – вся аргументация о дворцах и поместьях, которые авторы приписывают Медведеву в этом громадном по объему (более 80 000 знаков!) описании, перегруженном мультимедийными материалами, функция которых часто невразумительна... В этом очень трудно читаемом расследовании (по сведениям самих авторов, только 10-я часть посетителей ресурса дочитывает его до конца, и мы можем только догадываться, как все обстоит на самом деле) все держится лишь на утверждениях типа: этой собственностью владеет такой-то фонд, а фонд возглавляет сокурсник Медведева, значит, собственность принадлежит Медведеву... Логика, которая как минимум требует дополнительных аргументов.

В этом контексте нельзя не вспомнить одного из героев «Уотергейта» Боба Вудворда, не так давно сказавшего в интервью CNN: «Тон нашей прессы вообще настоящая проблема. В самих телевизионных сюжетах, и особенно в комментариях к ним, чувствуется такое чрезмерное (журналистское) самодовольство и самодостаточность людей, ничем не гнушающихся, чтобы выставить президента в нелепом виде, любой ценой. Когда мы разоблачали Никсона, конечно, это была совсем иная эпоха. Но мы никогда не позволяли себе озвучить что-то в уничижительном тоне. Тон нашего расследования был: какие имеются факты?»⁷³.

В нашей стране в ходу телевизионные политические расследования, такие как «Площадь. Железом по стеклу», «Баш на БАЖ» и другие такого же рода, построенные в большинстве на материалах спецслужб. И тоже сплошь в уничижительном тоне. И тоже страдающие отсутствием фактов и используемые как инструменты в борьбе за власть. И тоже, как упомянутые выше расследования первых лет советской власти, построенные в большинстве на материалах спецслужб.

Но, как правило, в белорусской журналистике превалируют социально-бытовые и криминальные журналистские расследо-

⁷³ Watergate Reporters Woodward & Bernstein: Media Needs To Watch Its «Tone», Be Careful Not To «Ridicule» The presidenthttps? [Электронный ресурс]. Режим доступа: //www.realclearpolitics.com/video/2017/12/31/watergate_reporters_woodward__bernstein_media_needs_to_watch_its_tone_be_careful_not_to_ridicule_the_president.html

вания. На белорусском государственном телевидении довольно часты хорошо сделанные исторические расследования...

4.3. Экономические расследования

К экономическим расследованиям можно отнести все, что связано с бизнесом, финансами, производством, энергоресурсами и т.п.

Основная проблема экономических журналистских расследований, как правило, **коррупция** (от лат. *corrumpere* – растлевать) – термин, обозначающий обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам⁷⁴.

Наиболее часто этот термин применяется по отношению к бюрократическому аппарату и политической элите. Соответствующий термин в европейских языках обычно имеет более широкую семантику, вытекающую из первичного значения исходного латинского слова.

Характерным признаком коррупции является конфликт между действиями должностного лица и интересами его работодателя либо конфликт между действиями выборного лица и интересами общества. Многие виды коррупции аналогичны мошенничеству, совершаемому должностным лицом, и относятся к категории преступлений против государственной власти.

«Коррупция является оборотной стороной деятельности любого централизованного государства, которое претендует на широкий учет и контроль»⁷⁵. Там, где все зависит от чиновников, – они продаются и покупаются. Не все. Но многие!

Расследования американской журналистки Иды Минервы Тарбелл, связанные со скандалами в нефтяном бизнесе и опубликованные в начале минувшего века, до сих пор считаются классикой жанра. В результате сбора материалов о деятельности компании «Standard Oil», владельцем которой был знаменитый Рокфеллер, журналистка выпустила двухтомный труд

⁷⁴ Билинская, М.Н., Моисеев, В.В., Ницевич, В.Ф. Современная коррупция: отечественная специфика и зарубежный опыт противодействия. М.; Берлин, 2014. С. 9.

⁷⁵ Латов, Ю.В., Ковалев, С.Н. Теневая экономика: учебное пособие для вузов. М., 2006. С. 58; Попов, Ю.Н., Тарасов, М.Е. Теневая экономика в системе рыночного хозяйства: учебник. М., 2005. С. 76.

«История компании “Standard Oil”, в котором, в частности, писала: «У меня никогда не было предубеждения относительно их богатства и размеров, я ничего не имела против их корпоративной структуры. Мне хотелось, чтобы они объединялись и становились настолько крупными и богатыми, насколько возможно, – но только законными методами. Но они никогда не вели честной игры, и я утратила благоговение перед ними»⁷⁶.

Борьба с коррупцией не менее опасна, чем политическая борьба.

Будучи министром сельского хозяйства и продовольствия Беларуси, прежний руководитель Могилевской области Василий Леонов в 1996 году усомнился в качестве заключенных его предшественниками договоров на закупку зерна. И объявил новый тендер – тогда Беларусь закупала фуражное и продовольственное зерно в объеме от полутора до двух миллионов тонн. В результате выяснилось, что предшественники намеревались покупать зерно по ценам в среднем на 25 долларов выше, чем цены на мировом рынке. Даже при объемах в полтора миллиона тонн «откат» мог составить очень немалую сумму. Когда это выяснилось, были отменены прежние договоры (а их, как потом стало известно, курировали высокопоставленные столичные чиновники) и подписаны новые с новыми поставщиками. Тогда против новых поставщиков началась настоящая война: их счета блокировались, в деятельность активно вмешивались силовые органы. Расследование на эту тему под заголовком «Хлебные войны» опубликовала «Советская Белоруссия». А 11 ноября 1997 года Василий Леонов был арестован с предъявлением самых ужасных обвинений: от покушения на убийство высокопоставленных лиц до хищений в особо крупных размерах. Правда, в ходе следствия от этих обвинений ничего не осталось: суд вменил только несколько предметов мебели из колхозной мастерской, несколько килограммов помидоров и рыбы из того же колхоза... «Потянуло» на 4 года лишения свободы.

Примеры материалов, которые официально считаются журналистскими расследованиями и построены на проблемах экономики, в белорусских государственных СМИ есть. Но, по сути, называть их экономическими расследованиями сложно. В их числе, например, материал «Поставили на счетчик, или чей веник выметает детей из зала на улицу»⁷⁷. Банальная история

⁷⁶ Рыцари пера и скандала // «Коммерсант.ру». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/360864>

⁷⁷ «СБ. Беларусь сегодня». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://>

о том, что чиновники не заботятся о развитии материальной базы для занятия спортом на селе. На статью худо-бедно тянет, на расследование – нет. Практически ни одного признака жанра. И в первую очередь отсутствие тайны.

К такой же категории материалов можно отнести «Ох, не весел новосел»⁷⁸, «Данкверт его знает»⁷⁹ и ряд других.

Нельзя не отметить, что в еженедельнике «Белорусы и рынок» – самом что ни на есть экономическом – материалов в жанре расследования найти не удалось: в большинстве общие рассуждения с минимальным количеством источников информации.

В «Национальной экономической газете» в последние годы расследований, отвечающих сформулированным ранее признакам, тоже обнаружено не было.

В последнее время большой резонанс вызвали расследования Сергея Сацука о коррупции в Министерстве здравоохранения.

Подытожим: ярко выраженного стремления к борьбе с коррупцией при помощи журналистских расследований в белорусских СМИ обнаружить не удалось – как в государственных, так и в негосударственных. За исключением, пожалуй, нашумевшего материала Сергея Сацука о коррупции в Минздраве. Может быть, это связано с отсутствием необходимой квалификации у авторов. А может быть, и с тем, что экономика Беларуси в большей части государственная и при расследовании всякого рода тайн в этой сфере приходится сталкиваться не с сопротивлением отдельных лиц, а с консолидированной реакцией мощного государственного аппарата. А это уже чревато очень большими неприятностями.

4.4. Социально-бытовые расследования

Когда мы говорим и пишем о социально-бытовых расследованиях, то, как правило, отталкиваемся от понятия «социально-бытовая среда». Но что это такое? Предлагается ряд формули-

---

www.sb.by/articles/postavili-na-schetchik-ili-chey-venik-vymetaet-detey-iz-zala-na-ulitsu.html

⁷⁸ «Республика». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://respublika.sb.by/obshchestvo-27/article/okh-nevesel-novosel.html>

⁷⁹ Данкверт его знает // «Белорусская нива». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://belniva.sb.by/pervaya-kolonka/article/dankvert-ego-znaet.html>

ровок, в том числе: «Под социально-бытовой средой человека традиционно понимается та часть его жизненной среды, которая организуется и развивается в целях обеспечения необходимых условий его существования, жизнедеятельности как биосоциального существа и поддержания физического и психического здоровья.

Важнейшими элементами социально-бытовой среды являются жилища людей и инфраструктура жизнеобеспечения, включающая в себя торговые предприятия, медицинские учреждения, пассажирский транспорт, инженерные сооружения и коммуникации, сети водо- и энергоснабжения, канализации, телефонные сети и др.»⁸⁰.

Социально-бытовые расследования чаще всего затрагивают:

- уровень благосостояния населения;
- экологические проблемы;
- безопасность труда;
- взаимоотношения в семьях;
- отдых, здравоохранение, культуру;
- работу учреждений социальной защиты;
- благоустройство городов и сел.

В этом контексте интересны материалы журналиста газеты «СБ. Беларусь сегодня» Виктора Пономарева. Вот, например, цикл расследований о незаконном строительстве многоэтажного жилого дома в деревне Копище Минского района⁸¹. Здесь есть тайна: непотопляемость организаторов этого строительства. Есть достаточное количество источников информации, есть мнение другой стороны конфликта... Материалы этого автора весьма основательны и, безусловно, украшают страницы газеты.

Упомянувшийся уже материал «Как я работала официанткой во вьетнамском кафе “Сайгон”» Ольги Декснис, опубликованный в «Комсомольской правде», есть не что иное, как социально-бытовое расследование с использованием метода включенного наблюдения. Журналист изучает очень простую на первый взгляд проблему: как и чем нас кормят? Работает с немалым количеством источников информации. И приходит к

⁸⁰ Экология жизненной среды человека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economics.studio/otraslevaya-ekonomika/ekologiya-jiznennoy-sredyi-43460.html>

⁸¹ «СБ. Беларусь сегодня». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sb.by/obshchestvo/article/mazhordom.html>

неутешительным выводам: кормят плохо и некачественными продуктами. Конечно, это не «Джунгли» Эптона Синклера, но материал выполнен интересно и в нем присутствуют основные признаки жанра.

Автору также не раз приходилось обращаться к такого рода проблемам. В расследовании «Своя крыша»⁸² речь идет о том, как из ведомственного общежития в Полоцке выселяли одиноких женщин с детьми, предоставляя им некачественное жилье на окраинах города, – как правило, с подселением. В редакцию «Труда» пришло письмо, автор которого сообщала о перипетиях хождения по инстанциям, которое кроме оскорблений ей и ее несовершеннолетней дочери ничего не принесло.

Но зачем людей расселили с ухудшением жилищных условий? В результате работы более чем с тремя десятками источников информации (включая представителей властей) выяснилось, что общежитие, из которого выселили женщин, было снесено в интересах местного коммерсанта, решившего расположить здесь, в центре города, рынок. Публикация вызвала большой резонанс и сопровождалась судебным разбирательством.

Социально-бытовые расследования достаточно популярны в Беларуси – как в государственных, так и в негосударственных СМИ. Повторим, как правило, из всех представленных на конкурс Белорусской ассоциации журналистов «Вольные слова» журналистских расследований примерно 30% – социально-бытовые, около 50% – криминальные и 20% – политические.

Приоритет социально-бытовых и криминальных материалов объясняется довольно просто: они наиболее безобидны во взаимоотношениях пишущего с властями.

4.5. Криминальные расследования

Криминал (лат. *kriminalis* – преступный) – уголовное преступление. Криминальное журналистское расследование (то есть расследование, так или иначе связанное с уголовными преступлениями) хотя и не затрагивает чаще всего интересы власти, все равно достаточно сложно в исполнении, если, конечно, не готовится после суда и на основании приговора и в русле приговора. Правда, тогда по большому счету это уже не расследование, а судебный отчет.

---

⁸² «Труд», 17 августа 2006 года.

Но если это не судебный отчет и мы не следуем вынесенному уже приговору, то зачем вообще нужно криминальное расследование? Профессионалы поработали, во всем разобрались, все выяснили – чего еще?

Вернемся в 1836 год: США, история убийства 23-летней Хелен Джеветт. В преступлении обвинен юный клерк одного из местных магазинов Роберт Робинсон. В ходе следствия, которое широко овещалось газетами, все сводилось к тому, что он будет приговорен. Пожалуй, только «The New York Herald», возглавляемая Джеймсом Гордоном Беннеттом, оставалась несогласной и вела свое расследование. В результате именно благодаря этому Роберт Робинсон был оправдан.

Или, как уже упоминалось выше, опубликованное до суда расследование «Взятка» автора этой книги об истории фермера вызвало вопросы к следствию. В результате состоялся суд и был вынесен приговор по принципу «ниже нижнего», то есть все закончилось условным сроком.

Или в материале автора этих строк «Никто не хотел убивать» (газета «Труд», 20 июля 2006 года), когда сотрудников Полоцкого уголовного розыска обвинили в непреднамеренном убийстве гражданина Сергея Шедько. В ходе журналистского расследования с привлечением большого количества источников информации открылся ряд деталей, которые впоследствии послужили основанием для смягчения приговора.

Или материал «В охранной зоне – элитное жилье на продажу. Брестскую крепость сдали?»⁸³, присланный на конкурс Белорусской ассоциации журналистов «Вольные слова». Речь идет о том, что в охранной зоне мемориала Брестская крепость строится элитное жилье. Что является, по мнению автора Сергея Шапрана, нарушением закона «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь». И никто из правоохранителей даже не собирается вести расследование.

Вывод № 1: криминальное журналистское расследование имеет смысл, когда возникают сомнения в объективности следствия или когда следствие вообще не ведется.

Вспомним 1892 год, Россия, дело мултанских вотяков, Владимир Короленко. Он не согласился с первым и вторым приговорами по делу, согласно которым местные крестьяне были обвинены в ритуальном убийстве. Он опубликовал ряд мате-

⁸³ «Брестский курьер». 2012. № 45. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.realbrest.by/novosti/brestskaja-krepost/pochemu-strojat-zhilye-v-ohranoi-zone-kreposti.html>

риалов в СМИ и добился пересмотра. В результате качественно проведенного журналистского расследования приговор был отменен, а в процессе нового суда крестьяне оправданы. Что в очередной раз продемонстрировало необходимость и важность участия общественности в самых, казалось бы, запутанных криминальных расследованиях.

Таких примеров немало, поэтому логичен **вывод № 2:** *криминальное журналистское расследование имеет смысл в тех случаях, когда возникают сомнения в справедливости приговора.*

И **вывод № 3:** *криминальное журналистское расследование имеет смысл в тех случаях, когда официальный срок давности по тому или иному делу уже истек. Но для журналистских расследований не существует срока давности.*

4.6. Исторические расследования

Исторические расследования могут включать в себя, по сути, все рассмотренные ранее виды. В нем могут присутствовать мотивы политические, криминальные, социально-бытовые, экономические. *Главный отличительный признак исторического журналистского расследования – удаленность во времени.* События, которые являются предметом расследования, могли происходить десятки и сотни лет назад. Но поскольку существует какая-то нераскрытая тайна, которая общественно значима и представляет интерес для современников, постольку авторы обращаются к этим событиям, работая, если возможно, с очевидцами, а если прошло много времени – только с документами.

Исследователи этого жанра часто ссылаются на опыт Александра Сергеевича Пушкина. Его «История пугачевского бунта», изданная на деньги императора Николая I в 1834 году (автор получил от императора недурной аванс (сегодня сказали бы – грант) в 20 000 рублей – по тем временам целое состояние!), есть не что иное, как настоящее историческое журналистское расследование. Автор, как и полагается, самостоятельно собирал сведения о событиях времен Емельяна Пугачева, многое в которых было совершенно не известно современникам. Работал с документами, одушевленными источниками информации – местными жителями. Побывал в Оренбурге, Казани, Нижнем Новгороде, Симбирске...

Не обходилось без проблем. В станице Берды Пушкин собрал много материала – самого разного. Не бесплатно, разумеется: за каждый интересный эпизод или песню времен бунта платил по червонцу – по тем временам немало. Но натура у поэта была широкая, он не только платил, но и многих усаживал за свой стол, угощал вином. Такая щедрость не могла остаться безнаказанной. Местные обыватели собрали сельский сход и на всякий случай написали донесение на имя начальника края, военного губернатора В.А. Перовского: «...был у нас неизвестного звания человек. Лицом смугл, волосом черен и курчав, на пальцах вместо ногтей когти. Подбивал под пугачевщину и дарил золотом. Должно быть антихрист...»⁸⁴.

Правда, В.А. Перовский был человеком широких взглядов. Он не только не обращал внимания на доносы, но и обеспечивал возможность работы с документам. То есть проблемы доступа к информации, которая так часто возникает сейчас, у Александра Сергеевича Пушкина не было.

В современной Беларуси есть собственные специалисты по историческим журналистским расследованиям. Это Владимир Орлов, историк, поэт, журналист. В его активе книги «Асветніца з роду Ёсяслава», «Евфросиния Полоцкая», «Тайны полоцкой истории», «Адкуль наш род» и другие – все это о событиях, многое в которых в значительной степени оставалось тайной для современников. Материалы собраны собственными силами автора, использовано множество источников информации. Его книги переведены на 25 языков мира.

Нельзя не назвать историка и журналиста, сотрудника Белорусского государственного университета кандидата исторических наук Игоря Кузнецова. На его счету немало расследований по проблеме репрессий времен сталинизма, он автор нескольких книг. Опубликован ряд работ о трагедии Куропат.

Кстати говоря, именно на этой почве возник конфликт с лидером Белорусского народного фронта Зеноном Позняком, который считает Кузнецова агентом КГБ. В конфликте пришлось участвовать профессиональному журналистскому сообществу. Комиссия по этике Белорусской ассоциации журналистов рассматривала жалобу Кузнецова на оскорбительные высказывания в его адрес в публикации Позняка на сайте «Радио Свобода». И приняла решение: в публикациях Зенона Позняка была нарушена профессиональная этика.

---

⁸⁴ Константинов, А. Журналистское расследование. С. 57–58.

В своих расследованиях Игорь Кузнецов реабилитировал многих невинно пострадавших от репрессий. Уже за одно это ему следует сказать спасибо.

Очень неплохие исторические расследования появляются на белорусском государственном телевидении, а также на телеканале БелСАТ под рубрикой «Гісторыя пад знакам “Пагоні”».

4.7. Разработка темы и форма подачи

На первом этапе существует важная проблема, суть которой нужно уяснить с самого начала, – это разработка материала и форма его подачи.

Основной принцип разработки можно сформулировать, примерно так: *очень важно показать читателю (слушателю, зрителю, посетителю сайта и т.п.) весь путь и механизм расследования, тем самым вовлекая читателя в исследовательский процесс.*

Журналисты «The New York Herald» рассказывают, как они беседуют с посетителями публичного дома, в котором работала 23-летняя Хелен Джеветт, и ее коллегами – такими же молодыми женщинами. И читатель оказывается в атмосфере тех лет...

Николай Матуковский демонстрирует весь путь своего расследования. Читатель незримо присутствует рядом, читая вместе с автором протоколы судов, пробиваясь на прием к руководителям правоохранительной системы республики...

Читатель вместе с автором (Ольга Декснис) моет посуду во вьетнамском кафе на рынке «Ждановичи»...

Автор украинского фильма-расследования «Лукьяновка. Тюрьма № 1» Константин Усов регулярно появляется в кадре, рассказывая о ходе расследования...⁸⁵

Такого рода эффект присутствия очень важен: читатель (зритель, слушатель, посетитель сайтов) должен увидеть весь объем проделанной журналистом работы, оценить полноту и достоверность собранного им фактического материала, весомость аргументации, справедливость заключений. И на этой основе выработать собственную позицию, которая, если журналист успешно решил поставленные перед собой задачи, совпадет с выводами автора. Благодаря наглядности проведенного журналистом расследования, прозрачности механизма

⁸⁵ Усов, К. Лукьяновка. Тюрьма № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?reload=9&v=_3SprehLqDU

деятельности автора очевидными становятся как сильные, так и слабые стороны публикации, выявляется ее эффективность.

Но если мы видим, что продемонстрировать все это будет невозможно в силу закрытости источников информации или даже отсутствия их, лучше сразу отказаться от темы.

Еще один важный фактор, на который следует обратить внимание в самом начале: наличие вымысла и домысла в расследовании. Нужно воспринять как абсолютную истину: *расследование строится исключительно на документальной основе, анализе фактов реальной действительности. Всякого рода вымысел выходит за пределы этой системы.* Его элементы могут быть возможными в художественно-публицистических жанрах, где есть место домыслу – догадке, основанной на предположениях, размышлениях. И вымыслу – плоду авторского воображения, фантазии. Хотя особенно увлекаться фантазиями в любом жанре журналистики не следует. Но уж если автор журналистского расследования начинает оперировать предположениями, это плохо кончается. В цивилизованном варианте – от возможности получить по физиономии до судебных исков. В нецивилизованном все может закончиться значительно хуже.

Примат факта над мнением – вот то, что характеризует расследовательскую журналистику. Социальная диагностика, осуществляемая расследователями, позволяет СМИ представлять картину социальной жизни многоаспектно, выявлять наиболее критические сферы и возбуждать общественное мнение, мобилизуя на решение самых острых проблем.

Но в самом начале важно определиться не только с разработкой. *Важно определиться еще и с формой подачи.* Среди различных форм подачи практика выделяет в том числе расследование-репортаж. Здесь сочетаются специфические особенности репортажа (информационного жанра, который, как мы помним, достоверно, выразительно и динамично рисует картину события через непосредственное восприятие автора, обязательно присутствующего на месте действия и создающего «эффект присутствия» для читателей) и аналитического исследования. В расследовании-репортаже показываются поиск разоблачительных фактов и документов, результаты журналистского поиска, поведение участников ситуации. В целом же материал своим сюжетом напоминает детективную историю.

Примерно так в апреле 1836 года Джеймс Беннетт в «The New York Herald» демонстрировал детали своего расследования смерти Хелен Джеветт – вплоть до самых интимных подробно-

стей (что, отметим, в тогдашней пуританской Америке не практиковалось вообще). Но зато создавался эффект присутствия.

Эптон Синклер в «Джунглях» по большей части работал в жанре репортажа. Вспомним: «Мясо было навалено в помещениях огромными кучами. Потолок протекал и на мясо капало. По нему сновали тысячи крыс. В складах было темновато и трудно все разглядеть, но стоило провести рукой по куче мяса – и ладонь наполнялась сухим крысиным пометом. С крысами боролись – раскидывали отравленный хлеб. Крысы дохли. Мясо, крысы, хлеб отправлялись в мясорубку...»

Что-то в этом роде получилось в упоминавшемся уже расследовании Ольги Декснис о вьетнамском кафе на минском рынке «Ждановичи». По сути, это несколько вполне качественных репортажей с ярко выраженным эффектом присутствия. Читатель как бы оказывается вместе с автором поочередно то в зале кафе, то в посудомоечной, то на кухне. Участвует в разговорах с другими работниками кафе.

А поскольку используется не только текст, но и снимки, ощущение присутствия постоянно усиливается. Такая форма подачи, как видим, весьма эффективна – особенно сегодня, когда мультимедийность в порядке вещей.

Еще одна популярная (пожалуй, самая популярная!) форма подачи журналистского расследования: расследование-панорама. Его основой становится авторское размышление, сопоставление обнаруженных фактов, находок, свидетельских показаний, документов. Осмысливая причины происходящего, журналист высказывает свои догадки, часто оставляя выводы незавершенными. Нарисовав картину событий, он создает иллюзию реального окружающего пространства, опираясь на личный жизненный опыт читателей, а потому и предоставляя им право вынести окончательное суждение о предмете журналистского расследования. Довольно часто этот прием использовали Эстер Нордстоум («Служанка среди слуг»), Ян Гийо и Питер Брэтт, Сабина Слоноква.

В такой манере написано расследование Николая Матуковского «Тень одной ошибки». Вот как начинается его материал: «В ночь на 9 июля 1981 года на озере Большое Осовище, что в Гомельской области, были убиты инспектор Мозырской межрайонной инспекции Белрыбвода Кузьменко Семен Дмитриевич и следователь Мозырской межрайонной прокуратуры Кузьменков Владимир Васильевич. Вначале обнаружили лодку и в ней – связку ключей с металлической печатью, на которой была

надпись “Следователь прокуратуры 115”, потом – сброшенный в воду мотор “Вихрь”. Потом нашли и погибших.

Медицинская экспертиза установила: “Смерть наступила от асфиксии в результате утопления в воде”. На обычном языке это означает, что обоих утопили живыми.

Весь полесский край был взбудоражен этим чудовищным известием. Такое здесь случилось впервые, и, понятно, делом профессиональной чести следственных органов было как можно скорее ответить людям на мучительный вопрос: кто же они, матерые убийцы?»

Затем раскрывается широкая панорама предшествующих и последующих событий, причем, как это часто бывает, используются элементы разных жанров. Вот кусочек текста, содержащий элементы репортажа: «30 апреля 1983 года, в 4.15 утра в дежурную часть Мозырского РОВД поступило радиосообщение патрульной машины. лейтенант Мартинович и сержант Царенко докладывали, что на перекрестке двух дорог рядом с Мозырем они заметили грузовую машину “ГАЗ-51” (фургон) под номером 03–82. Машина шла с незажженными фарами, хотя было еще темно. Патруль приказал машине остановиться. Однако водитель грузовика приказанию не подчинился, а, наоборот, увеличил скорость и свернул на проселочную дорогу.

В 4.20 поступило второе радиосообщение: “Машину преследуем”. В 4.30 – третье сообщение: “Машину задержали. В кабине – двое, у водителя нет документов. Что делать?” Дежурный Пискун приказал: водителя задержать и вместе с машиной доставить в милицию.

Но прошел час, полтора – на запросы дежурного лейтенант Мартинович и сержант Царенко не отвечали. В милиции поняли: произошло что-то серьезное, и объявили тревогу. В сторону перекрестка, откуда был получен последний сигнал, помчался усиленный наряд»⁸⁶.

Принцип панорамы используют очень многие журналисты. Кстати, большинство расследований, которые приходилось делать автору этих строк, выполнены примерно в таком ключе.

Довольно часто в расследовании используется такой жанр, как интервью. Причем тут существует несколько вариантов: расследование-панорама, в которое включается несколько интервью, или расследование, состоящее из нескольких интервью,

---

⁸⁶ «Известия», 27 ноября 1983 года.

последовательно раскрывающих разные аспекты одной и той же проблемы.

Интернет предоставляет журналисту-расследователю новые возможности. Использование мультимедийных вариантов делает информацию более убедительной и легче воспринимаемой. Фото, видео, аудио в сочетании с хорошо отработанным текстом могут произвести более сильное впечатление на читателя, посетителя интернет-ресурсов. Неудивительно поэтому, что в последние годы получила распространение такая форма подачи, как лонгриды (от англ. long-form journalism, digital long-form, longread). Студентка ЕГУ Евгения Гулевич в своей бакалаврской работе «Специфика, проблемы и перспективы жанра журналистского расследования в контексте цифровой журналистики» приводит формулировку российских исследователей Артема Галустяна и Дианы Кульчицкой, которые рассматривают мультимедийный лонгрид как «журналистское произведение, в основе которого заложен длинный текст и насыщенный аудиовизуальный ряд. Формат предполагает глубокое погружение читателя в тему, а также серьезную проработку журналистом большого количества источников по предмету исследования».

Именно в таком формате, позволяющем привлечь внимание к общественно важной теме, по их мнению, часто публикуются журналистские расследования в современном информационно-цифровом обществе⁸⁷. Правда, сегодня по этому поводу есть разные мнения. Опять же Галустян и Кульчицкая ссылаются на мнение некоторых практиков, считающих, что «лонгрид – это не столько журналистский материал, сколько особый формат веб-публишинга, дизайна материала. Этот подход полностью исключает содержательные особенности текста и его подготовки, а также упрощает понимание лонгрида как такового. Согласно этой позиции, любой текст можно сверстать как линейное полотно, разбавить его мультимедийными элементами...»⁸⁸. То есть вопреки логике (журналистика как сборище, обработка и распространение информации) информационная насыщенность иногда оказывается не главным

⁸⁷ Евгения Гулевич, бакалаврская работа «Специфика, проблемы и перспективы жанра журналистского расследования в контексте цифровой журналистики», ЕГУ, 2018 год.

⁸⁸ Галустян, А., Кульчицкая, Д. Мультимедийные лонгриды как новый формат онлайн-журналистики // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / А. Амзин и др.; под ред. С. Балмаевой и М. Лукиной. Екатеринбург, 2016. С. 183.

элементом лонгрида. И как отмечают Галустян и Кульчицкая, практически исключаются содержательные особенности текста. А на первое место выходит дизайн материала. Как отмечал процитированный ранее Хьюго де Бург, публика в восхищении, а пользы для общества – ноль.

Таким образом, к ранее известному противоречию между *скоростью и качеством* в цифровой журналистике добавляется противоречие между *количеством и качеством*. Количеством и качеством мультимедийных элементов, чья функция не только и не столько развлекать, сколько новыми формами добавлять новую информацию.

Это относится и к журналистскому расследованию, поскольку мы уже определили его признаки и убедились, что здесь важен в первую очередь журналистский материал. Поэтому и лонгрид, применительно к журналистскому расследованию, есть не что иное, как *содержательный текст и насыщенный, помогающий лучше раскрыть тему, но не отвлекающий от темы аудиовизуальный ряд*.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое информационный повод? Какие бывают информационные поводы?
2. Какие вы знаете виды журналистских расследований? Чем они отличаются друг от друга?
3. Что такое разнотемье?
4. Какие бывают формы подачи материала при журналистском расследовании?
5. Какую форму вы могли бы использовать?
6. Что такое примат факта над мнением?
7. Лонгрид и качество журналистского расследования.

Глава 5. Источники информации

5.1. Действительность как совокупность источников информации

Вначале об информации как таковой. Термин «информация» происходит от латинского «informatio», что означает «сведения, разъяснения, изложение». Существует целый ряд формулировок. Приводим одну из них: «Информация – это вся совокупность сведений об окружающем нас мире, о всевозможных протекающих в нем процессах, которые могут быть восприняты живыми организмами, электронными машинами и другими информационными системами»⁸⁹.

В простейшем бытовом понимании с термином «информация» обычно ассоциируются некоторые сведения, данные, знания и т.д. о чем или ком-нибудь независимо от формы представления.

Знание – это осознанная информация. Любая информация предполагает реакцию на нее. Если человек получает тепловую информацию, дотрагиваясь до горячего камня, то реакцией организма на эту информацию будет отдергивание руки. Если человек не осознает эту информацию, то в следующий раз он опять будет дотрагиваться до камня, вытащенного из костра. Если информация осознанна, то она становится знанием: человек знает, что до раскаленного камня дотрагиваться нельзя. Значит, знание позволяет много раз использовать информацию, которую получили только один раз.

В профессиональной журналистике ситуация несколько иная. Для журналистов информация – объект работы. Мы собираем, обрабатываем, распространяем информацию – но не любую. Журналистская информация имеет несколько характерных особенностей.

Прежде всего, *журналистская информация – это чаще всего новость*. Существует старое правило: имеет право на публикацию то, что содержит свежий факт или свежую мысль. Поиск свежего, нового во всех сферах жизни – в политике, экономике, науке, культуре, спорте, соцкультбыте – главное для журналиста.

Журналистская информация должна быть оригинальной и общественно значимой. Общественная значимость делает информацию важной, притягивает внимание.

⁸⁹ Академик. Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://investments.academic.ru/1012/Информация>

Журналистская информация должна быть полезной. Сведения в том числе о вещах, важных для жизни, включая советы о том, как похудеть или как открыть собственное дело, человек ищет в информационных ресурсах. Хотя, отметим, наибольший интерес часто привлекает не то, что полезно, а то, что **необычно**. Хрестоматийный пример: собака укусила человека – это не сенсация; сенсация – если человек укусил собаку. Существуют целые категории информационных ресурсов, которые именно за счет этого парадокса и живут. Но и так называемые серьезные СМИ часто его используют – в специальных развлекательных разделах.

Профессиональный взгляд журналиста на действительность отличается от взгляда представителей других профессиональных групп. Ведь каждый оценивает жизнь, собеседников, знакомых, представителей иного пола со своей точки зрения. А журналисту, в силу повседневной практики его деятельности, необходимо представлять *действительность как совокупность источников информации* и знать их координаты, уметь оценивать на надежность и достоверность.

Еще одна очень важная особенность журналистской информации: *в основе журналистики всегда лежит реальный подлинный факт или группа фактов, найденных и оформленных по-своему*. Как пишет один из российских теоретиков Максим Ким, «в основе любого журналистского произведения лежат факты – своеобразные кирпичики, из которых выстраивается вся его структура»⁹⁰.

А факт всегда документален. Поэтому основная черта журналистской информации – *документальность и адресность!* В ней всегда есть приметы действительности: адрес места события, имена участников события, содержание события, возможность проверить достоверность события и т.д. Только очень редко и только в силу особых обстоятельств источники информации, имена некоторых участников событий могут быть оставлены в тайне.

5.2. Классификация источников информации

Классифицировать источники информации можно по разным признакам. Источники информации делятся на *одушевленные*, то есть люди, и *неодушевленные* – документы, пред-

⁹⁰ Ким, М. Теория и практика массовой информации. СПб., 2017. С. 45.

метно-вещевая среда. Как отдельный вид источников информации сегодня можно обозначить интернет.

До недавнего времени безусловно приоритетным в расследовании был одушевленный источник информации. Ведь человек включен в природные и социальные процессы множеством связей и потому как источник информации неиссякаем. Однако нужно понимать и то, что одушевленный источник информации может быть ненадежным и недостоверным. Ведь если документы можно спрятать в сейф, засекретить, ограничить к ним доступ, ненужные уничтожить, то человека в сейф не засунешь, на рот ему замок не навесишь... Человека можно испугать до такой степени, что информация изменится до неузнаваемости.

Достаточно вспомнить хотя бы, как наутро после президентских выборов 2010 года и событий на площади в Минске некоторые из кандидатов в президенты и их соратники, задержанные накануне сотрудниками спецслужб, говорили в телекамеру противоположное тому, что говорили за несколько часов до этого на площади перед Домом правительства.

Повторим: *одушевленный источник информации уязвим и об этом нужно помнить всегда*. К тому же в последние годы приоритет одушевленных источников перестал быть бесспорным. Во-первых, потому что обилие самых разнообразных материалов в Сети создает иллюзию того, что можно обойтись и без них. Во-вторых, достаточно часто использовать мнение одушевленного источника, что называется, «на камеру», создать мультимедийный вариант бывает почти невозможно. Одушевленные источники очень часто при расследовании (которое всегда или почти всегда рассматривает конфликт) не желают даже быть названными, боясь последствий. Тогда авторам приходится использовать вымышленные имена, что снижает достоверность информации. И уж тем более они часто не желают быть увиденными. Тогда авторы в видеосюжетах используют неназванных случайных людей, которые якобы имеют отношение к конфликту. Что тоже снижает достоверность и уменьшает доверие к расследованию.

Очень часто одушевленные источники не используются потому, что с ними *всегда трудно работать*. Их не так просто отыскать, а потом весьма сложно (а иногда и невозможно) бывает склонить к сотрудничеству. В то же время в работе с базами данных, например, нужно только владеть не очень сложными навыками.

Далее: **открытые источники информации**. К ним относятся, как правило, неодушевленные источники – средства массовой информации, интернет. Неудивительно поэтому, что большинство расследователей начинают работу с изучения всего, что по данному поводу написано, сказано, снято.

Сегодня работу журналиста значительно облегчают *базы данных*. «База данных – организованная в соответствии с определенными правилами и поддерживаемая в памяти компьютера совокупность данных, характеризующая актуальное состояние некоторой предметной области и используемая для удовлетворения информационных потребностей пользователей»⁹¹.

Открытые источники информации бывают не только неодушевленными. К ним можно отнести и тех людей, которые владеют информацией, не скрывают этого и готовы поделиться по разным причинам: для одних эта информация не представляет ценности, другие искренне готовы помочь... Хотя такое в профессиональной среде бывает достаточно редко.

И, наконец, **конфиденциальные источники информации**. Они также бывают одушевленными и неодушевленными. В первом случае это люди, владеющие информацией разной степени зашифрованности: от просто неудобной руководству до коммерческой или даже государственной тайны. Во втором случае – это документы такого же рода, материалы из социальных сетей и пр.

По мотивам сотрудничества конфиденциальные источники информации можно классифицировать :

- на идейные;
- вынуждаемые к сотрудничеству;
- корыстные.

Что касается *идейных источников информации*, то они были использованы в большинстве приведенных выше расследований. Например, у Карла Бернштейна и Боба Вудворда очень солидный источник информации проходил под псевдонимом «глубокая глотка» – ответственный правительственный чиновник очень высокого ранга, имя которого, во избежание неприятностей, журналисты открыли только после его смерти. Им оказался Марк Фелт, заместитель директора ФБР. Он ясно осознавал, что последует в случае раскрытия его инкогнито и с

---

⁹¹ Базы данных и системы управления ими. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://repo.gsu.by/bitstream/123456789/5117/1/Базы%20данных.pdf>

каким треском может обрушиться его карьера, но по идейным соображениям помогал журналистам.

Довольно часто используются одушевленные *источники, вынуждаемые к сотрудничеству*. В расследовании «Тень одной ошибки» все высокопоставленные чиновники, с которыми беседует автор, сообщают ему информацию только потому, что не имеют права отказать представителю газеты, издаваемой властями громадной страны, в которой Беларусь – не самый главный регион. Качество информации, которую они ему сообщали, – вопрос другой. Но беседовать были вынуждены. И беседовали, и свою роль сыграли.

Бывает, что источники информации вынуждены работать с журналистами по мотивам шантажа. Характерный пример – позиционируемый как журналистское расследование украинский фильм «Лукьяновка. Тюрма № 1», автор – Константин Усов⁹². В этом фильме, помимо целого ряда очень спорных и очень неубедительных эпизодов, присутствует момент, когда журналист склоняет работника тюрьмы к сотрудничеству, затем передает ему деньги в оплату за услуги. Момент передачи денег скрыто снимают коллеги журналиста, а затем шантажируют офицера с угрозами разоблачения в случае отказа от сотрудничества. Что тоже становится эпизодом фильма.

Оставим в стороне вопрос профессиональной этики, которая подобную тактику не приемлет, – по этому поводу существует целый ряд статей в этических кодексах. Но и говорить об эффективности такого, с позволения сказать, сотрудничества не приходится: во-первых, в отместку за шантаж вероятнее всего будет получена некачественная информация; во-вторых, в кругу профессионалов распространится слава о коллеге, которому нельзя доверять, и он вообще лишится источников информации.

Есть и *корыстные источники информации*, во всяком случае были в белорусских негосударственных СМИ в начале 1990-х. Но тогда и негосударственные СМИ были богаче, и гонорары выше, и свобода действий почти неограниченная. Сейчас, по крайней мере в Беларуси, и в частности в негосударственных СМИ, платить источникам информации, как правило, нечем и потому не принято. Как не принято и предавать это огласке.

Говорить о том, какой из перечисленных типов источников предпочтительнее, – сложно. Некоторые коллеги считают, что

⁹² Усов, К. Лукьяновка. Тюрма № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_3SprehLqdU

самые надежные – это идейные источники информации. Действительно, они, как правило, тверды в своих убеждениях. Но идейная убежденность источника может сослужить журналисту плохую службу. Из самых лучших побуждений источник может приукрашивать деятельность своей партии или организации и чернить деятельность оппонентов. Об объективности в таких случаях речи не идет.

Еще одна стоящая внимания категория источников информации – так называемые **группы давления**. Это в большинстве своем общественные организации: правозащитники, экологи, представители ЛГБТ-сообществ, разного рода фонды и т.п.

Среди правозащитников, как правило, немалое количество юристов, от которых часто можно получить полезную информацию и которые, как правило, не боятся ее давать. Но к информации, исходящей от групп давления, нужно относиться осторожно, поскольку они могут защищать собственные интересы. Впрочем, собственные интересы есть у любой категории источников информации. Нам нужно помнить об этом, а также о том, что интересы источников с собственными интересами журналиста-расследователя (объективность, достоверность, надежность) совпадают далеко не всегда.

Для журналиста важно получить как можно больше качественной информации, для источника – дать ее ровно столько и такого качества, чтобы не «подставиться» самому.

5.3. Минимально необходимое количество источников информации в журналистском расследовании

Одним из основных признаков журналистского расследования, как уже было отмечено, является множественность источников информации. К такому выводу подводят не только приведенные выше мнения авторитетных исследователей СМИ, но и нормальная логика. Ведь что такое расследование? Согласно большинству формулировок, это анализ, тщательное изучение, сбор и проверка доказательств. А анализ, тщательное изучение, сбор и проверка доказательств немислимы без использования максимально возможного количества источников информации.

Например, Андрей Константинов в своей книге «Журналистское расследование» утверждает: «...Любые факты, положенные в основу материала, особенно расследовательского характера, должны быть подтверждены, как мы уже говорили, по меньшей мере двумя источниками информации. Это минимум,

особенно если учесть, что по нормативам, например, советской разведки информация только тогда становилась фактом, когда ее подтверждали из пяти источников»⁹³.

Что касается верхнего потолка, тут все довольно просто: чем больше источников, с помощью которых можно проверить факты, тем лучше. Хотя переизбыток, особенно это касается мультимедийных вариантов, также не нужен.

А как быть с минимальным количеством? Достаточно двух, как утверждает Андрей Константинов? Или пяти, как свидетельствует практика советской разведки? Или больше? Или меньше? И потом: два источника – это кто? Или что? Ведь мы договорились, что в основе журналистского расследования всегда «события или явления, которые какие-то люди или организации хотели бы оставить в тайне». Существует тайна. И существуют люди или организации, которые хотели бы ее сохранить. А рядом существуют люди или организации, которые хотели бы ее раскрыть, хотя бы в лице журналиста и его редакции. То есть присутствует конфликт.

Тогда вопрос: «по меньшей мере, два источника», о которых говорит Андрей Константинов, представляют кого? Если одну только сторону конфликта, это нарушение журналистских стандартов, зафиксированных во всех известных автору кодексах профессиональной этики. Не говоря уже о нарушении принципов расследования: какое тут тщательное изучение?

Значит, двух источников, представляющих разные стороны конфликта, достаточно?

В ходе «Уотергейтского скандала» репортеры «The Washington Post» Боб Вудворд и Карл Бернштейн использовали множество источников информации, доказывавших, что президентская команда нарушает законодательство. В то же время люди из президентской администрации во множестве заявлений (в том числе процитированных выше) утверждали, что это не так. И обещали «разобраться» с журналистами.

Потом, правда, выяснилось, что подсматривание за оппонентами в выборной кампании и подслушивание – все это было. Но противостояние оказалось суровым. Очевидно было, что для одной из сторон оно окончится плохо. Победить нужно было любой ценой! В такой ситуации методы не выбирают и об объективности не заботятся.

---

⁹³ Константинов, А. Журналистское расследование. С. 131.

Таким образом, стороны конфликта всегда заинтересованы и, следовательно, чаще всего пристрастны.

В своем расследовании «Тень одной ошибки» Николай Матуковский обращается к руководителям силовых структур Беларуси (тем людям и организациям, которые стремились оставить в тайне правду о событиях) с вопросом: почему от следствия отстранили одного из опытных работников, высказавших сомнения в милицейской версии трагедии на озере Большое Осовище? Он пишет: «Судьи, прокуроры, следователи – тоже живые люди и они тоже могут ошибаться, хотя им это делать нельзя: слишком дорого может обойтись их ошибка. Но в данном случае – как это стало ясно теперь – ошибку допускали вполне осознанно. Очень уж хотелось всем побыстрее покончить с каверзным делом.

Теперь возникают и другие вопросы – почему в ходе следствия одних следователей заменяли другими? Ну, когда заменили двух следователей Гомельской областной прокуратуры, которые поначалу вели дело, это еще можно понять: хотели приобщить к следствию юристов более опытных.

Кстати сказать, именно таковым и был следователь по особо важным делам Прокуратуры БССР Николай Иванович Игнатович.

– Ну, а его-то вы почему отстранили? – спрашиваю у первого заместителя прокурора республики П.В. Дудковского.

– Мы его не отстраняли. Ему дали другое, более важное дело...»

Совершенно очевидно, что первый заместитель прокурора республики отстаивает не истину, а групповые интересы руководителей силовых структур, в чем автор расследования тут же и убеждается: «Увы, Игнатовича отстранили от следствия именно после того, как он на совещании в кабинете прокурора республики А.И. Могильницкого заявил, что не верит версии работников милиции, согласно которой убийцами названы пятеро задержанных. Присутствовавший на совещании первый заместитель министра внутренних дел республики П.С. Жук назвал Игнатовича “мальчишкой”, а его сомнения “несерьезными”.

Тогда-то Игнатовичу и поручили “более важное дело”, заменив его следователем по особо важным делам республиканской прокуратуры Николаем Васильевичем Станилевичем. Но стоило и тому высказать сомнения по поводу первоначальной версии, как отстранили и его. Нет, формально его тоже не отстранили (сколько же можно!), формально он значился даже

руководителем следственной группы, но фактически “всем и вся” руководил следователь по особо важным делам Прокуратуры БССР Михаил Кузьмич Жавнерович. Вот он-то и повел дело вперед – без тени сомнений»⁹⁴.

Повторим: *стороны конфликта всегда (или почти всегда!) пристрастны и полагаться только на их информацию не следует.* Мнений только сторон конфликта совершенно недостаточно для расследования. Нужны еще и мнения источников, осведомленных о конфликте, но не являющихся его участниками, то есть мнения тех, кого юристы называют свидетелями.

В расследовании убийства Хелен Джеветт журналист и владелец «The New York Herald» Джеймс Беннетт использовал не только ту информацию, которую получил от сторон конфликта – содержательницы публичного дома Розины Таундсен и подозреваемого в убийстве Роберта Робинсона. Он разговаривал также с коллегами убитой Хелен – с Мари Стивенс, с ночным сторожем и полицейскими, коронером Уильямом Шурманом и еще многими – по сути, всеми, кто был хотя бы немного осведомлен о событиях.

Таким образом, *количество минимально необходимых источников информации сразу увеличивается за счет лиц, осведомленных о конфликте, но не являющихся его участниками.* Такого рода источники присутствуют практически во всех журналистских расследованиях независимо от их вида. В юриспруденции они называются свидетелями.

Поиск информации в цифровом пространстве

В последние годы довольно популярной стала мысль о том, что для журналистского расследования в условиях становления новых технологий, появления новых носителей информации приоритет одушевленных источников практически уходит. Достаточно хорошенько «пошуровать» в Сети – и всю нужную информацию (в первую очередь документы) можно получить, не вставая из-за компьютера...

У этого мнения много как сторонников, так и противников. Однако, по мнению автора, всякая крайняя точка зрения чревата преувеличениями, а истина, как правило, – посередине. Такой позиции придерживается также известный белорусский медиаэксперт Павлюк Быковский – лауреат премии «Dot-Журналистика», тренер по работе с новыми медиа, интернет-

⁹⁴ «Известия», 27 ноября 1983 года.

безопасностью, автор образовательных курсов: «Исследование баз данных или журналистика данных (data journalism), поиск в интернете и социальных сетях сегодня являются лишь *одним из инструментов журналистского расследования*».

В каком-то случае мы можем строить гипотезу и проверять, является ли ставший нам известным факт частью тенденции, зафиксированной органами статистики. В другом случае мы можем искать статистические аномалии и уже далее давать им интерпретацию, а также находить героев, которые являются частью этой самой аномалии.

Интернет и социальные сети дали нам возможность довольно быстро находить контакты героев наших публикаций, экспертов. Вместе с этим мы получаем возможность собирать информацию, которую люди выкладывают о себе сами, – их комментарии и биографии, фотографии и видео, можем определять круг общения, находить источники информации в окружении нашего героя, даже если он сам не присутствует в Сети. Подспорьем для современных журналистов стало то, что фотография, звук и видео стали массово доступны с широким распространением смартфонов. В соцсетях с ними работать намного проще, чем это было раньше, когда нужно было напрашиваться в гости и добиваться разрешения посмотреть семейные фотоальбомы. Фото- и видеодочеты с корпоративов дают массу информации для анализа неформальных связей в рабочих коллективах.

Кроме того, чекины в соцсетях и фотографии с геотегами показывают, где и когда был наш герой. Более того, они могут быть одним из основных, хоть и косвенных, аргументов, как это с расследованием сайтом «Bellingcat» катастрофы над Донецкой областью, когда был сбит самолет малайзийских авиалиний.

Все это является либо инструментом собственно расследования, либо служит по крайней мере для проверки фактов (fact checking).

При работе с любыми источниками информации (одушевленными и неодушевленными) журналисту приходится оценивать их достоверность. В интернете, социальных сетях, анонимных Telegram-каналах довольно часто бывают «утечки» информации, «сливы», которые аудитория сразу же берет за основу и распространяет, не дожидаясь проверки. Поэтому у журналистов есть соблазн забыть о проверке такой информации, ведь многие популярные блогеры этого не делают. Между тем добытые онлайн-данные непременно должны проверяться

и по возможности сопоставляться с независимыми источниками информации. В Сети довольно часто встречаются мистификации, сознательное распространение дезинформации, иногда манипуляторы используют метод «перекрестного цитирования» – ссылку на другой сайт, чтобы создать ощущение достоверности сообщения. Не всегда есть возможность оперативно оценить правдивость таких сообщений, при том что они уже успевают повлиять на обсуждаемую обществом повестку дня. И тут без одушевленных источников не обойтись.

В интернете не работает принцип «что написано пером, то не вырубить топором». По разным причинам доступ к информации может быть прекращен в любой момент, поэтому журналисту нужно *кроме навыков поиска в Сети* обладать также *навыками сохранения найденного* – делать скриншоты страниц, скачивать документы, фото и видео, уметь доставать сохраненные поисковыми машинами страницы. Приходится становится *архивариусом самому себе* и поддерживать архив в рабочем состоянии, а также уметь шифровать и расшифровывать добытые в ходе расследования документы и переписку с источниками информации, экспертами и коллегами.

Павлюк Быковский предлагает также ссылки на источники, с помощью которых можно совершенствовать навыки по поиску информации в цифровом пространстве:

- <http://bit.ly/2eOuvtz>: знакомство с руководством DatNav по использованию цифровых данных в журналистских расследованиях (DatNav: A Guide to Navigate and Integrate Digital Data into Human Rights Research);
- <http://bit.ly/1IMKXit>: как искать людей в социальных сетях; поиск профилей в социальных сетях; какие темы сейчас обсуждаются;
- <http://bit.ly/2dYUBpC>: поиск и перепроверка данных (fact checking); как конвертировать таблицы с PDF в Excel-файлы;
- <http://bit.ly/2smu4xb>: поиск информации в интернете.

Мнение эксперта

Да, действительно, в утверждении, что журналисты есть дилетанты широкого профиля, содержится большая доля правды. И в самом деле: любой факультет журналистики дает представление о методах сбора, обработки и распространения информации. Но писать приходится на темы, что называется, «от Бисмарка до насморка». А быть специалистом даже в рамках од-

ной профессии удается не всегда и не всем. Как утверждает американский писатель Амброс Бирс, «специалист – это человек, который знает все о немногом и ничего обо всем остальном»⁹⁵.

Но нам нельзя не знать «ничего обо всем остальном». Ведь по завершении материала, скажем, об искусственном осеменении скота придется, возможно, заняться чем-то связанным со стихотворным размером... Ну, пусть даже не так круто: после расследования злоупотреблений заведующей школьной столовой редактор дает команду заняться расследованием деталей ДТП на одной из улиц города: всюду есть специфика, всюду есть неизвестные нам нормативные акты, какие-то не лежащие на поверхности закономерности. То есть, чтобы добиться истины, нам нужно то, что называется мнением эксперта.

Существует ряд формулировок, определяющих функции и качества специалиста, именуемого экспертом. Вот только одна из них: «Эксперт – это специалист, приглашаемый или нанимаемый за вознаграждение, для выдачи квалифицированного заключения или суждения по вопросу, рассматриваемому или решаемому другими людьми, менее компетентными в этой области»⁹⁶.

Или еще одна формулировка, там же: «Эксперт – это не заинтересованное в деле лицо, обладающее специальными научными знаниями, которому лицом, ведущим уголовный процесс, или, по требованию последнего, руководителем органа судебной экспертизы поручено производство судебной экспертизы».

Целиком принимая первую формулировку, хотелось бы только добавить в нее кое-что из второй, а именно «эксперт – это не заинтересованное в деле лицо...».

Как и в ситуации со сторонами конфликта, эксперт ни в коем случае не должен быть участником конфликта. В расследовании Ольги Декснис «Как я работала официанткой во вьетнамском кафе “Сайгон”» приводится пример того, как владельцы кафе при изготовлении картофеля фри многократно используют одно и то же растительное масло. И совершенно правильно не претендуя на то, чтобы самой некомпетентно оценивать этот факт, она дает слово эксперту. «Масло, которое потемнело, уже использовать нельзя, – рассказали в отделе исследования жи-

⁹⁵ Академик. Словарь крылатых слов и выражений. Амброс Бирс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2591/Специалист

⁹⁶ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://forexaw.com/TERMs/Professions/Professional_specialty/1742_Эксперт_Expert_это

ров и масел ГНУ ВНИИИЖ Россельхозакадемии города Санкт-Петербурга. – При повторном нагреве в масле выделяется продукт окисления. Опасный для здоровья канцероген, который при частом употреблении в продуктах питания способствует развитию раковых клеток у человека. И не все растительное масло подходит для жарки. Тема масел давно изучена, в ресторанах используют дорогостоящее высокоолеиновое подсолнечное, которое можно использовать неоднократно. Для того чтобы оценить вред, наносимый здоровью людей “черным” маслом, необходимо брать пробы на месте»⁹⁷.

В данном случае эксперт не имеет отношения ни к вьетнамской общине, ни к белорусским контролирующим органам, которые могли бы быть заинтересованы в подавлении конкурентов.

Вообще, мнение эксперта часто если не ставит точку, то, во всяком случае, цементирует ту сумму фактов, которые собраны автором.

Но не следует забывать о факторе профессиональной солидарности данного конкретного специалиста, который избирается в качестве эксперта, с другими специалистами в этой же отрасли, являющимися одной из сторон конфликта. То есть эксперт (во всех отношениях подходящий!) может не захотеть «подставлять» коллег, а значит, его мнение может оказаться не объективным.

Таким образом, эксперт – это не заинтересованное в деле лицо, специалист, приглашаемый или нанимаемый за вознаграждение, для выдачи квалифицированного самостоятельного заключения или суждения по вопросу, рассматриваемому или решаемому другими людьми, менее компетентными в этой области.

Итак, **минимально необходимое количество источников информации** (согласно нашему анализу), может выглядеть следующим образом:

- стороны конфликта (как минимум два источника информации);
- лица, о конфликте осведомленные, но не являющиеся его участниками, обычно именуемые свидетелями (чем больше – тем лучше);

⁹⁷ Декснис, О. Как я работала официанткой во вьетнамском кафе «Сайгон». Часть 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kp.by/daily/26213/3097650>

- документы реальные, полученные от заинтересованных органов путем запроса (хотя бы один), а также перекрестно проверенные документы из Сети;

- эксперт (хотя бы один).

Таким образом, правило, которым пользуются профессиональные разведчики, – не менее пяти источников информации – может применяться и профессиональными журналистами. Не воспринимая сравнение с разведчиками буквально, можно все же сказать: что-то общее между нами есть. Хотя бы в части источников информации.

5.4. Как лучше выбирать источники информации: надежность и достоверность

Работая с источниками информации, нужно учитывать целый ряд факторов, в том числе:

- их доступность – возможность работать с документами, посылать запросы в любые инстанции и ведомства; если вы фрилансер и рассчитывать на официальный ответ не можете, вам придется искать собеседников, которые владели бы нужной информацией; если, наоборот, не удастся взять интервью у известных личностей, крупных государственных чиновников, ничего не остается, как искать их мнения в СМИ, интернете и анализировать их;

- сроки сбора информации (время, отведенное вам на расследование): может получиться так, что возможность получить нужную информацию возникнет только после того, как проблема утратит общественное значение, или коллеги с большими, чем у вас, возможностями получают ее раньше – все это необходимо учитывать;

- степень надежности источников информации и, как следствие, достоверности самой информации.

Источник может быть надежен и на него можно уверенно ссылаться, если это, допустим, крупный государственный чиновник или СМИ, издаваемое властями. Но за достоверность информации поручиться нельзя, поскольку у власти собственные интересы и в данном конкретном случае информация вполне может оказаться недостоверной.

В Беларуси таких примеров множество. Достаточно только вспомнить известный пропагандистский фильм государственного телевидения «Площадь. Железом по стеклу», построенный на подсматривании за оппонентами действующего пре-

зидента и их подслушивании в выборах 2010 года. Информация о группах боевиков, якобы проникавших в Беларусь перед выборами... О накапливаемом ими оружии в виде кинжалов и обрезков арматуры... Но и к суду за использование этой информации, почерпнутой из материалов государственного телевидения, вас никто в Беларуси не привлечет. Источник надежен, хотя информация доверия не вызывает.

Существует также множество примеров, когда, судя по всему, информация достоверна, но поступает из сомнительного источника и использована быть не может. Нельзя не вспомнить ряд так и не завершенных пока журналистских расследований об исчезновении белорусских политиков – Виктора Гончара, Анатолия Красовского, Юрия Захаренко, оператора Дмитрия Завадского. В причастности властей к этому уже даже не принято сомневаться – невозможно придумать более или менее правдоподобную причину, по которой эти люди практически одновременно исчезли и никак, нигде до сих пор не появились. Но и утверждать никто ничего не может, поскольку хотя бы более или менее надежных источников информации пока не существует.

Единственное, что остается: добиваться совпадения этих двух критериев – надежности источников информации и достоверности самой информации. Вспомним «Уотергейтский скандал»: одним из важнейших источников информации у Боба Вудворда и Карла Бернштейна был заместитель начальника ФБР Марк Фелт, чье имя журналисты почти три десятка лет свято хранили в тайне. Только в 2005 году, за три года до кончины, он сам раскрыл свое инкогнито и рассказал, что причиной его сотрудничества с журналистами было то, что он не мог допустить, чтобы президент США Никсон использовал ФБР для своих политических целей.

То есть информатором журналистов выступал чиновник высокого ранга, в компетентности которого, а значит, и в надежности как источника информации сомневаться не приходилось. И информация его имела все основания быть достоверной. Естественно, журналистам потребовалось время, чтобы убедиться в этом.

Пожалуй, самый надежный (и самый достоверный!) источник информации – личный архив журналиста. Блокноты, файлы с документами, аудио- и видеозаписями нужно хранить очень долго, по возможности – всегда. Никто никогда не знает, что и когда может пригодиться. Как известно, журналист

работает над материалом несколько часов и всю предыдущую жизнь, тем более что в Беларуси нет срока давности для дел по защите чести и деловой репутации.

Еще один важный источник информации, о котором следует помнить, – это слухи, то, что носится в воздухе, обсуждается в виртуальном пространстве, что сильно смахивает на сплетни, но в то же время интригует и заставляет задуматься. Конечно, слепо верить слухам (как и любому другому источнику информации) нельзя.

Помнится, как перед очередными выборами официальные белорусские СМИ распространили слух о том, что внезапно исчезнувшего белорусского политика Виктора Гончара видели на автозаправке в Германии... После чего к этой теме больше не возвращались.

Помнится, как исчезновение его же и Юрия Захаренко, Анатолия Красовского, Дмитрия Завадского власти пытались объяснить криминальными разборками... Можно приводить ряд других примеров, когда слухи использовались как провокации. Но и слепо отвергать их не следует! Нельзя не вспомнить, например, как в начале мая 1986 года вдруг заговорили об аварии на какой-то атомной станции. Слово «Чернобыль» тогда было мало кому известно. А в аварию просто никто не верил, поскольку официальных сообщений не было. На Первомайскую демонстрацию 1986 года мы вышли все – с детьми. Я помню эту демонстрацию в Могилеве... Потом оказалось, что это не слухи – это правда.

Повторим еще раз: абсолютно надежных источников не бывает! Согревает одно: после тщательной проверки можно найти такие, на которые можно уверенно ссылаться. Не отчаивайтесь – ищите!

Вопросы для самопроверки

1. Какие бывают источники информации?
2. Каковы преимущества и недостатки одушевленных и неодушевленных источников информации?
3. Слух как источник информации.
4. Какое минимальное количество источников информации необходимо?

Глава 6. Документ как источник информации

6.1. Что такое документ?

Очень важный источник информации из разряда неодушевленных – это документ. Начнем с формулировок – их немало. В том числе:

«ДОКУМЕНТ -а; м. [от лат. documentum – доказательство].

1. Деловая бумага, служащая доказательством чего-л., подтверждающая право на что-л. Проездной д. Оправдательный д. Д. на получение наследства. Д. об образовании. Получить (выдать) д.

2. Письменное удостоверение, подтверждающее личность предъявителя. Предъявить документы. Проверка документов.

3. Письменное свидетельство (акт, грамота, рисунок и т.п.) о каких-л. исторических событиях. Новгородские берестяные грамоты - исторические документы. Наскальная живопись – д. глубочайшей древности. Исторические документы.

* * *

Документ (от лат. documentum – свидетельство), 1) различные виды актов, имеющих юридическое значение, например учредительные документы акционерных обществ и других товариществ, завещание в установленной законом форме, диплом о высшем образовании; 2) документ, удостоверяющий личность, а также определенные права (например, пенсионное удостоверение, водительские права); 3) письменное свидетельство о каких-либо исторических событиях, фактах; 4) материальный носитель данных (бумага, кино- и фотопленка, магнитная лента, перфокарта и т.п.) с записанной на нем информацией, предназначенный для ее передачи во времени и пространстве. Документы могут содержать тексты, изображения, звуки и т.д.

* * *

ДОКУМЕНТ (от лат. documentum — свидетельство), акт, имеющий юридическое значение (учредительные документы акционерных обществ и товариществ, завещание в установленной законом форме, диплом о высшем образовании); удостоверение личности, а также пенсионное удостоверение, водительские права; письменное свидетельство об исторических событиях, фактах; материальный носитель данных (бумага, кино- и фотопленка, магнитная лента, перфокарта) с записанной на нем

информацией, предназначенный для ее передачи во времени и пространстве. Документы могут содержать тексты, изображения, звуки.

Официальным документом считается документ, составленный, выданный или находящийся в обороте государственных и муниципальных органов, учреждений, организаций и предприятий. В более узком смысле к официальным документам относят документы органов законодательной, исполнительной и судебной власти, которые носят законодательный, нормативный, директивный или информационный характер»⁹⁸ (Энциклопедический словарь, 2009 год, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/19670/документ>).

Википедия трактует понятие документа короче: «Документ (от лат. documentum – образец, свидетельство, доказательство) – материальный объект, содержащий информацию в зафиксированном виде и специально предназначенный для ее передачи во времени и пространстве.

В узком смысле документ – облеченный в письменную форму носитель информации, удостоверяющий наличие фактов определенного значения. В широком смысле и книга, и скульптура – документы»⁹⁹.

Существует целый ряд близких по смыслу формулировок. В любом случае речь идет о носителе информации, который может содержать тексты, изображения и звуки. В этом отношении наклеенная на столбе листовка о том, что пропала собака, – тоже документ. И радиорепортаж – тоже. И телепередача – тоже. *К ним можно апеллировать, на них можно ссылаться.*

Существует несколько вариантов классификации документов, определения их функций. Они описаны в том числе в книге Андрея Константинова¹⁰⁰.

Классификация информации по типу:

- правовая;
- научно-техническая;
- политическая;
- финансово-экономическая;
- статистическая;

⁹⁸ Энциклопедии, словари. Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/ozhegov/Dokument-7402.html>

⁹⁹ Википедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Документ>

¹⁰⁰ Константинов, А. Журналистское расследование. С. 281–285.

- о стандартах и регламентах, метрологическая;
- социальная;
- о здравоохранении;
- о чрезвычайных ситуациях;
- персональная (персональные данные);
- кадастры.

Классификация информации по режиму доступа:

- открытая информация (без ограничения);
- информация ограниченного доступа;
- государственная тайна;
- конфиденциальная информация;
- коммерческая тайна;
- профессиональная тайна;
- служебная тайна;
- личная (персональная) тайна.

Классификация информации по способу хранения и использования:

- традиционные формы (книги, журналы, газеты);
- массив документов;
- фонд документов;
- архив;
- автоматизированные формы.

Есть и иные варианты классификации.

Функции документа в разных источниках излагаются по-разному. Выделим общие:

- функция памяти, т.е. закрепления, хранения и передачи во времени и пространстве знаний, социального опыта и культурных традиций;
- коммуникативная функция, превращающая документ в средство общения автора и читателя, обмена мнениями, выработки коллективных решений;
- информационная функция, проявляющаяся как способность документа удовлетворять потребности общества в информации, то есть служить источником знания;
- правовая функция, понимаемая как способность документа предоставлять информацию, необходимую для доказательства, подтверждения каких-либо фактов, событий путем их фиксации, документирования.

6.2. Документ, который отсутствует

Использование документа всегда придает расследованию достоверность, поскольку документ – это то, что, как правило, реально существует. За документом, как правило, стоит структура (государственная, общественная) или конкретный человек, который этот документ подготовил и запустил в обращение. К документу, как правило, можно апеллировать, на него можно сослаться в суде.

В то же время документ может оказаться поддельным или некорректно используемым. Характерный пример – материал, подготовленный творческой мастерской «Агентство журналистских расследований» при содействии Ассоциации журналистов-расследователей Дании. Опубликован в «БДГ. Деловая газета» 20 января 2006 года. Заголовок убийственный: «В Орше тысячи людей умирают от рака»¹⁰¹.

Когда бегло читаешь этот материал, создается впечатление солидности исследования проблемы, тем более что присутствует немалое количество ссылок на документы. Но при ближайшем рассмотрении это ощущение постепенно исчезает.

Вот первый раздел материала: «В Орше проживают немногим более 125 тысяч человек. По данным городских лечебных учреждений за 2004 год, на учет было принято 500 больных онкологическими заболеваниями. Для сравнения: в 1987 году их было зарегистрировано всего около сотни...»

Да, если верить авторам, менее чем за два десятка лет количество онкологических заболеваний выросло в 5 раз! Ужасно! Но можно ли верить авторам? И на какие такие городские лечебные учреждения они ссылаются? Это какая-то поликлиника? Или горздравотдел? И в каком таком документе зафиксированы упомянутые выше цифры? Это справка, доклад, отчет? Но тогда документ должен как-то называться. У него должен быть номер. В конце концов, его кто-то должен подписать. Но никакие реквизиты документа (как и его название) авторами не указаны, что не может не вызывать подозрений в недостоверности.

Идем дальше. «...А 2004-й дал резкий скачок – сразу на 178%, – утверждает в расследовании. – По мнению одного из экспертов, 500 раковых заболеваний в год для такого города –

¹⁰¹ В Орше тысячи людей умирают от рака // KRAINA.BY. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kraina.by/newspaper/society/society_1184.html

очень много. Но и эти цифры значительно корректируются: вместо того чтобы поставить диагноз на месте, оршанские медики часто направляют больного на обследование в областную или республиканскую клинику, и он уже проходит по статистическим данным области или республики».

«По мнению одного из экспертов...». А кто этот эксперт? Насколько он компетентен? И существует ли он в природе? А если существует, то почему не назван?

Такую фразу, со ссылкой на «одного из экспертов», легко сочинить не отходя от компьютера в расчете на реакцию читателя. Который на такие фразы, безусловно, реагирует.

Читаем далее: «Нам удалось получить данные по онкологическим заболеваниям в некоторых районах города и произвести приблизительный подсчет общего количества заболевших. Цифры впечатляющие. Больше всего больных раком – порядка 1240 человек – насчитали во 2-м микрорайоне (улицы Флерова и Воз-ан-Влен). В 1-м микрорайоне (улицы 60 лет БССР и Семенова) – почти 580 человек. Итого только по двум микрорайонам – около 1820 человек. Скорее всего, эта цифра значительно большая, так как в списке, по которому велся подсчет, почему-то отсутствовали данные по главным кварталам названных микрорайонов».

Откуда авторам удалось получить такие серьезные данные, способные вызвать непредсказуемую реакцию читателя? И насколько они серьезны? Ведь жители указанных в расследовании улиц Орши, по логике, должны теперь в панике убегать из своих квартир, оставляя там все нажитое... Но чтобы убегать, нужно убедиться в достоверности фактов, в реальности угрозы. А авторы пишут: «...Нам удалось получить...» От кого? Как? Не удивительно, что массового исхода жителей упомянутых в расследовании улиц в Орше так и не произошло. Зато очередной всплеск недовольства властями, скорее всего, был. Что, может быть, и требовалось?

И так далее. В материале содержатся регулярные намеки на какие-то документы, из которых якобы взяты конкретные данные. Но ссылок на эти документы нет. Ощущение того, что авторы манипулируют цифрами как придется, постоянно нарастает. Отсюда вывод: ни этим данным, ни этому материалу в целом верить уже не хочется.

6.3. Документ, который использован выборочно

Еще один пример использования документа, на сей раз из практики автора, – журналистское расследование «Таблетка снотворного»¹⁰².

Пришлось изучить историю бывшего воина-афганца Александра Лепунова из Орши. Тогда к автору обратилась его мать, Татьяна Митченко. А сам он окончил школу, медицинское училище. Распрощался с матерью, уходя в армию, и попал «за речку» – в «ограниченный контингент» советских войск в Афганистане. К счастью, вернулся живым. Но война не проходит просто так: прошлое не оставляло, Александр перестал спать по ночам. Выписали ему бесплатно таблетки под названием «Реладорм». Ну выписали и выписали... А однажды поделился этими таблетками с приятелем. Приятель по причине, к теме разговора не имеющей отношения, попал в милицию, у него нашли таблетки и определили их как наркотик. После чего закономерно пришли к Александру Лепунову.

С этого началось уголовное дело о незаконном сбыте психотропных веществ. И закончилось оно для Александра пятью годами лишения свободы.

В приговоре суда Оршанского района и города Орши Витебской области от 29 июля так и сказано: Александр Лепунов «по подлинному рецепту серии ВИ № 6813018, выданному на законных основаниях врачом Федоровым И.А., с целью последующего сбыта приобрел в аптеке № 26... 30 таблеток “Реладорма” массой 0,17 грамма каждая общей массой 5,1 грамма, относящиеся к опасным психотропным веществам согласно перечню наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в республике Беларусь, утвержденному Постановлением Министерства здравоохранения РБ № 26...».

Смысл фразы из приговора однозначен: согласно перечню, утвержденному Постановлением Минздрава № 26, реладорм относится к опасным психотропным веществам. А приговор суда есть документ, которому следует верить. Но, как удалось выяснить автору, реладорма в перечне упомянутого выше Постановления № 26, на котором, собственно, и держалось обвинение, нет! Нет ни среди наркотических, ни среди психотропных веществ. Есть его составляющие: диазепам и циклобарбитал.

¹⁰² «Труд», 13 июля 2006 года.

Зато в приговоре того же суда уже от 11 ноября 2005 года, вновь рассматривавшего дело, написано: «Согласно заключению специалиста, представленного стороной защиты в судебном заседании, возможно выделение в чистом виде из “Реладорма” входящих в его состав диазепам и циклобарбитала».

Документ, которому нужно верить? Но в ходе журналистского расследования автору была предоставлена справка за подписью заведующего кафедрой общей и клинической фармакологии Витебского медицинского университета М.М. Скачек: «...выделение (экстракция) из “Реладорма” входящих в его состав диазепам и циклобарбитала в домашних условиях возможно...» только «при наличии лабораторного оборудования и специальных знаний и умений», о чем Оршанский суд умолчал. А кто учил Александра Лепунова этим специальным знаниям? Кто видел у него дома или где бы то ни было это «лабораторное оборудование»? В материалах дела о нем ни слова.

Вот и получается: с одной стороны, ряд солидных документов – перечень, приговоры суда; с другой стороны, и перечень трактуется странно, и в приговоре мнение специалистов излагается в нужном суду контексте.

После того как в «Труде» было опубликовано журналистское расследование, где в том числе речь шла о противоречиях в истолковании документов, о кампании по борьбе с распространением наркотиков, в рамках которой наш герой «попал под раздачу»... После всего этого приговор был пересмотрен, а Александр Лепунов освобожден.

Таким образом, при использовании документа в журналистском расследовании необходимо: а) назвать документ; б) указать его выходные данные; в) назвать лицо, его подписавшее; г) лучше процитировать документ, чем передавать его в изложении. Кроме всего этого, можно сделать и еще один вывод: при использовании документа желательно не ограничиваться цитатами, а изучить документ целиком. Потому что, как видим, принимать на веру даже решения судов никак не выходит. И при изучении любого документа хорошо бы обратиться за помощью к специалисту.

6.4. Надежность и достоверность

Для документов из интернета также существует несколько основных правил.

Необходимо:

- представить данные сайта, с которого взят документ, данные автора и издательства;
- указать даты публикаций или обновлений;
- обеспечить доступность наиболее важной информации сайта;
- использовать сайты, цель которых – информировать или обучать, а не рекламировать и продавать что-то;
- отсылать к сайтам, которые находятся в рабочем состоянии.

И еще: при работе с документами, как и при работе с любыми другими источниками информации, важно правильно оценивать их с позиций достоверности и надежности. Синонимы ли это? Повторим, в журналистике – нет. В журналистике принято их разграничивать.

Надежность – это уверенность, что журналист имеет дело с документом, реально существующим, на который можно ссылаться без опасения быть привлеченным к ответственности.

Достоверность – соответствие данных событиям.

Иногда два этих понятия могут конфликтовать друг с другом. Как мы уже отмечали ранее, документ может быть весьма надежным, поступившим из надежного, вполне официального источника, но содержать недостоверную (или не вполне достоверную) информацию, как в случае с Александром Лепуновым. И наоборот: документ может содержать полезную, достоверную информацию, но источник его кажется ненадежным...

Способы оценки достоверности материала могут быть различными. Повторим, важно обращать внимание на внешний вид документа: на фирменный бланк, наличие печатей и подписей ответственного лица, наличие даты и номера документа.

Не стоит доверять документам из предметно-вещевой среды, отпечатанным на некачественной бумаге, на которых отсутствуют вышеперечисленные атрибуты, бумагам, не заверенным нотариально.

При анализе содержания документа следует отделять факты от оценок, мнений, комментариев.

Отметим: существуют разные методы анализа документов. Остановимся на двух из них: традиционный и формализованный.

Традиционный используется чаще всего. Это изучение содержания данного документа, фиксирование содержащихся в нем сведений, с тем чтобы потом их использовать.

В основе **формализованного метода** – контент-анализ, он требует изучения большого количества однотипных документов (к примеру, подшивки газет, онлайн-ресурсы, информационные сайты министерств и ведомств, общественных организаций, протоколы судов) по неким сформулированным нами критериям. В практике этот метод также применяется довольно часто. К примеру, автору не раз приходилось довольно плотно работать с протоколами судов, в которых одно и то же дело трактовалось по-разному. И именно сопоставление документов в части оценки действий одного и того же персонажа помогало определиться в сложных ситуациях.

Еще один аспект: при работе с документом, полученным из конфиденциального источника, следует, называя документ и указывая выходные данные, не навредить этому самому источнику, особенно когда в тексте используется фотография документа. Ведь, как правило, кроме исходящего номера на титульной странице указывается и номер, позволяющий отследить чиновника, которому этот экземпляр документа был передан и который, следовательно, «слил» его журналисту. Правильно поступают те, кто все номера, кроме входящего или исходящего, замазывают, прежде чем фотографировать и публиковать.

6.5. Путь этичный и законный

И еще один совет: известный американский журналист Майкл Берлин в своем «Кратком руководстве по проведению журналистского расследования» пишет: «Никаких краденых документов. Никакой платы за информацию. Никаких незаконных проникновений на частную территорию, за исключением случаев, когда журналист готов нести за это судебную ответственность. И самое главное. Ни при каких обстоятельствах... не раскрывать источник информации»¹⁰³.

О плате за информацию мы уже говорили. Действительно, корыстные источники опасны, предлагаемые ими документы часто недостоверны, а информация ненадежна.

Что касается воровства документов... В приведенных выше профессионально выполненных расследованиях был только один такой пример. И не случайно. Помимо очевидного нарушения профессиональных этических принципов, гласящих,

¹⁰³ Академик. Расследование журналистское – это... [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://smi.academic.ru/192/Расследование_журналистское

что «информация должна быть получена законным и этичным путем»¹⁰⁴ (что-то в этом роде есть и в других национальных кодексах), возникает еще и проблема легализации полученной таким путем информации: если не сослаться на такой документ, то зачем он? А если сошлешься, то признаешься в воровстве.

Но все же... Вспомним историю с документами Пентагона. Тогда чиновник Госдепартамента США при увольнении с работы тайно скопировал (по сути, украл) компрометирующие власть материалы военного ведомства и попытался предложить их членам конгресса, настроенным против войны во Вьетнаме. Но все они отказались именно по причине невозможности легализации. Ведь при обнародовании пришлось бы признать незаконное получение документов, что подорвало бы доверие и к документам, и к их предъявителю. Только Нейл Шихан, журналист «The New York Times», согласился опубликовать их в своей газете¹⁰⁵.

Необходимо признать, что в последние годы отношение к документам, полученным незаконным или не вполне законным путем, изменилось. Появился ставший популярным термин «утечка». Отметим: словари трактуют этот термин как «неконтролируемое распространение защищаемой информации в результате ее разглашения, несанкционированного доступа к информации и получения защищаемой информации иностранными разведками»¹⁰⁶. При всей мягкости формулировок, это все равно есть не что иное, как незаконное и неэтичное овладение документами, то есть воровство.

Общественность далеко не всегда возражает против такого рода деятельности. Широко известен пример «WikiLeaks». Это «международная некоммерческая организация, которая публикует секретную информацию, взятую из анонимных источников или при утечке данной информации»¹⁰⁷. Ее создатели утверждали: главная цель – «донести важные новости и информацию до общественности... Одно из главных направлений

¹⁰⁴ Кодекс журналистской этики БАЖ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://baj.by/content/palazhenne-pra-kamisiyu> (перевод мой. – А.Г.).

¹⁰⁵ Академик. Бумаги Пентагона – это... [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/824638>

¹⁰⁶ Академик. Утечка информации – это... [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/343825/утечка

¹⁰⁷ Википедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/WikiLeaks>

деятельности нашей организации заключается в публикации первоисточника параллельно с нашими новостями таким образом, чтобы читатели и историки могли видеть доказательства существования правды»¹⁰⁸.

Правда, основатели «WikiLeaks» в своих заявлениях не говорили о том, каким путем будут получены «публикации первоисточника»... А получены они, как выяснилось, в результате незаконных «перехватов» и «скачиваний».

Только в ноябре 2009 года было опубликовано 570 тысяч «перехваченных» сообщений, посланных на пейджеры граждан 11 сентября 2001 года. Часть этих сообщений принадлежит высокопоставленным лицам. Далее на обозрение граждан начали выплывать сотни тысяч документов с правительственными секретарями, выуженных в виртуальном пространстве.

Последствия не заставили себя ждать: в июле 2010 года Администрация Соединенных Штатов Америки заявила, что «безответственная» утечка в СМИ тысяч файлов с секретной военной информацией может представлять угрозу для безопасности страны. Начались преследования создателя ресурса Джулиана Ассанжа, который вынужден был просить убежища в посольстве Эквадора в Лондоне. Отношение к нему в мировом сообществе разное: кто-то видит в нем героя, а кто-то – предателя. Но при всем при этом Ассанж стал номером 58 в списке самых влиятельных людей 2010 года и Человеком года по версии читателей «The Times». В 2011 году он получил медаль «За мужество в защите прав человека» от Сиднейского фонда мира, а в 2013 – премию «За мужество в искусстве», врученную Йоко Оно.

Убежища в России вынужден был просить бывший сотрудник ЦРУ Эдвард Сноуден, раскрывший миру секреты американской разведки путем опубликования «перехваченных» в интернете секретных документов. К нему тоже относятся по-разному, и трудно сказать, кого у него больше – сторонников или противников.

В Беларуси Следственным комитетом было возбуждено уголовное дело в отношении ряда сотрудников издательства «Белорусская наука», информагентства БелаПАН и новостного портала Tut.by.

По словам официального представителя СК РБ Сергея Кабаковича, у БелТА начались сбои в доступе к платной подпи-

---

¹⁰⁸ Википедия. [Электронный ресурс].

ске услуг, предоставляемых агентством одному из заказчиков. БелТА обратилось в МВД, после чего правоохранители в ходе проверки установили, что в течение двух последних лет было совершено около 15 000 неразрешенных подключений к компьютерной информации БелТА.

На момент написания этих строк расследование этого дела еще не было завершено. Но чем бы оно не закончилось, совершенно очевидно: соблюдение принципа законности и этичности получения информации не только делает журналистику более порядочной, но и обеспечивает безопасность журналиста. А в нарушении этого принципа нет ничего ни профессионального, ни героического...

На этом фоне многие профессиональные журналисты не считают проблемой использовать нечто подсмотренное или подслушанное. Одна из студенток ЕГУ в итоговом материале по курсу «Журналистское расследование», который она уже готова была отдать для публикации в один из белорусских информационных ресурсов, процитировала телефонный разговор руководителя белорусского местного военкомата с его республиканским начальником, каким-то образом подслушанный и записанный на «мобильник» (по существу, воровство аудиодокумента).

К счастью, автору удалось вовремя ее остановить. Ведь при том, что информация из этой «подслушки» «работала» на гипотезу автора, подслушивание с помощью технических средств могло обернуться уголовным делом.

Даже при сочувственном отношении общества **неприятности** с использованием документов, полученных «незаконным и неэтичным» путем, всегда вероятны. Это во-первых. Во-вторых, их почти **невозможно легализовать**. В-третьих, использование документов, полученных незаконным и неэтичным путем, **подрывает доверие к материалу**. Вывод пусть каждый делает для себя сам. Но именно по этим причинам автор не считает возможным анализировать и тем более рекомендовать журналистам «хакерские» методы получения информации, так как они незаконны и неэтичны.

Возвращаясь к вопросу о достоверности: чтобы не допустить ошибки, журналисты могут ориентироваться на правила, принятые при проверке документальных данных на достоверность в социологии. Согласно им при анализе документов необходимо:

- различать описание событий и их интерпретацию (факты и мнения);

- определять, какими источниками информации пользовался составитель документа, первичная она или вторичная;
- выявлять намерения, которыми руководствовался составитель документа, давая ему жизнь;
- учитывать, как могла повлиять на качество документа обстановка, в которой он создавался.

6.6. Фактчекинг

Понятие «фактчекинг» (англ. fact checking – проверка фактов) кажется новым только по названию. А вообще-то, о необходимости тщательной проверки информации из любых источников мы уже не раз упоминали выше, в том числе акцентируя внимание на принципах надежности источника и достоверности информации.

Факт – это подкрепленное надежными свидетельствами событие, которое действительно произошло или действительно может произойти. Как отмечал Чарлз Престуич Скотт, издатель «The Manchester Guardian», комментарии свободны, но факты священны. В любом расследовании журналист идет не за мнением, а за фактом и очень часто вначале не знает, куда в конечном счете придет. Но, куда бы он ни пришел, подготовленный в результате материал (в нашем случае – журналистское расследование) только на этих фактах и должен держаться.

Таким образом, фактчекинг – этап в процессе расследования достаточно важный. И в формулировке белорусского медиаэксперта Павла Быковского, это процесс попытки подтвердить или опровергнуть утверждения, сделанные в речи, СМИ или онлайн. То есть информацию, полученную из любых источников, добавим мы.

В «PolitiFact», который принадлежит некоммерческому Институту по исследованию СМИ в Пойнтере (Poynter Institute for Media Studies), опубликовали свои критерии отбора сообщений для проверки их правдивости.

- Является ли утверждение фактом, который можно проверить? Мы не проверяем мнения, мы признаем, что в мире речей и политической риторики есть право на гиперболу.
- Представляется ли утверждение вводящим в заблуждение или звучащим неправильно?
- Является ли заявление значительным? Мы избегаем второстепенных «ошибок» по претензиям, которые, очевидно, являются оговорками.

- Получит ли заявление распространение?
- Будет ли обычный человек слушать или читать заявление и удивляться: «Это правда?»

Также Павел Быковский ссылается на некоммерческую компанию «Venetech», которая совместно с международными правозащитными организациями «Amnesty International» и «The Engine Room» опубликовала руководство «DatNav» по использованию и проверке цифровых данных в расследованиях, которые включают проверку метаданных на фото и видео, поиск первого использования фото и видео в интернете¹⁰⁹.

Но для фактчекинга существует еще несколько правил, о большинстве из которых мы в том или ином контексте тоже уже говорили раньше. Это в том числе поиск первоисточника. В особенности это важно, когда речь идет о конфликте, где, естественно, присутствует несколько сторон, которые, как мы уже отмечали, чаще всего «тянут одеяло на себя» и способны преувеличивать свои достоинства и чужие недостатки.

Еще один важный аспект: сегодня много говорят и пишут о приоритете неодоушевленных источников, поскольку они являются средством фиксации, избавлены от личностных оценок, предпочтений и застрахованы от ментальных ошибок. Это как любое устройство – от термометра за окном до видеорегистратора в машине. Но ведь любое устройство уязвимо и может давать неверную информацию. Его также нужно проверять. Установить, к примеру, не было ли стороннего вмешательства или искажающего воздействия внешней среды...

Поэтому всегда нужно делать то, что солидные расследователи делали и в доцифровую эпоху, – получить информацию от людей, осведомленных о конфликте, но не участвующих в нем. И, разумеется, получить мнения экспертов.

Ресурс <http://mediatoolbox.ru/factchecking/> приводит пример с журналом «Rolling Stone», который был вынужден удалить свой же резонансный материал об изнасиловании студентки в

---

¹⁰⁹ Angie Drobnic Holan. The Principles of the Truth-O-Meter: PolitiFact's methodology for independent fact-checking // PolitiFact, February 12th, 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.politifact.com/truth-o-meter/article/2018/feb/12/principles-truth-o-meter-politifact-methodology-i/> Дата доступа: 29.07.2018.

Zara Rahman. DATNAV: A Guide To Navigate And Integrate Digital Data Into Human Rights Research // The Engine Room, 2 September, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theengineroom.org/datnav-low-quality-2/> Дата доступа 29.07.2018.

кампусе университета Вирджинии. Повторное расследование этой истории показало, что журналистка банально не проверила факты по другим источникам. В том числе не связалась не только с противоположной, обвиняемой стороной, но даже с друзьями жертвы, которые якобы ей помогали в беде.

И еще один из важных факторов: необходимо уметь распознавать фейки. Причем под фейками надо понимать не только осознанные подделки и симуляции. Это еще и небрежности, опечатки и технические ошибки. Все это, уходя в массовое сознание, становится ложной реальностью. И тут, опять же, не обойтись без одушевленных источников информации: они, конечно, подвержены влиянию, но в беседе с ними можно уловить оттенки, дающие возможность сделать правильные выводы.

Возвращаясь к цифровым методам: существует возможность проверки через поисковики (Google, Яндекс) и службы агрегации новостей (Яндекс. Новости, Google News). Картинки проверяются сервисами Google images или TinEye.

Сайт Mediakritika.by в статье «5 новых программ и приложений, которые помогают читателям проверять достоверность контента в Сети» рекомендует также несколько полезных сервисов: Trooclick, Truth Goggles, Lazy Truth, Skeptive, Genius.5

В любом случае, подчеркивает ресурс <http://mediatoolbox.ru/factchecking/>, фактчекинг – это не свод незыблемых правил. Это, прежде всего, ответственность, заинтересованность и неравнодушие проверяющего (фактчекера), понимание медиаландшафта плюс знание технологий и сервисов.

... И еще раз об одушевленных источниках. Для профессиональных и, главное, качественных журналистов необходимость в них по-прежнему очевидна. Достаточно вспомнить хотя бы случай с российскими журналистами, погибшими нынешним летом в Центрально-Африканской Республике: Кирилл Радченко, Александр Расторгуев и Орхан Джемал. В своем расследовании они вполне могли обойтись материалами из Сети. И ехали они в это опасное место не за африканскими пейзажами – их и в YouTube достаточно. Осознавая степень опасности, они ехали именно за одушевленными источниками информации четко понимая, что без сведений из первых уст, от участников событий, людей с фамилиями и адресами, их расследование не будет выглядеть убедительно.

Анатолий Гуляев

Вопросы для самопроверки

1. Что такое документ?
2. Каковы условия использования документа в журналистском расследовании?
3. Как работать с документами, полученными в интернете?

Глава 7. Частная жизнь и общественный интерес

7.1. Частная жизнь

Достаточно часто в процессе журналистского расследования приходится сталкиваться с проблемой противоречия между правом на защиту частной жизни и общественным интересом к ней же. Разрешается это противоречие всегда сложно. Причем журналист в этом противоречии, как правило, оказывается незащищенным.

Но для начала попытаемся разобраться, что такое право на защиту частной жизни. В английском языке все стороны частной жизни обозначаются единым термином «privacy», который не имеет эквивалента в русском языке. А в США под этим понимается все, что связано с частной жизнью данного конкретного гражданина. Американские юристы Уоррен и Брандейс сформулировали это как «therighttobealone» («право быть оставленным в покое», «право быть предоставленным самому себе»).

Таким образом, частная жизнь – это область жизнедеятельности личности, которая находится вне контроля государства и общества.

Право на частную жизнь предполагает возможность каждого жить в соответствии со своими желаниями, при том, однако, что эти желания не должны вступать в явное противоречие с общепринятыми нормами права и морали. **Право на неприкосновенность частной жизни** – запрет на вмешательство в частную жизнь со стороны государства и защита государством от такого вмешательства со стороны третьих лиц¹¹⁰.

Личная жизнь включает все ситуации или действия, по поводу которых каждый должен быть оставлен в покое: любовь, супружеская жизнь, функции супругов в семье, родственные отношения, болезни, досуг и т.д.

Необходимо сказать, что жить в соответствии со своими желаниями получалось и получается далеко не всегда. В частную жизнь всегда вмешивались не только «третьи лица», но весьма часто и весомо само государство. Давний, но яркий пример на русскоязычных территориях – нормы, закрепленные на Стоглавом соборе, состоявшемся в Москве в 1551 году. В нем участвовали в основном духовные иерархи во главе с митрополитом Макарием и представители боярской думы.

Предписания собора включали критику различных житейских обычаев (таких, к примеру, как скоморошья игрища,

¹¹⁰ Право на частную жизнь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://center-yf.ru/data/Yuristu/Pravo-na-chastnuyu-zhizn.php>

брадобритие или употребление в пищу колбасы) – обычаяв, которые отвергались как безнравственные (считалось, что безбородость способствует содомскому греху) или как откровенно языческие¹¹¹.

Собственно говоря, церковь активно вмешивалась в жизнь граждан не только в России. Не церемонилась она с частной жизнью и в Европе. И не только с частной жизнью, но и с жизнью как таковой, например во времена инквизиции, которая всю использовала возможности, силу и мощь государства. Нарбоннский собор в 1244 г. указал инквизиторам, что они не должны мужа щадить ради жены, жену – ради мужа, отца – ради детей, единственным кормильцем которых он был; ни возраст, ни болезнь не должны были влиять на смягчение приговора¹¹². Инквизиция накладывала обычно три вида наказания: епитимья, тюремное заключение и передача в руки светской власти, что означало сожжение на костре. Другой чертой инквизиционного суда было то, что кроме осужденного несли наказание и его дети и потомки, иногда вплоть до третьего поколения, которые лишались не только наследства, но и гражданских прав.

В частную жизнь, в том числе в строительство семьи, распределение функций в ней, государство активно вмешивалось на разных этапах своего развития. Например, фашистское руководство Германии исповедовало для женщин знаменитый принцип трех «к»: kirche, küche, kinder, то есть предписывало им заниматься исключительно семейными проблемами.

Долгие годы власти многих стран активно вмешивались в частную жизнь путем запретов на прерывание беременности, что, по логике, является внутренним делом семьи. На Руси аборт вообще был особо тяжким преступлением. В XII веке существовала смертная казнь за аборт. Статут ВКЛ также предусматривал смертную казнь за аборт¹¹³. Петр I либерализовал ситуацию: тогдашним врачам грозили каторжные работы, а женщинам – заключение до 6 лет. Но в 1920 году этот запрет был снят в РСФСР – первом в мире государстве, которое пошло на такой шаг. Было принято Постановление Народного комиссариата здравоохранения и Народного комиссариата юстиции.

¹¹¹ Стоглавый собор. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/node/39524>

¹¹² Инквизиция и ее роль в средневековом обществе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://otherreferats.allbest.ru/religion/00004322_1.html

¹¹³ Статут ВКЛ 1588 г. Минск, 2005.

Аборты стали бесплатными, для их проведения нужно было только желание данной конкретной женщины. Как и полагалось во времена диктатуры пролетариата, приоритет был у работниц заводов и фабрик: они имели право первоочередности. И только спустя 40 с лишним лет запреты на искусственное прерывание беременности были сняты в Великобритании, затем Франции, ФРГ и США. Но в этих странах либеральное отношение к абортам, пусть и установившееся позже, существует до сих пор, тогда как в России уже с 1926 года аборты запретили для впервые забеременевших женщин. Была введена плата за аборты, а потом и уголовная ответственность.

Один из известных большевиков Арон Сольц писал тогда: «В нашей жизни не может быть разрыва между личным и общественным. У нас даже такие, казалось бы, интимные вопросы, как семья, рождение детей, из личных становятся общественными. Советская женщина уравнена в правах с мужчиной. Для нее открыты двери во все отрасли труда. Но наша советская женщина не освобождена от той великой и почетной обязанности, которой наделила ее природа: она мать, она родит. И это, бесспорно, дело большой общественной значимости».

1 ноября 1955 года запрет на аборт был отменен¹¹⁴.

Нельзя не вспомнить и уже более демократичные времена советской власти примерно до 1960-х годов, когда семейные проблемы рассматривались на партийных собраниях и заседаниях партийных бюро.

И сегодня есть государства, в которых женщины не имеют равных прав в семье и в обществе.

Таким образом, запрет на вмешательство в частную жизнь мучительно вызревал веками, пока не стал правомерен и необходим. Но этот запрет все равно часто нарушается, в первую очередь средствами массовой информации. Как отмечается в ряде исследований, в противоречии между правом журналистов на свободу слова и правом граждан на защиту частной жизни журналисты побеждают в большинстве случаев. Именно поэтому потребность в неприкосновенности сферы частной жизни нашла отражение в международных документах, таких как:

- Всеобщая декларация прав человека;

¹¹⁴ Как в СССР регулировали личную жизнь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://weekend.rambler.ru/read/kak-v-sssr-regulirovali-lichnyu-zhizn-2017-02-17/?utm_campaign=brain&utm_medium=rec&utm_source=rambler&utm_content=weekend

- Международный пакт о гражданских и политических правах;
- Европейская конвенция о защите прав человека;
- конституции большинства стран;
- национальные законы.

В законах Республики Беларусь это трактуется так.

Статья 28 Конституции: «Каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство».

Статья 34 Конституции: «Государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы.

Пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав».

Статья 29 Конституции: «Неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан гарантируется. Никто не имеет права без законного основания войти в жилище и иное законное владение гражданина против его воли».

Статья 49 Закона о СМИ: журналист обязан «получать согласие (за исключением случаев, если это необходимо для защиты общественных интересов) на распространение в средстве массовой информации сведений о личной жизни гражданина от самого гражданина либо его законного представителя».

Статья 151 Гражданского кодекса: согласно этой статье, достоинство личности, честь и доброе имя, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна являются нематериальными благами, которые не отчуждаются и не передаются иным способом. Они защищаются в соответствии с гражданским законодательством.

Вмешательство в частную жизнь в ряде стран (например, уголовные кодексы Беларуси (ст. 135), Украины (ст. 182), Российской Федерации (ст. 137)) является уголовно наказуемым деянием. Существует практика, когда запрет на вмешательство в частную жизнь содержится и в Уголовном, и в Гражданском кодексах либо только в последнем. Там, где предусмотрены гражданско-правовые средства судебной защиты, они обычно подразумевают возможность возмещения материальных убытков и морального вреда (например, гражданские кодексы Ка-

захстана (ст. 9, 144), Российской Федерации (ст. 150–152), Узбекистана (ст. 1095–1097)).

О праве на защиту частной жизни говорят и статьи из Кодекса журналистской этики: «Журналіст павінен адрозніваць інфармацыю, якая мае грамадскую значнасць, ад інфармацыі, што патурае грамадскай цікаўнасці. Інфармацыя пра прыватнае жыццё асобы можа быць апублікаваная толькі ў выпадку, калі яе паводзіны ў прыватнай сферы закранаюць грамадскія інтарэсы. Пры гэтым трэба правяраць, ці не парушыць публікацыя правоў трэціх асобаў».

«Для працы на тэрыторыі шпіталаў ды іншых устаноў аховы здароўя журналісты павінны атрымаць дазвол у адміністрацыі лячэбнай установы. Неабходна ўлічваць, што інфармацыя пра цялесныя недахопы ці захворванні ў прынцыпе з’яўляецца таямніцай прыватнага жыцця»¹¹⁵. Все это Кодекс журналистской этики Белорусской ассоциации журналистов.

Что входит в понятие «частная жизнь»? В документах разных стран зафиксированы сходные в общем формулировки. Как правило, это:

- сведения об имени человека;
- изображение (фотография) человека;
- репутация человека (защита чести);
- сексуальная ориентация, сексуальная жизнь;
- неприкосновенность жилища (обыски и конфискация);
- тайна корреспонденции (коммуникаций);
- деятельность профессионального и делового характера, а также ограничение на занятие профессиональной деятельностью;
- досье или данные, составляемые службами безопасности или другими государственными органами;
- физическая и психологическая неприкосновенность (целостность) личности, включая медицинское обслуживание и психиатрические осмотры, и психическое здоровье;
- сбор и обработка персональных данных;
- другие сферы.

Примеров вольного обращения с разными аспектами частной жизни сколько угодно. Приведем хотя бы некоторые из них.

¹¹⁵ Кодекс журналісцкай этыкі БАЖ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://baj.by/content/palazhenne-pra-kamisiyu> (перевод мой. – А.Г.).

В белорусской «Нашай Ніве»¹¹⁶ был опубликован фоторепортаж с улицы одного из белорусских поселков. Он состоит из десяти снимков одного и того же человека с велосипедом. По версии издания, этот человек, что называется, «после вчерашнего» – то есть сильно пьян. Вот он падает, вот пытается подняться, вот падает опять... Одежда у героя фоторепортажа несколько не потрепанная, лицо не испитое, вполне нормальное. Пьян он или болен – большой вопрос, хотя автор утверждает, что пьян. Правда, никак это не аргументирует. Естественно, разрешения на то, чтобы снимать этого человека в лицо, никто не спрашивал.

По мнению специалистов в части профессиональной этики (в частности, доктора наук, профессора Киевского государственного университета Валерия Иванова), право на приватность данного конкретного человека здесь безусловно нарушено.

В упоминавшемся уже украинском расследовании «Лукьяновка. Тюрьма № 1» используется фото и видео ряда персонажей, снятые скрытой камерой, при том что вина этих людей не доказана. В том числе демонстрируется фото фельдшера этой тюрьмы, молодого человека, который, по утверждению авторов расследования, виноват в смерти заключенного. Возможности высказать свою точку зрения этому молодому человеку предоставлено не было. Опять же, нарушен принцип публикации изображения без разрешения гражданина.

Упомянутая выше студентка ЕГУ, которая в своем расследовании пыталась использовать подслушанный телефонный разговор, нарушала принцип приватности коммуникаций.

И так далее...

Право на приватность – это некая своеобразная граница между интересами личности и общества. С одной стороны, человек сам определяет, где, когда и сколько он может раскрыть сведений о себе, а с другой – общество заявляет некие претензии на установление определенных границ и по прошествии какого-то времени изменяет эти претензии.

7. 2. Общественный интерес

Да, безусловно, общество (в том числе в лице представителей СМИ) имеет право знать не только то, что данный индиви-

¹¹⁶ Дзень задаўся: фотарэпартаж Сяргея Зініна з беларускай глыбінкі // Наша Ніва. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nn.by/?c=ar&i=166660>

дуум сообщает о себе. Здесь мы вправе говорить о том, что порождает множество противоречий и называется «общественный интерес» и в рамки чего включены в первую очередь лица, которые именуются публичными, – представители власти, деятели культуры и общественные деятели.

По поводу того, что такое *публичные лица*, существует множество формулировок. Большинство из них сводятся к тому, что публичными «являются те лица, которые занимают государственную должность и (или) пользуются государственными ресурсами, а также все те, кто играет определенную роль в общественной жизни, будь то в области политики, экономики, искусства, социальной сфере, спорте или в любой иной области»¹¹⁷.

Как указала Парламентская ассамблея Совета Европы, «определенные факты из частной жизни публичных, в частности политических, деятелей, конечно же, могут представлять интерес для граждан» (там же). Между тем среди «общественных фигур (деятели)» различают *абсолютных* общественных деятелей, таких как представители власти, политики, спортсмены, звезды шоу-бизнеса, и *других*, таких как, например, ответчики в уголовных судебных процессах, которые представляют интерес для общественности только в силу их вовлеченности в то или иное событие. Одного лишь факта, что лицо, в частную жизнь которого вторглись, является «общественной фигурой», недостаточно для того, чтобы оправдать такое вмешательство. Так, интерес общественности и прессы к принцессе Монако (дело «Принцесса Ганноверская против Германии») базировался исключительно на принадлежности ее к королевской семье, тогда как сама она не исполняла каких-либо общественных обязанностей. Европейский суд не признал такой интерес правомерным, заявив, что в данном случае право общества знать о частной жизни принцессы не перевешивает право принцессы на защиту своей частной жизни. «В настоящем деле одного лишь факта отнесения заявительницы к категории знаменитости недостаточно для того, чтобы оправдать вмешательство в ее частную жизнь», – отметил Европейский суд¹¹⁸.

¹¹⁷ Резолюция № 1165 (1998) Парламентской Ассамблеи Совета Европы о праве на неприкосновенность личной жизни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cyberpeace.org.ua/files/iii_4.pdf

¹¹⁸ Поздников, П.Ю. Право на частную жизнь и свобода слова: разумный баланс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-chastnuyu-zhizn-i-svoboda-slova-razumnyy-balans>

Когда мы пытаемся определять уровень публичности (и, следовательно, уязвимости) того или иного лица, следует исходить не только из такого критерия, как «известность». Любое общество является сложной социальной системой и не сводится лишь к сумме составляющих его индивидов. Точно так же интересы общества не сводятся к сумме частных интересов его членов.

Довольно сложно бывает и в случаях, когда речь идет о лицах, заведомо непубличных. Вот характерные примеры.

Токийский окружной суд постановил: компания «Tokyo brodkasting System» должна выплатить 1,2 миллиона иен в качестве компенсации за вторжение в частную жизнь мужчине – водителю мусоровоза. Он оказался в кадре трансляции с места убийства. Мужчина пожаловался, что в школе дети начали дразнить его сына за то, что его отец, водитель мусоровоза, нес тело жертвы¹¹⁹.

Конституционный суд Франции постановил, что система видеонаблюдения, фиксирующая гостей многоквартирного жилого дома, нарушает права на неприкосновенность частной жизни. Жилец дома подал жалобу, и суд постановил, что установка подобной системы может рассматриваться как вторжение в частную жизнь¹²⁰. То есть всегда необходимо учитывать конкретные обстоятельства. И только после этого можно говорить о приоритете такого явления, как общественный интерес, особенно в периоды, когда вопрос публичности ставится наиболее остро. Например, время любой избирательной кампании – это период, когда граждане имеют право узнавать не только дату рождения кандидата, размер его декларированного дохода и другие обязательные к обнародованию сведения, а также не только то, что сам кандидат захочет сообщить. Избиратель имеет право знать по возможности много об этих людях: об их прошлом и настоящем, о близких, о взаимоотношениях в семье... Такова участь публичного человека. Применительно к нему грань между частной жизнью, интересами лица, его близких и общественным интересом весьма тонкая.

Что же такое **общественный интерес**? Чем он отличается от общественного любопытства ко всему, что выбивается из

¹¹⁹ TBS выплатит 1,2 млн. иен за вторжение в частную жизнь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.leit.ru/archives/3852>

¹²⁰ Во Франции видеокамеру на подъезде признали вторжением в частную жизнь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news2.ru/story/252958/>

нормы: от адюльтеров у соседа по дому до качества нижнего белья у звезд шоу-бизнеса?

Некоторые авторы в качестве ключевого признака предлагают использовать общественную значимость или общественную опасность (в том числе возможную) сокрытия тех или иных фактов частной жизни лица. И очевидно, в различных ситуациях применительно к различным категориям людей или отдельным лицам граница между частным и общественным интересом будет «плавать».

В разных странах проблема решается по-разному. Кодекс практики английской Комиссии по жалобам против прессы включает в понятие «общественный интерес» следующее:

- информацию о предотвращении или раскрытии преступлений или серьезных правонарушений;
- информацию о защите здоровья населения и общественной безопасности;
- информацию, которая может предотвратить введение населения в заблуждение высказываниями или действиями со стороны отдельных лиц или организаций¹²¹.

В деле «*The Sunday Times*» против Великой Британии» (1979) Европейский суд по правам человека отметил, что, рассматривая вопрос, имеет ли СМИ право публиковать спорную информацию, в первую очередь нужно ответить на вопрос: имеет ли предмет обсуждения общественно важный характер? Суд установил, что вопросы, поставленные «*The Sunday Times*» в публикации, действительно интересны для общества. А если вопрос, поднятый СМИ, имеет действительно значимый общественный характер, то ограничение свободы выражения взглядов со стороны государства считается необоснованным¹²².

В решении по делу «Лингенс против Австрии» (1986) суд решил, что, хотя СМИ и не должны переступать границы защиты репутации других лиц, на СМИ лежит обязанность по-давать информацию и идеи на политические темы так же, как и в других сферах, являющихся интересными для общества. И

¹²¹ Гарантии неприкосновенности частной жизни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cedem.org.ua/ru/analytics/garantyneprykosnovennosty-chastnoj-zhizny-2/>

¹²² «Санди Таймс» (*The Sunday Times*) против Соединенного Королевства. Судебное решение от 26 апреля 1979 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461498/2461498.htm>

не только СМИ имеют задание распространять такую информацию и идеи, но и общественность имеет право ее получать¹²³.

Тем не менее у нас в стране более или менее определенных формулировок в законодательстве и журналистских кодексах нет: журналист должен самостоятельно, руководствуясь своими профессиональными навыками и представлениями о гражданском долге и собственной оценкой сведений, составляющих тайны частной жизни, определять, является ли информация о частной жизни затрагивающей общественные интересы и каковы эти интересы. Основываясь на игре слов, приходим к заключению: **общественный интерес** – это общественно значимый, а не любой интерес, проявляемый обществом (аудиторией СМИ).

Вопросы для самопроверки

1. Что такое общественный интерес?
2. Чем общественный интерес отличается от общественного любопытства? Приведите примеры того и другого.

---

¹²³ Дело «Лингенс (Lingens) против Австрии». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://european-court.ru/uploads/ECHR_Lingens_v_Austria_08_07_1986.pdf

Глава 8. Общение при расследовании

8.1. Общение как работа, виды общения

Единственная настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения, писал Антуан де Сент-Экзюпери. Да, конечно. Но возникает совершенно иная ситуация, когда роскошь превращается в нечто обязательное. Когда общаться со многими личностями приходится независимо от того, нравятся они или нет. Есть настроение общаться или нет. Болит при этом голова или не болит... А ведь именно так все обстоит у профессиональных журналистов. Особенность профессии – обязательность общения с немалым количеством одушевленных источников информации – людей умных и глупых, добрых и злых, доброжелательных и враждебных... Всяких. Причем каждому собеседнику нужно если не понравиться, то уж хотя бы не вызвать отторжения. Ведь смысл журналистского общения (особенно при проведении расследования) – в его результате, в получении информации. У одних это получается и становится образом жизни. Тем, у кого не получается, нужно менять профессию... Но общая коммуникативная компетентность, или просто умение общаться, является показателем социально-психологической приспособленности сотрудника СМИ. Тем не менее от 50 до 70% журналистов, по разным данным, испытывают трудности в процессе общения с людьми при интервьюировании¹²⁴.

Поговорим вначале об общении как таковом.

Существует довольно удачная формулировка: «**Общение** – специфическая форма взаимодействия человека с другими людьми как членами общества: в общении реализуются социальные отношения людей»¹²⁵.

Согласно Л.Д. Столяренко, в общении выделяют три взаимосвязанные стороны: **коммуникативная сторона** общения состоит в обмене информацией между людьми; **интерактивная сторона** заключается в организации взаимодействия между людьми; **перцептивная сторона** общения включает процесс восприятия друг друга партнерами по общению и установление на этой основе взаимопонимания.

Что касается типов общения, то психологи выделяют три основных: императивное, манипулятивное, диалогическое.

¹²⁴ Ким, М.Н. Основы творческой деятельности журналиста. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://knigi.link/tvorcheskoy-deyatelnosti-osnovy/metodyi-sbora-informatsii-38661.html>

¹²⁵ Столяренко, Л.Д. Психология делового общения и управления. Ростов-на-Дону, 2005. С. 416.

Императивное общение называют еще авторитарным или директивным. Характерная черта: один из партнеров непременно стремится диктовать другому, побудить его к нужным себе действиям. Это стиль школьных учителей, строгих родителей. Таково общение начальников и подчиненных в армии. Собственно, этот стиль характерен вообще для большинства начальников. И, как правило, процветает он на самых верхних этажах власти, становясь примером для нижестоящих: «Страну мы им не отдадим. Вот тут, по-русски говоря, по морде надаем тому, кто посмеет свернуть тот процесс, который идет в стране, созидательный и трудный процесс... Сила моя и власти в том, что я оголтело не держусь за эту власть. Но я не собираюсь завтра кому-то дарить эту власть. Ведь власть чего-то стоит, когда умеет защищаться, как говорил дедушка Ленин»¹²⁶ (Александр Лукашенко).

В интервью с начальниками довольно часто приходится слышать что-то вроде: «А вы записывайте, почему вы не записываете?» Или: «Вы лучше слушайте, что вам говорят!»

Как себя вести в такой ситуации? Наверное, следовать такого рода советам. Слушайте, записывайте, демонстрируйте заинтересованность, соглашайтесь, хотя бы утвердительно кивая головой. Непременно избегайте реплик типа «Я знаю... Я слышал... Я читал...». Если знаешь, зачем пришел?

Другое дело, что в таких случаях задавать дополнительные вопросы (кроме уже согласованных заранее) сложно. Это может вызвать недовольство и даже прерывание интервью. Словом, с собеседником, исповедующим императивный стиль общения, нужно быть очень осторожным, запастись терпением и быть готовым к тому, чтобы не обращать внимания на некорректные замечания. Ведь получить информацию все равно необходимо, особенно если интервью с данным начальником уже анонсировано вашим СМИ или по каким-то причинам очень нужно вашему изданию.

Выше приводился пример, относящийся к «Уотергейтскому скандалу». Тогда ответственный сотрудник Белого дома Чарльз Колсон заявил в одном из интервью: «Как только выборы кончатся... мы собираемся вломить “Посту...”. На Л-стрит [там расположена редакция «The Washington Post». – А.Г.] еще пожалеют, что они услышали об “Уотергейте”». Как видим, тут

¹²⁶ Президент Беларуси не намерен отдавать власть и страну оппозиции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.by/news/belarus/1021987>

присутствуют и безапелляционность, и уверенность в своих начальнических силах, и стремление подчинить.

Очень характерный недавний пример – высказывание Владимира Маркина, на тот момент руководителя управления взаимодействия со средствами массовой информации Следственного комитета Российской Федерации. Журналистка «Новой газеты» Надежда Прусенкова обвинила его в использовании в книге «Самые громкие преступления XXI века в России» фрагментов ее статьи об Анне Политковской. Маркин отреагировал на обвинения, написав в Твиттере: «Чем еще может прославиться никому, кроме своего болота, не известная и не нужная журналистишка?» Вот ярко выраженный императивный стиль со всеми его атрибутами. Правда, потом Владимир Маркин вынужден был принести публичные извинения¹²⁷.

Цель **манипулятивного общения** та же – оказать воздействие на партнера по общению. Важное отличие от императивного стиля – скрытое, незаметное, мягкое воздействие на собеседника. Если при императивном общении все сводится к стремлению добиться контроля над *поведением* человека, то здесь предполагается контроль в том числе и над *мыслями*. Как пишет в своей книге «Психология общения и межличностных отношений» российский исследователь Е.П. Ильин, таким видом воздействия на партнера пользуются прежде всего профессионалы влияния: продавцы, работники сферы обслуживания, руководители, таксисты, официанты, вербовщики религиозных сект, попрошайки и мошенники. И, безусловно, политики всех уровней¹²⁸.

Под манипуляцией, согласно Е.П.Ильину, понимают скрытое от адресата побуждение его к изменению отношения к чему-либо, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения манипулятором собственных целей. При этом важно, чтобы адресат считал эти мысли, решения и действия своими собственными, а не «наведенными» извне и признавал себя ответственным за них. Таким образом, *манипулятор перекладывает ответственность за совершенное по его же научению на свою жертву*.

Признаки манипулятивного общения:

¹²⁷ Владимир Маркин: Публично приношу свои извинения перед Надеждой Прусенковой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/1834896-echo/>

¹²⁸ Ильин, Е.П. Психология общения и межличностных отношений. М., 2009. С. 35.

- манипулятор ссылается на мнения выдающихся людей, безусловно авторитетных;
- апелляция к выгоде: в экономическом, моральном или политическом отношении;
- апелляция к жалости: к человеколюбию, состраданию, ссылки на тяжелое положение, усталость, плохое самочувствие;
- апелляция к здравому смыслу вместо реального обоснования;
- апелляция к невежеству: использование фактов и положений, неизвестных вам (действует, когда вы не хотите признаваться в этом);
- также апелляция к публике (ссылка на мнения общих знакомых), к силе (угроза неприятными последствиями), к тщеславию (множество похвал) и к другим не вполне конкретным аргументам.

Все признаки манипулятивного общения присутствуют в упоминавшемся выше расследовании Алексея Навального: «Он вам не Димон. Дворцы, яхты и виноградники – тайная жизнь Дмитрия Медведева». При помощи обильного присутствия мультимедийных ресурсов авторы навязывают читателю одну и ту же мысль: поскольку владеющими недвижимостью фондами руководят сокурсники премьер-министра, постольку эта недвижимость является его собственностью.

Характерные примеры манипулятивного общения можно увидеть в приведенном выше расследовании Ольги Декснис. Вот эпизод, когда она приходит устраиваться на работу во вьетнамское кафе на рынке «Ждановичи» без санитарной книжки: ее убеждают в том, что это не проблема, что все так делают. Что достаточно спрятаться, когда приходит проверка. Что многие покупают санкнижки. То есть делается все для того, чтобы оправдать явное нарушение порядка и внедрить в сознание исполнителя убежденность в правильности поступков. После этого уже и иные нарушения в этом кафе не выглядят вопиющими.

И еще... В расследовании «Тень одной ошибки» автор приводит пример диалога с высокопоставленным чиновником. В ходе разговора автор напоминает чиновнику, что следователя, который высказал сомнение в действиях руководства, отстранили от расследования.

«Кстати сказать, именно таковым и был следователь по особо важным делам Прокуратуры БССР Николай Иванович Игнатович.

– Ну, а его-то вы почему отстранили? – спрашиваю у первого заместителя прокурора республики П.В. Дудковского.

– Мы его не отстраняли. Ему дали другое, более важное дело...»¹²⁹

Чиновник пытается манипулировать сознанием журналиста, убеждая его в том, что неудобного следователя не убрали, а как бы даже повысили...

Императивную и манипулятивную формы можно охарактеризовать как *монологическое общение*. Человек, рассматривающий другого как объект своего воздействия, по сути дела общается сам с собой, со своими целями и задачами, не видя истинного собеседника, игнорируя его.

Диалогическое общение противостоит императивному и манипулятивному, так как основано на равноправии партнеров. Так мы общаемся с одноклассниками, товарищами по спортивной команде, коллегами, попутчиками в поезде... Так, в идеале, мы должны общаться с источниками информации.

Пример диалога – коллективное интервью с президентом РФ Д.А. Медведевым, которое он дал группе белорусских журналистов 23 ноября 2009 года в резиденции «Барвиха». Автору повезло в нем участвовать, задавать вопросы и получать на них ответы. Что характерно: обстановка была простая, фуршет скромный, возможность задавать вопросы – неограниченная, ответы были точные и по существу. Как сказал в начале интервью сам Медведев: «Мы люди демократического толка и общаться будем демократично. Вы задаете мне вопросы такие, какие считаете нужным. Моя работа – отвечать на них».

Надо сказать, он выполнял свою работу именно в стиле диалогического общения. Некоторые из нас, расхрабрившись от интеллигентности собеседника, пробовали даже перебивать его – тогда президента России. Но он только улыбался – и продолжал. А автор, которому показалось, что на один из вопросов Д.А. Медведев ответил неточно, даже повторил его, попросив ответить еще раз. И что? И ничего: Д.А. Медведев сформулировал свой ответ еще раз.

В процессе журналистского расследования при общении с источниками информации необходимо использовать несколько правил. Первое из них – *правило разных интересов*. Суть его в том, что у интервьюера и интервьюируемого, как правило, интересы действительно разные. Вам нужно узнать как можно

¹²⁹ «Известия», 27 ноября 1983 года.

больше... Ему нужно сказать как можно меньше и ни в коем случае не во вред себе. Значит, он может быть, мягко говоря, неточным; все, что он говорит, – не для блага расследования, а для защиты своих интересов. А если и для блага расследования, то только в том смысле, как он его понимает.

В основе **правила успешного взаимопонимания** лежит несколько необходимых качеств:

- информированность: вы должны иметь хотя бы минимальное, но ясное представление о проблеме, о которой идет речь. В этом отношении очень важно четко сформулировать вопросы. По их качеству специалисту сразу станет ясно, с кем он имеет дело. Вопросы можно разделить на основные, дополнительные, начальные, промежуточные, уточняющие, конкретизирующие, напоминающие, детализирующие, контрольные. Попробуйте построить беседу так, чтобы в вашем интервью были если не все, то хотя бы большая часть таких именно вопросов;

- реальная оценка своих знаний: вы должны понимать, что интервьюируемый (особенно если это эксперт) знает проблему лучше. Не стоит спорить со специалистом только потому, что вы в чем-то уверены. Вам важно знать мнение собеседника, а не переубеждать его. Выслушайте все – у вас будет время оценить ситуацию потом;

- использование терминов: очень важно соблюдать осторожность в этом. Вы можете ошибиться и окажетесь в неловком положении. А специалист перестанет воспринимать вас как серьезного собеседника;

- нужно прочно запомнить фамилию, имя, отчество, профессию, звание, должность собеседника – ни в коем случае ничего не перепутать;

- обязательно – сказать несколько любезных слов о деятельности собеседника. Дать ему повод поговорить о себе. И еще – интервью следует начинать с одного-двух вопросов, на которые журналист сам знает ответ. Это необходимо для того, чтобы определить, насколько стоит доверять тем ответам, которые последуют на другие вопросы.

Существует еще одно правило – я бы назвал его **правилом несобеседника**. И оно сводится вот к чему. Вы пришли получить информацию, а не наоборот – поэтому *больше слушайте и меньше говорите сами*.

Если не согласны – не спорьте. *Вам важно знать мнение собеседника, но не переубеждать его.*

Нужны не монологи в пользу вашей точки зрения, а *короткие вопросы, в том числе провокационные...* То есть не грубые, не бесцеремонные. Но способные вывести интервьюируемого на разговор о нежелательной для него проблеме.

8.2. Встречают по одежке

Регулярно возникает вопрос: нужно ли журналисту соблюдать дресс-код? Мнения на этот счет разные. Многие из нас демонстративно «демократичны» и уверенно приходят на дипломатический прием в свитере и джинсах. Между тем все не так просто. Многие исследователи считают, что до 70% информации о человеке при первой встрече считывается с его внешнего облика. Причем это происходит подсознательно. Поэтому еще одно правило профессионального общения: *не будет второго раза, чтобы произвести первое впечатление!*

Не следует приходить в официальные учреждения в рваных джинсах, а на молодежную тусовку в строгом костюме. Не следует приходить к священнослужителю в короткой юбке с глубоким декольте... Не следует при общении с должностным лицом использовать любой вид жаргона. Словом – не следует приходить в чужой монастырь со своим уставом: вы или не получите нужную вам информацию, или она будет неполной.

Вопросы для самопроверки

1. Какие бывают виды общения?
2. Что такое «правило разных интересов»?
3. Объясните, что значит «не будет второго раза произвести первое впечатление»?

**Глава 9. Профессиональная этика
при журналистском
расследовании**

9.1. Юридические и этические стандарты

Журналистское расследование довольно часто представляется как нечто полулегальное. Что-то вроде действий глубоко законспирированного разведчика во вражеском тылу, когда борьба идет не на жизнь, а на смерть. И, следовательно, любые действия дозволены. И ни о какой профессиональной этике речи просто не идет! Как не идет речи и о соблюдении законодательства. Более или менее полно эту мысль выразил известный скандальными публикациями питерский журналист Александр Невзоров, выступая на одном из круглых столов: «Тот, кто хочет добиться успеха в этой профессии, будет обречен всегда умело, тонко, виртуозно вступать в конфликт с законом и не только с законом о СМИ. Потому что публика всегда требует соблюдения этических норм, но продукт журналистский она хочет только тот, который добыт с нарушением всех этических норм, и только этот продукт является успешным»¹³⁰.

Действительно, журналист, занимающийся расследованиями, часто сталкивается с ситуациями, когда приходится работать на грани нарушения общепринятых норм. Поэтому, как отмечает Андрей Константинов, «нередко возникают ситуации, когда герой публикации или программы подает в суд иск о защите чести, достоинства и деловой репутации. В последнее время таких исков становится все больше и далеко не всегда суды встают на сторону журналистов... в основном поводы для подобных исков дают сами журналисты – к этому приводит их правовая неграмотность и неаккуратное обращение со словом». Поэтому он рекомендует всегда иметь под рукой хотя бы минимум юридической литературы, в первую очередь Конституцию страны, Гражданский кодекс, Уголовный кодекс, Закон о СМИ¹³¹.

Кроме этого автор рекомендовал бы коллегам-расследователям не только знать национальное законодательство, но и с готовым уже материалом обратиться к юристу, имеющему опыт работы со СМИ, и внимательно прислушаться к его советам. Если такого юриста у вас нет, то можно обратиться в правозащитные организации – в нашей стране это, например, Белорусский хельсинкский комитет, правозащитный центр «Весна», профессиональное сообщество «Белорусская ассоциация жур-

¹³⁰ Журналистская этика: дозволено все? // «Новый репортер». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newreporter.org/2011/07/27/zhurnalistskaya-etika-dozvoleno-vse/>

¹³¹ Константинов, А. Журналистское расследование. С. 227.

налистов». Там, как правило, есть профессиональные юристы, которые ориентируются в законах и не откажутся дать ряд полезных советов, к которым необходимо прислушаться. Не зря исследователями жанра разработан ряд схем организации журналистских расследований. И в большинстве из них предлагается по меньшей мере дважды – после накопления материалов и на выходе готового текста – обращаться за консультациями к юристу.

Но часто бывают не менее сложные ситуации, когда с законами все в порядке, но, поскольку действия журналиста-расследователя не всегда оцениваются обществом (и самим журналистом) только с позиций права, возникают проблемы нарушения стандартов и принципов профессиональной этики. И если с нарушением норм права (которые, как известно, действуют *сверху вниз и принудительно*) все более или менее ясно (все, в принципе, расписано по пунктам, по статьям законов и влечет за собой вполне определенные жесткие и неотвратимые санкции – штраф, заключение под стражу и т.д.), то нарушение норм морали (которые, как известно, действуют *снизу вверх и добровольно*) чревато чаще всего лишь общественным порицанием, демонстрацией недовольства и недружелюбного поведения со стороны других людей, насмешками... Я не говорю о нравственном дискомфорте нарушившего этические стандарты автора – такое тоже, к счастью, бывает. Правда, как показывает практика, не часто.

Казалось бы, наказания за нарушение правовых норм и этических стандартов несопоставимы. Казалось бы, на одни стоит обращать внимание, а о других можно и не особенно заботиться... И все же процесс ориентирования на профессиональную этику в журналистике, именуемый саморегулированием СМИ, приобретает глобальный характер. В его основе лежат этические кодексы и редакционные правила, создаваемые как журналистскими сообществами, редакциями СМИ и отдельными журналистами. Чаще всего стандарты и принципы, сформулированные в этих документах, строже юридических норм.

Напомним о требовании этического кодекса «The New York Times»: «...Сотрудники редакции не должны принимать подарки, билеты, скидки...», при том что законодательство по этому поводу молчит.

Вспомним также поведение Боба Вудворта и Карла Бернстайна в ходе «Уотергейтского скандала»: они обещали всем

своим источникам информации, что без позволения никогда не упомянут их имен. И обещание сдержали.

Владимир Гиляровский, которому в своих скитаниях приходилось общаться с самыми презируемыми членами общества (в том числе бандитами с Сухаревского рынка в Москве), свято соблюдал принцип конфиденциальности источников информации, даже если его об этом не просили. С точки зрения юридических норм это было не обязательно и иной раз даже не желательно. Но с точки зрения профессиональной морали было правильно.

В связи с вышесказанным необходимо выделить ряд этических проблем, которые почти всегда возникают именно при журналистском расследовании.

9.2. «Злодей расследования»

Пожалуй, первая из них – проблема «злодея расследования». Тех самых людей или организаций, которые хотели бы оставить в тайне события или явления, имеющие общественное значение, и которые журналист-расследователь собирается предать гласности. Как утверждает все тот же Кодекс этических норм Общества профессиональных журналистов США, журналист должен «делать все возможное, чтобы встретиться с “героями” своих публикаций и предоставить им возможность ответа на обвинение в правонарушении или проступке» (там же). Отметим: речь идет о том, чтобы встретиться с героями публикаций в процессе расследования, но не после опубликования материала¹³².

Об этом говорит не только Кодекс этических норм. Правда, в большинстве случаев нет указаний на то, что «злодей расследования» должен получить слово в этом же материале. В этических нормах газеты «The Washington Post» говорится: «Лицам, каким-либо образом затронутым или обвиненным на страницах газеты, должно предоставляться право на ответ»¹³³. То есть в последующих публикациях.

¹³² Общественная коллегия по жалобам на прессу, Кодекс этических норм общества профессиональных журналистов США. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/1901-kodeks->

¹³³ Этические нормы газеты «WashingtonPost». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://studbooks.net/733266/zhurnalistika/eticheskie_normy_gazety_vashington_post

Кодекс журналистской этики Белорусской ассоциации журналистов также утверждает, что «злодей расследования» имеет право высказать свою точку зрения. И тоже не обязательно в этом же материале: «Людзі, у дачыненні да якіх былі распаўсюджаны крытычныя выказванні, павінны мець магчымасць неадкладнага адказу. Гэтыя адказы не варта суправаджаць рэдакцыйнымі палемічнымі каментарамі, яны павінны мець разумны аб'ём, адпавядаць сутнасці пытання і быць прымальнымі па форме». Отметим: неотложный ответ – то есть ответ на уже состоявшуюся публикацию¹³⁴.

Латвийский этический кодекс журналиста солидарен с коллегами: «Лицам и организациям, подвергшимся нападкам в журналистских материалах, следует незамедлительно предоставлять место для ответа на газетных полосах». Речь, опять же, идет о публикации своего мнения вдогонку, потом. И так далее¹³⁵.

Но автора больше привлекает позиция Кодекса этических норм, согласно которому, повторим, журналист должен «делать все возможное, чтобы встретиться с “героями” своих публикаций и предоставить им возможность ответа на обвинение в правонарушении или проступке».

И в самом деле: почему наш с вами «злодей расследования» (в особенности если вдруг потом, как иногда бывает, выяснится, что он вовсе и не «злодей»!) должен оправдываться уже после того, как немалое количество читателей уяснило, что он таки злодей? И совершенно не факт, что это немалое количество прочтет следующую публикацию, где все будет поставлено на свои места – при условии, конечно, что такая публикация с извинениями вообще будет... Поэтому и встретиться с гипотетическим пока «злодеем», дать ему слово в расследовании жизненно необходимо. Пусть даже он вам неприятен, противен и всячески открещивается от встречи с вами.

Именно поэтому «всадник Золотое Копье» Понтий Пилат так настойчиво пытается выяснить у первосвященника Каиафы, в чем все же виновен безродный проповедник Иешуа Га-Ноцри (кроме, разумеется, отсутствия должного почтения к

¹³⁴ Кодекс журналісцкай этыкі. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://baj.by/content/palazhenne-pra-kamisiyu> (перевод мой. – А.Г.)

¹³⁵ Этический кодекс журналиста Латвии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30353915#pos=2;-197

римскому императору). И почему ему предпочитают бандита и убийцу Варавву?

Именно поэтому Владимир Короленко, расследуя дело о мултанских вотяках, так обильно цитирует «злодеев расследования» – своих оппонентов: священников и ученых, утверждающих, что местное население приносит человеческие жертвы. А потом блестяще опровергает их.

Безусловно, поэтому в расследовании «Тень одной ошибки» автор – журналист и драматург Николай Матуковский постоянно цитирует представителей тех структур, которые «слепили» несправедливый приговор невиновным по делу об убийстве в «Мозырском деле».

Правда, примеров, когда коллеги не хотят или не умеют «делать все возможное, чтобы встретиться с “героями” своих публикаций», тоже более чем достаточно. Вот только один из них.

Вынужден приводить очередной пример из «Нашай Нівы», где таких примеров достаточно. Был опубликован материал «Правакатар, які пачаў біццё акон Дома ўрада ў 2010-м, прысутнічаў на Дні Волі». Опубликован не под рубрикой «Журналистское расследование», но некоторые признаки жанра все же присутствуют. В том числе тайна – являлся ли герой публикации на самом деле провокатором? Есть «злодей расследования» – главный герой Владимир Кондрусь, которого «Наша Ніва», нисколько не сомневаясь, назвала «провокатором». Но источник информации всего один – снимки, на которых Владимир Кондрусь бьет стекла. Мнения сторон не представлены, отсутствует мнение эксперта. Аргументов, уличающих его как провокатора, нет вообще. Но читатели в комментариях квалифицировали материал как расследование¹³⁶. Хотя авторы, безусловно, имели возможность обратиться за комментариями к герою публикации, они не сделали этого: то ли были абсолютно уверены в своей правоте, то ли не имели представления о стандартах и принципах профессиональной этики журналистов.

Вскоре после публикации Владимира Кондруся арестовали за участие в тех событиях, о которых идет речь в материале «Нашай Нівы», – спустя 6 лет после них. В тюрьме он начал голодовку, на суде резал вены. Потом его направили в психиатрическую лечебницу. Правда в конце концов приговор оказался сравнительно мягким, и Владимир Кондрусь вернулся домой.

¹³⁶ Правакатар, які пачаў біццё акон Дома ўрада ў 2010-м, прысутнічаў на Дні Волі – 2016 // «Наша Ніва». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nn.by/?c=ar&i=167456>

Можно спорить: стала ли публикация поводом для ареста? Но нельзя не задуматься и об очевидных последствиях наших публикаций, где не соблюдаются этические стандарты.

И еще один вывод: тот, кто не дает слова «злодею расследования», должен помнить о том, как легко самому по этой простой причине превратиться в «злодея». *«Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя»*¹³⁷.

9.3. Работа с источниками информации

Очень серьезные этические проблемы могут возникать у журналиста-расследователя при работе с источниками информации. И дело не только в том, чтобы, как отмечается во многих этических кодексах, при необходимости сохранять его конфиденциальность. В практике работы Комиссии по этике Белорусской ассоциации журналистов пришлось рассматривать случай, когда письмо в редакцию газеты «Народная воля» от жителя Бобруйска послужило поводом для возбуждения уголовного дела против него же. По содержанию письмо было вполне доброжелательным и направленным на поддержание положительного имиджа газеты. Письмо даже не успели опубликовать, но кем-то из сотрудников оно было скопировано и передано третьим лицам, которые по причинам, в контексте нашего разговора значения не имеющим, и постарались довести дело до следствия – с обысками и допросами. И все только потому, что в редакции небрежно работали с источниками информации. А ведь многие из них заведомо доброжелательны к журналистам и, отправляя письмо в редакцию или делаясь информацией, не рассчитывают на огласку.

Кодекс этических норм Общества профессиональных журналистов США по этому поводу высказывается вполне определенно: «журналисты, выполняющие требования профессиональной этики, относятся к источникам информации, героям публикаций и коллегам как к людям, достойным уважения». Но: «прежде чем обещать источнику анонимность, выяснить его мотивы. Полностью прояснить условия выполнения обещаний, данных в обмен на информацию. Обещания надо выпол-

¹³⁷ Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=24317&p=1

нять... Быть особенно бдительным при общении с источником информации, предлагающим информацию взамен за услуги или деньги, не вступать в торги из-за информации»¹³⁸.

Интересен принцип, заложенный в Этический кодекс журналиста Латвии: «Особое внимание следует уделять тем людям, которые не в состоянии осознавать последствия той информации, которую они сообщают журналисту... Журналист должен быть тактичным и не злоупотреблять чувствами людей, их неведением или неумением делать выводы»¹³⁹.

Это часто оказывается очень важно, поскольку авторы обращений в редакцию достаточно часто, как пишется в кодексе латышских коллег, «не в состоянии осознавать последствия той информации, которую они сообщают журналисту...». Авторы обращений очень часто не понимают, что их письмо может быть предано гласности – опубликовано, процитировано, упомянуто в редакционном комментарии со ссылкой на автора. И, желая конфиденциальности, не всегда понимают, что о ней нужно просить редакцию специально.

Кодекс Белорусской ассоциации журналистов стоит на тех же позициях: «Журналісты павінны захоўваць у таямніцы крыніцы канфідэнцыйнай інфармацыі»¹⁴⁰.

Все сказанное выше прежде всего касается журналиста-расследователя. Ведь в основе расследования всегда конфликт. И довольно часто «под боем» оказывается не только и не столько автор материала, сколько источник информации, практически всегда рискующий если не жизнью, то уж обязательно неприятностями по работе. Поэтому практика подсказывает правила:

- относиться с уважением к источнику информации (даже тому, в котором мы изначально видим «злодея расследования») и не «подставлять» его;
- при получении от источника информации сведений о конфликтах не забывать получить разрешение на публикацию

¹³⁸ Общественная коллегия по жалобам на прессу, Кодекс этических норм общества профессиональных журналистов США. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/1901-kodeks->

¹³⁹ Этический кодекс журналиста Латвии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30353915#pos=0;35

¹⁴⁰ Кодекс журналіскай этыкі БАЖ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://baj.by/content/palazhenne-pra-kamisiyu> (перевод мой. – А.Г.).

письма, поскольку автор не всегда может представлять себе последствия публикации;

- безусловно соглашаться на требования анонимности, даже если это во вред материалу, и выполнять обещание, потому что никакими повышенными гонорарами не компенсировать вред, который вы нанесете источнику, во-первых, и имиджу профессии, во-вторых.

9.4. Методы сбора информации

В общем и целом, как видим, методы сбора информации радикально не изменились. Все те же, о которых мы уже говорили: наблюдение, включенное наблюдение, интервью, работа с документами, криминологическо-следственные методы. Плюс добавились новые: журналистика данных, проработка мультимедийного контента в социальных медиа, краудсорсинг...

Необходимо сказать несколько слов о *краудсорсинге*, под которым чаще всего понимается использование непрофессиональных энтузиастов для поиска той или иной информации. Основной принцип предельно прост: для получения ответа на тот или иной вопрос шансы сотни расследователей больше, чем одного. Другое дело, что у этой сотни непрофессионалов непременно возникает то противоречие, о котором мы уже говорили: между количеством информации и качеством материала. Множество противоречивой информации вполне способно похоронить любую истину.

Повторим: «Журналист, занимающийся расследованием, должен действовать в рамках законности и соблюдать нормы этики – иначе он ничем не будет отличаться от тех, чьи преступления он расследует. Это означает: никакой политики и личных интересов, интересы общества и только они должны быть поводом для расследования. Никаких краденых документов. Никаких взяток за информацию. Никаких незаконных проникновений на частную территорию, за исключением тех случаев, когда журналист готов нести за это судебную ответственность.

...Избегать скрытых и прочих тайных методов сбора информации. Исключение могут составлять те случаи, когда открытые традиционные методы не позволяют собрать жизненно важную для общества информацию. Необходимость использования таких методов должна быть объяснена в самом сюжете»¹⁴¹.

¹⁴¹ Кодекс этических норм общества профессиональных журналистов США. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.presscouncil.org>

Это практически единодушный мотив, заложенный в большинстве этических кодексов журналистов. В частности, этические нормы «The Washington Post» утверждают: собирая информацию о новостях, журналисты не имеют права выдавать себя за других лиц. Они не могут представляться полицейскими, врачами и т.д.¹⁴²

О том, что журналисты не имеют права выдавать себя за иных лиц, говорит Кодекс журналистской этики БАЖ и иные такого рода документы многих стран.

По мнению автора, требование законодательства и этических кодексов получать информацию законным и этичным путем распространяется и на новые носители информации. Мы уже говорили о том, что интернет для журналиста-расследователя есть не что иное, как большой источник информации. И относиться к нему нужно как к источнику информации: во-первых, всякую информацию тщательно проверять, во-вторых, помнить, что *незаконное проникновение в чужие аккаунты для получения сведений в рамках расследования является незаконным и неэтичным*. И учить этому студентов, разумеется, не входит в намерения автора. А искать информацию в открытых источниках они и сами умеют.

Таким образом, *в приоритете – открытые методы поиска информации*. А процитированные выше слова о том, что при расследовании соблюдать этические стандарты как бы и не обязательно, никак не находят отражения и поддержки в коллективном мнении журналистских сообществ, впитавшем в себя многовековой опыт СМИ.

9.5. Цифровая журналистика и журналистское расследование

Анализ всех перечисленных выше примеров как из традиционной, так и из цифровой журналистики убедительно демонстрирует, что в них, безусловно, присутствуют сформулированные еще во времена традиционной журналистики признаки расследования как жанра: тайна, которую пытаются скрыть какие-то люди или организации, общественная значимость этой тайны, сами эти люди или организации – «злодеи рассле-

---

ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/1901-kodeks-

¹⁴² Этические нормы газеты «The Washington Post». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://studbooks.net/733266/zhurnalistika/eticheskie_normy_gazety_vashington_post

дования», работа над получением информации собственными силами, множественность источников информации.

Студентка ЕГУ Евгения Гулевич в своей бакалаврской работе «Специфика, проблемы и перспективы жанра журналистского расследования в контексте цифровой журналистики»¹⁴³ проанализировала на предмет наличия или отсутствия признаков жанра 28 современных журналистских расследований: как белорусских из числа победителей конкурса Белорусской ассоциации журналистов «Вольные слова», так и зарубежных. В том числе – расследование американского журналиста Джереми Шахилла о гибели мирных жителей в Афганистане по вине американских военных. Автор не просто поработал с документами и онлайн-ресурсами, но и отправился на место произошедшего для общения с одушевленными источниками – местными жителями, которые были свидетелями событий.

Сара Маслин из «The New York Times» при подготовке материала об эксплуатации работников ногтевого сервиса нанимателями использовала многочисленные интервью с представителями сторон конфликта...

В расследованиях Балканской сети журналистов и OCCRP о незаконных поставках оружия в зону военных действий использовано множество свидетельских показаний, присутствуют все остальные признаки жанра...

И так далее...

Как отмечает автор бакалаврской работы Евгения Гулевич, во всех изученных ею материалах сформулированные выше признаки журналистского расследования присутствуют непременно. А там, где того или иного из них нет, это только делает качество материалов более низким.

С возникновением цифровой журналистики источников информации стало больше (журналистика данных, мультимедийный контент в социальных медиа, краудсорсинг). Изменилась роль одушевленных источников информации. Стало больше и методов получения информации вполне законным и этичным путем. Значит, с возникновением цифровой журналистики появилось больше возможностей. Безусловно, этими возможностями нужно пользоваться так же, как и прежними: информацию из любого – нового ли, старого ли – источника необходимо тщательно проверять на предмет надежности и достоверности.

¹⁴³ Евгения Гулевич, бакалаврская работа «Специфика, проблемы и перспективы жанра журналистского расследования в контексте цифровой журналистики», ЕГУ, 2018 год.

А в целом этот жанр (или вид) по-прежнему укладывается в формулировку Роберта Грина. И отвечает сформулированным выше признакам.

Приложения

К ОТЧЕТУ О МУЛТАНСКОМ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИИ

«Русские ведомости», 18 октября 1895 года, № 288

<http://libbabr.com/?book=8609>

Короленко Владимир Галактионович

Мултанское жертвоприношение

Два раза в гор. Малмыже и в последнее время (1 октября) в гор. Елабуге, в заседаниях отделения сарапульского окружного суда выносятся обвинительный приговор мултанским вотякам, обвиняемым в приношении языческим богам человеческой жертвы. Если таким образом в данном случае истина является результатом судебного разбирательства, то мы должны признать следующее. До настоящего времени, то есть до начала XX столетия христианской эры, наше отечество одно только сохранило на Европейском континенте человеческое жертвоприношение, соединенное с каннибализмом (принятие внутрь крови жертвы). Каждые сорок лет, в разных местах, в шалашах, в середине или на задах вотских селений, ограниченным числом лиц, исповедующих христианскую веру греко-российского вероисповедания, убивается, после продолжительных мучений, человек, из которого вынимаются сердце и легкие, отрезается голова, а труп, по возможности, с полным удостоверением его личности и особенно вероисповедания, выносятся на дорогу, где его могут заметить и предать земле непременно по христианскому обряду. Мы должны допустить все это, иначе мултанское убийство остается необъяснимым, загадочным, а приговор – несправедливым осуждением невинных людей. Мы должны допустить это, хотя при этом допущении оказывается, что приблизительно через каждые сорок лет, и особенно после каких-нибудь болезней, дороги вятского края должны быть усеяны обезглавленными трупами жертв, с опустошенной грудной полостью и страшными следами каннибализма. Правда, исследователи вотского быта не могут указать ничего подобного, а в уголовной хронике подобную находку мы встречаем еще первый раз. Правда, представителю ученой экспертизы, допускаяшему на суде возможность жертвоприношения, приходилось ссылаться не на факты, а на сказки и притом не вотского, а черемисского народа, который в каннибализме никем не обвинялся. Все это правда, но мы обязуемся допустить все это, как факт, иначе придется признать, что судом два раза осуждены совершенно невинные!

В частности, по отношению к этому делу нам придется мириться с еще более трудными допущениями. Село Мултан со всех сторон окружено русскими деревнями и является как бы островом среди чисто русского населения. Дома села Мултана, в свою очередь, окружают сельский храм, невдалеке от которого расположена вот уж около тридцати лет действующая церковно-приходская школа. И нам приходится, однако, допустить, что в полуторах десятках сажений от церкви и школы, в ночь с 4 на 5 мая 1892 года, в шалаше вотяка Моисея Дмитриева висел подвешенный за ноги человек, которого тыкали ножами, источая из него кровь (для принятия внутрь, как намекает обвинение?). И в этом принял якобы участие солдат Тимофей Гаврилов, три года служивший в крепостной артиллерии в Динабурге (Тимофей Гаврилов оправдан в Малмыже, но все обстоятельства его якобы участия в деле приводились все-таки в елабужском процессе), и Вас. Кузнецов, церковный староста мултанского православного храма? И это было в ту самую ночь, когда, опять в нескольких саженьях от места этого каннибальского жертвоприношения, ночевал в Мултане становой пристав Тимофеев. И затем труп, обернутый пологом, вывезен из села вслед за выехавшим приставом, в девять часов утра, то есть среди белого дня, в мае месяце, то есть в разгар полевых работ, провезен, опять-таки днем, среди работающего народа, по землям русских крестьян и положен на пешеходную тропу, без головы, но с клоком волос в грязи, с посохом, с крестом, с удостоверением личности. При этом его должны были, опять рискуя встретить кого-нибудь среди белого дня, нести на руках на расстоянии около полуверсты до места, где его увидела спустя полчаса после этого проходившая мимо крестьянская девочка!

Мы должны допустить все это, иначе опять-таки придется признать, что два раза судом постановляется несправедный приговор и что второй уже раз осуждаются в каторжные работы невинные.

Я сейчас только вернулся из Елабуги, где происходило судебное разбирательство. После суда я посетил Мултан, был на мрачной тропе, где нашли обезглавленный труп Матюнина, сделал снимки тех мест, где совершилась таинственная и мрачная драма, входил в шалаш умершего Моисея Дмитриева, где будто бы Матюнин висел на перекладине и где из него источали кровь; я ходил по изрытому полу шалаша, где искали (напрасно) следов его крови, и на полке, в углу шалаша отыскал запыленный образец Николая Святителя, который, если верить обвинению,

глядел с своего места на каннибальский обряд. Я еще весь охвачен впечатлением ужасной, таинственной, неразъяснимой драмы, я привез с собой (разделяемое, надеюсь, всеми присутствовавшими на суде интеллигентными зрителями) тяжелое чувство, с каким был выслушан обвинительный приговор, – и мне хочется крикнуть: нет, этого не было! Нет, наше отечество свободно от каннибализма накануне XX века, нет, рядом с христианскими храмами не совершаются уже человеческие жертвоприношения!..

Но я понимаю, что истерическими криками тут не поможешь, поэтому предлагаю вниманию читателей прежде всего сухой материал для суждения об этом деле. Как известно, первый приговор по этому делу кассирован сенатом. Кассационная жалоба, поданная защитником, основывалась на чрезвычайно веских мотивах. Читая эту жалобу, изумляешься невероятно легкому отношению, которое сарапульские судебные власти проявили к этому делу. На убийство с целью жертвоприношения посмотрели, как на самое заурядное убийство. Труп дождался вскрытия в течение целого месяца! Акт вскрытия составлен самым удивительным образом. Так, например, одна из важнейших примет преступления – пятна на теле убитого, которые, по мнению обвинения, произошли от прижизненных укулов ножами, – описаны так: «По соскабливании кожицы обнаружено, что пятна проникают на I линию в толщу кожи». Число их определяется от трех до десяти. И этот акт не возвращен руководившим следствием товарищем прокурора для дополнения, хотя бы только для счета колотых ран, нанесенных жертве, может быть, с целью принятия внутрь ее крови! И на этих пятнах, на которых уже после смерти Матюнина выросла «верхняя кожа», обвинение настаивает до конца, как на доказательствах прижизненного мучения обескровленной жертвы (несмотря на то, что сам врач, производивший вскрытие, горячо протестовал против такого объяснения). Становой пристав сам должен был признать на суде, что понятые-вотяки приносили ему вещественные доказательства, в виде щепок с подозрительными пятнами, найденные невдалеке от места нахождения трупа. Но он уничтожил эти вещественные доказательства, признав их не имеющими значения, и об этом не упомянул в протоколе!.. Подсудимые-вотяки, не знающие тонкостей судопроизводства, были лишены возможности вызвать свидетелей. К защитнику они обратились лишь за десять дней до суда, и защите пришлось довольствоваться свидетелями, забракованными обви-

нительную властью. Между тем само обвинение загромодило судебное следствие показаниями о слухах, неизвестно откуда исходящих. Это были даже не просто слухи, а слухи о слухах. Сенат привел это прямое нарушение закона как мотив отмены первого приговора. Но что же? Слухи о слухах остались в обвинительном акте, и на этом основании товарищ прокурора воспроизвел в своей речи, например, показание свидетеля Львовского, который слышал данное обстоятельство от неизвестного ему вотяка, имени, отчества и места жительства которого не помнит. Но и этот таинственный вотяк рассказывал свидетелю не как очевидец, а тоже по слухам, которые донеслись неведомо как с чужой для него Учурской и Уваткулинской стороны, где будто бы есть обычай человеческих жертвоприношений. И на этом-то сведении основано, между прочим, объяснение одного из важнейших обстоятельств дела – появление обезглавленного трупа на дороге.

Можно было ожидать, что после первой кассации приговора сарапульский окружной суд поймет, что перед ним дело, в правильном исходе которого заинтересовано не одно обвинительное или защитительное честолюбие, но вся Россия! Что приговор по этому делу будет приговором не над обвиняемыми только вотяками, но и над школой с. Мултана, и над священником, сорок лет уже проповедующим в этом храме (в вызове которого защите отказано), и над всей нашей культурной миссией среди инородцев! Но сарапульский суд не так взглянул на дело. Вместо того, чтобы дать защите возможность сказать все, что она может сказать, просьбу защиты о вызове новых свидетелей рассматривает в распорядительном заседании тот же состав, который участвовал в приговоре, отмененном сенатом; заключение дает тот же тов. прокурора г. Раевский, и в вызове свидетелей защите отказано! И не только новых свидетелей, но и оправданных подсудимых, которых защита имеет право вызывать по закону. (На этом обстоятельстве защита основывает новую кассационную жалобу.) Из двух экспертов-этнографов, высказывавшихся по этому предмету в печати, суд вызывает проф. Смирнова и отказывает защите в вызове г. Богаевского, который держится противоположных мнений. Из двух священников села Мултана вызван о. Ергин, живущий в Мултани два года, а не другой священник, который сорок лет провел среди своей паствы!

Впрочем, я опять отвлекаюсь от прямой задачи этой заметки, которая должна служить вступлением к сухому отчету

о мултанском деле – отчету, для которого «Русские ведомости» с нынешнего дня открывают свои страницы. История этого отчета следующая. По приглашению моих товарищей, работающих в провинциальной печати и хорошо знакомых с бытовой подкладкой этого дела, я приехал в Елабугу, намереваясь впоследствии изложить в печати свои впечатления. Здесь я застал еще двух корреспондентов: А.Н. Баранова и В.И. Суходоева. Вскоре же после начала заседания мы пришли к заключению, что отрывочных заметок недостаточно, что «впечатления» играют лишь второстепенную роль, что лучшая услуга, какую пресса может оказать в этом деле, это – дать по возможности полное и точное изображение хотя бы одной стадии этого таинственного, запутанного и радикально испорченного предварительным следствием дела. А так как стенографа не было, то мы решили записывать втроем все, что происходит на суде, по возможности не пропуская ни одной фразы. Одному это было бы, конечно, не под силу – втроем мы это исполнили. Неизбежные пропуски у каждого дополнены по записям двух других, и таким образом явился отчет, близкий к стенографическому. В течение трех дней после суда мы сверяли фразу за фразой все судебное следствие – и теперь ручаемся за полную точность отчета.

В другом месте в более полном виде я сообщу свои личные впечатления, вынесенные из суда и с места таинственной драмы. Здесь же, внося свою посильную лепту для освещения фактической стороны этого темного дела, мы, составители отчета, обращаемся за помощью ко всей русской прессе. Пусть юристы оценят вероятность улик, пусть врачи и этнографы разберут изумительную экспертизу, послужившую к обвинению вотяков в каннибализме. Наконец, мы не знаем, что нужно сделать с формально юридической точки зрения, – но мы всеми силами души взываем к расследованию этого дела от начала и до конца! Еще недавно отделение казанской судебной палаты в гор. Вятке постановило обвинительный приговор, которым установлено, что полицейские служители слободской команды производили тяжкие истязания над арестованным татаринном. Это происходило в той же Вятской губернии. Местная пресса с чрезвычайным сочувствием следит за борьбой, которую теперешнему вятскому губернатору г. Трепову приходится вести с нравами, долгие годы укоренившимися в среде вятской полиции, имеющей дело с инородческим населением. Если не ошибаюсь, упомянутый судебный приговор есть лишь один из эпи-

зодов этой борьбы. Между тем не только обвиняемые по этому делу, но и один из главных свидетелей обвинения два раза повторяли на суде, что показания у них вынуждались самыми незаконными средствами. Об этом даже председатель суда счел нужным сказать в своем заключении, отмечая, что главный свидетель обвинения мотивировал этим свой отказ от вынужденных показаний. И замечательно, что подробности, приводимые вотяками, довольно точно совпадают с приемами, за которые осуждены слободские полицейские. (Арестованный Дюняшев был подвешен на жерди и в таком положении у него требовали сознания. О подвешивании же говорили и вотяки-мултанцы. Отчет о деле слободских полицейских был напечатан в газетах. Мы заимствуем из «Нижегор. листка», № 272.) Итак, это уж не слухи, неизвестно откуда исходящие, а серьезное обстоятельство, требующее самой тщательной проверки и бросающее особенный свет на материал, выдвинутый обвинением. Я знаю, что это подозрение очень тяжело и очень серьезно. Но и обвинение, которое теперь пало на всех вотяков и на все русское общество, тоже очень тяжело и очень серьезно, и мы можем, мы обязаны смиренно принять его лишь после того, как это будет всесторонне доказано.

Расследование, расследование! Пусть будут проверены все материалы этого дела, все способы, какими они собирались, пусть будут выслушаны до конца эти несчастные вотяки, которые фактически лишены были до сих пор свободы защиты против самого тяжелого из обвинений, какое только человек может предъявить против своего ближнего, пусть будут проверены их ссылки на то, что главные свидетели против них купили своими показаниями безнаказанность в уголовных деяниях, с одной стороны, и вынуждались к показаниям незаконными приемами – с другой. Если бы после всего этого оказалось, что они говорили неправду, что у них нет свидетелей, способных доказать их правоту, что они только клеветают на свидетелей обвинения и на полицию... тогда, но только тогда, новый приговор суда можно было бы считать окончательным. Только тогда истину в мрачном мултанском деле можно было бы счесть разысканной в вердикте присяжных. Только тогда обвиняемые понесли бы должную кару, и в летописи русского государства можно было бы занести тяжелую страницу. Только тогда можно будет признать, что на Европейском континенте наше отечество донесло неприкосновенным обычай каннибальских жертвоприношений до конца XIX века и что в России еще теперь у стен

христианских храмов возможно принесение людей в жертву языческим божествам.

Света, как можно больше света на это темное дело, иначе навсегда над ним нависнет страшное сомнение в том, где искать истинных жертв человеческого жертвоприношения! Матюнин ли это, погибший таинственной и загадочной смертью, или это сами несчастные мултанцы являются жертвами следственных порядков, черты которых так ясно проступают в этом выдающемся деле.

Нижний-Новгород, 11 октября 1895 года

I

1 октября 1895 года в 4 часа 50 минут вечера в зале суда в Елабуге раздался звонок из комнаты присяжных заседателей. Это значило, что совещание присяжных кончилось. Через минуту публика наполнила зал, вышел суд, и старшина присяжных подал лист председателю.

Председатель посмотрел приговор и вернул его. Старшина взял лист в руки и прочел семь вопросов, составленных в одних и тех же выражениях.

«Виновен ли такой-то в том, что в ночь на 5 мая 1892 года в селе Старом Мултане, в шалаше при доме крестьянина Моисея Дмитриева, с обдуманном заранее намерением и по предварительному соглашению с другими лицами лишил жизни крестьянина завода Ныртов, Мамадышского уезда, Казанской губ., Конона Дмитриева Матюнина, вырезав у него голову с шеей и грудными внутренностями?»

На скамье подсудимых было семь человек, вотяков Старого Мултана, и семь раз старшина присяжных на приведенный выше вопрос ответил с заметным волнением:

- Да, виновен, но без заранее обдуманного намерения.
- Относительно троих к этой формуле было прибавлено:
- И заслуживает снисхождения.

Несколько секунд в зале царствовала гробовая тишина, точно сейчас сообщили собравшимся, что кто-то внезапно умер. Потом коронные судьи удалились для постановления своего приговора. Семь обвиненных вотяков остались за решеткой, как будто еще не понимая вполне того, что сейчас с ними случилось.

Я сидел рядом с подсудимыми. Мне было тяжело смотреть на них, и вместе я не мог смотреть в другую сторону. Прямо на

меня глядел Василий Кузнецов, молодой еще человек, с черными выразительными глазами, с тонкими и довольно интеллигентными чертами лица, церковный староста мултанской церкви. В его лице я прочитал выражение как будто вопроса и смертной тоски. Мне кажется, такое выражение должно быть у человека, попавшего под поезд, еще живого, но чувствующего себя уже мертвым. Вероятно, он заметил в моих глазах выражение сочувствия, и его побледневшие губы зашевелились.

– Крестос страдал... – прошептал он с усилием.

Казалось, эти два слова имели какую-то особенную силу для этих людей, придавленных внезапно обрушившейся тяжестью.

– Крестос страдал, – зашамкал восьмидесятилетний старик Акмар, с слезящимися глазами, с трясущейся жидкой бородой, седой, сгорбленный и дряхлый.

– Крестос страдал, нам страдать надо... – шепотом, почти автоматически повторяли остальные, как будто стараясь ухватиться за что-то, скрытое в этой фразе, как будто чувствуя, что без нее – одно отчаяние и гибель.

Но Кузнецов первый оторвался от нее и закрыл лицо руками.

– Дети, дети! – вскрикнул он, и глухое рыдание прорвалось внезапно из-за этих бледных рук, закрывавших еще более бледное лицо.

Я не мог более вынести этого зрелища и быстро вышел из зала. Проходя, я видел троих или четверых присяжных, которые, держась за ручки скамьи, смотрели на обвиненных. Потом мне передавали, что двое из них плакали.

Публика двигалась взад и вперед как-то странно; почти никто не уходил совсем, и никто не мог долго оставаться в зале; входили и уходили, как в доме, в котором по середине комнаты, окруженной желтыми огнями свечей, лежит мертвец, и кто-то бьется и рыдает о нем за дверью.

Я тоже не мог уйти и не мог оставаться, входил в зал и опять уходил. Обвиненные или тупо глядели вперед, или громко плакали, опустив головы на руки; дамы из публики смотрели на них широко открытыми глазами, внезапно отворачивались и быстро уходили. В настроении этой публики ясно чувствовалась весьма понятная жалость.

Но, кроме жалости, тут было еще тяжелое, гнетущее сомнение.

Когда я, ожидая судебного приговора, в третий раз вошел в зал, – публика столпилась в одном месте поближе к решетке. В углу этой решетки, рядом с караульным, вытянувшимся у сво-

его ружья и, как будто нарочно, принявшим вид совершенно глухого, ничего не слышащего и не видящего человека, стоял дед Акмар. Его старческая рука опиралась на барьер, голова тряслась, и губы шамкали что-то. Он обращался к публике с какой-то речью.

– Православной! – говорил он. – Бога ради, ради Христа... Коди кабак, коди кабак, сделай милость.

– Тронулся старик, – сказал кто-то с сожалением.

– Коди кабак, слушай! Может, кто калякать будет. Кто ее убивал, может, скажут. Христа ради... кабак коди, слушай...

– Уведите их в коридор, – распорядился кто-то из судейских. Обвиняемых вывели из зала.

II

Описанным выше приговором во второй уже раз вотяки села Мултана признаны виновными в принесении языческим богам человеческой жертвы. Во второй уже раз судебным приговором устанавливается, что в европейской России, среди чисто земледельческого вотского населения, живущего бок о бок с русскими одною и тою же жизнью, в одинаковых избах, на одинаковых началах владеющего землей и исповедующего ту же христианскую религию, существует до настоящего времени живой, вполне сохранившийся, действующий культ каннибальских жертвоприношений! Если вы представите себе, на основании сказанного выше, что Мултан – глухая деревушка, окруженная лесными дебрями, затерянная и одинокая, то вы сильно ошибетесь. Это большое село, окруженное давно распаханными старыми полями, отстоящее лишь в пятидесяти верстах от большой пристани Вятские Поляны, на реке Вятке, и в полуторах десятках верст от большого пермско-казанского тракта. В Старом Мултане вот уже пятьдесят лет существует церковь, пятьдесят лет вотское село служит центром православного прихода; в нем живут постоянно два священника с причтом, и тридцать лет дети вотяков Старого Мултана учатся в церковно-приходской школе. Один из обвиненных в принесении человеческой жертвы, Василий Кузнецов – местный торговец, староста мултанской церкви.

Если вы подумаете, далее, что один только Мултан обвиняется в сохранении, по какой-то несчастной случайности, ужасного переживания ужасного обычая, то вы опять ошибетесь. Обвинение мултанцев было бы невозможно и странное убий-

ство оставалось бы совершенно необъяснимым, если бы следствие не постаралось собрать множество слухов, по большей части неизвестно откуда исходящих, – слухов о том, что среди вотяков вообще сохранился обычай человеческих жертвоприношений. Эти слухи не касались непосредственно Мултана: они шли с дальних мест, со стороны «Учинской и Уваткулинской», из других местностей, из других уездов. Из отчета об этом деле, напечатанного в «Русских Ведомостях», видно, что обвинение ставилось не против данных только семи лиц. Они, по мнению обвинителя, явились лишь исполнителями. На вотском кенеше (мирском сходе) ставится решение: принести человеческую жертву. Нищий убит в родовом шалаше, но не для данного рода. Его кровь нужна будто бы для жертвы за всю деревню. Может быть, даже не за одну деревню, а за многие деревни «вавожского края»... Этого мало. Ученый эксперт, казанский профессор Смирнов, отстаивавший существование ужасного культа среди современного вотского населения, приводил общие «предания», не относившиеся специально к Мултану, слухи, исходившие из других уездов, даже сказки не вотские, а родственного вотякам черемисского народа. Вы видите, что ужасное обвинение ширится, растет, что данный судебный приговор есть приговор над целой народностью, состоящей из нескольких сотен тысяч людей, живущих в вятском крае, бок о бок с русским народом и, повторяю, тою же земледельческой жизнью. Постарайтесь представить себя по возможности ясно в роли вотяка-крестьянина, соседа русской деревни, в роли вотяка-учителя, наконец, в роли священника из вятского края – и вы сразу почувствуете все ужасное значение этого приговора.

Предполагаю, что у читателя является возражение: не следует, конечно, преувеличивать значение и силу нашей культуры в темной среде деревенской Руси. И в христианской деревне много тьмы и невежества: у нас есть лешие и ведьмы, в наши глухие деревушки залетают огненные змеи, у нас приколачивают мертвых колдунов осиновыми колами к земле, у нас убивают ведьм. В Сибири еще недавно убили мимо идущую холеру в виде какого-то неизвестного странника. «Холера» умерла, как умирает обыкновенный человек, пришибленный ударом кола, а убийцы суждены и осуждены судом. «Что же мудреного, – спрашивает у меня один корреспондент, – что вотяки, полужызычники, которые, вдобавок, несомненно сохранили обычай кровной жертвы, могли принести и человеческую жертву? И что нового открыло нам в этом отношении мултанское дело?»

Мне кажется, что здесь есть крупное смешение понятий. Да, суеверия очень сильны – и убийство ведьмы произошло еще лет пятнадцать – двадцать назад даже в бельгийской деревне. Что же? Вы не удивитесь поэтому, если бы в бельгийской деревне было доказано существование каннибальского культа? В наши деревни летают огненные змеи. Слыхали ли вы, однако, чтобы целое общество, хотя бы подлиповцев, решило на общественном сходе принести огненному змею торжественную каннибальскую жертву? У нас приколачивают колдунов осиновыми колами! Значит ли это, что наша культура равна культуре антропофагов и каннибалов?

Нет, не значит. Оставим формальную принадлежность к той или другой религии, оставим также и церковно-приходскую или иную школу. Я полагаю, что даже между полным язычником, живущим общею жизнью с земледельческим христианским населением, и язычником-каннибалом – расстояние огромное. Язычник, ограничивающийся принесением в жертву гуся, и язычник-каннибал – это представители двух совершенно различных антропологических или, по крайней мере, культурных напластований, отделенных целыми столетиями. Выражаясь символически, между ними приблизительно такое же расстояние, как между жертвоприношением Авраама (отмечающим воспрещение человеческой жертвы в ветхом завете) и принесением двух голубей в Иерусалимский храм иудеями первых годов христианской эры.

Далее, я полагаю, что между язычником, сохранившим где-нибудь в глубине лесов или в пустынной тундре всю чистоту своего языческого культа, и язычником-земледельцем, вкрапленным в течение столетий в самую среду русского народа, опять должна быть значительная разница. Дело тут даже не в культурной миссии официальных миссионеров, а в простом вековом близком общении на почве общего труда и общих интересов с земледельческим и христианским народом. Я приведу ниже молитву, которая произносилась в начале настоящего столетия на огромном жертвоприношении черемис их картами (жрецами), и вы увидите, какому богу она приносилась и как сама она далека уже от каннибальских заклинаний. Наконец, между этим последним язычником и инородцем-христианином, более столетия уже обращенным, является еще одна, еще новая градация.

Как ни плоха была его школа, как ни слаба обращенная к нему проповедь, все-таки они не могли не отдалить инородца

еще на одну ступень от его первобытных верований. Правда, он внес в новую веру значительную долю суеверий; правда, в его среде еще живут старые обряды, но, принижая новую веру, он все-таки подымает до нее старую, и то новое, что из этой смеси возникло в его душе, уже есть именно новое; это смесь, неравная ни одной из своих составных частей.

Это не настоящее христианство, но это и не язычество в том виде, в каком оно существовало до обращения. Обряд еще держится. Обряд и прививается ранее, и уходит позже выражаемых им понятий. Но старые боги умирают в темной душе, и понемногу из-за новых формул проглядывает все больше и больше новое содержание. «Христос страдал, нам страдать надо» – одна эта формула в устах обвиненных в каннибализме способна потрясти слушателя глубоким сомнением: неужели люди, знающие это, прибегающие к этому в минуту страшного удара, разбивающего жизнь, – способны целым обществом, спокойно, сознательно убить человека во имя бога!

И, однако, кто-то убил нищего и взял у него голову и сердце! Значит, во всяком случае – это убийство суеверное?

Я не знаю. Но если и так, то в нем участвовали один или двое. Бывают вспышки паники, страсти, когда в толпе сразу просыпаются, оживают инстинкты пещерных предков, даже зверей. Тогда-то и убивают проходящую мимо холеру. Здесь не то. Здесь необходимо допустить существование культа, при котором молитвенное настроение души в целом сельском обществе, нет, в целом крае, – спокойно, сознательно, постоянно или, по крайней мере, периодически направляется в сторону человеческих жертвоприношений. Каннибализм здесь является постоянно действующим, живым культом, охватывающим еще в наше время огромную площадь, живущим в сотнях тысяч умов, исповедующих по наружности христианскую веру.

Нет, нельзя закрывать глаза на весь ужас этого явления, если оно существует, нельзя сравнивать его ни с какими суевериями! Суеверия вы найдете еще во всех слоях общества; каннибализм отодвинулся от нас на тысячелетия.

Так, по крайней мере, мы думали до сих пор. Теперь оказывается, что он жив, что это – не частная вспышка случайного переживания, а хроническое явление по всей площади, занимаемой вотским племенем.

Но если это так, – то нужно понять размеры и значение этого явления. Нет, это не равносильно обычным суевериям, к которым мы уже пригляделись и привыкли. Это шире всех вопросов

о силе или слабости официальной миссии. Повторяю: перенесите мысль в положение вотяка, сколько-нибудь сознательно относящегося к этому обвинению, – и вы почувствуете всю его тяжесть. Вы почувствуете также и то, что это обвинение против самого культурного типа не одних вотяков, но и их соседей, неспособных вековым общением облагородить соседа инородца, хотя бы до степени невозможности каннибализма в культурной атмосфере, которой они дышат сообща!

Я полагаю, что мысль моя ясна: как существуют геологические напластования и формы, только этим напластованиям сродные, так же есть напластования культурные, отделенные друг от друга столетиями и разными наслоениями пережитого прошлого. Каннибализм есть форма, свойственная давно погребенным, самым низким слоям культуры, потонувшая на расстоянии столетий, и население, в котором она была жива, представляло собой низшую ступень в развитии человеческого типа. Существование языческих обрядов не может еще служить доказательством человеческого жертвоприношения. Нужны доказательства более прямые.

Вот почему я полагаю, что мултанское дело есть дело «особой важности», на которое следует обратить самое пристальное внимание. Не закрывать глаза, конечно, не отстранять неприятные выводы, но присмотреться серьезно и строго, с чем в действительности мы имеем дело. Недостаточно приговорить несколько человек – нужно узнать, что тут было, какому богу приносятся эти жертвы, как широк его культ... Но прежде всего: действительно ли этот культ существует. Нужно, чтобы рассеялся этот густой туман, эта туча недоумения, нависшая над мрачной драмой, нужно, чтобы настоящее зло, если оно есть, не скрывалось ни за какими сомнениями.

III

В настоящей статье я, разумеется, не рассчитываю исчерпать данный вопрос. Читателям «Русского Богатства» отчасти уже известна и обстановка, и обстоятельства дела, о котором дважды уже говорилось в нашем журнале (Обществ. хроника. Ноябрь 1894 г. и июнь 1895 г.). Они знают также, что первый приговор кассирован сенатом, который признал, что:

во 1-х, не доказано самое существование среди вотяков обычая человеческих жертвоприношений,

что, во 2-х, предварительным следствием сделано много упущений, не исправленных также и следствием судебным, и

что, наконец, в деле была существенно нарушена равноправность сторон. В настоящее время защитником мултанских вотяков опять подана кассационная жалоба, и юридическая сторона дела будет еще раз предметом компетентного обсуждения. Здесь, поэтому, я пока совершенно оставляю в стороне вопрос, насколько убедительны доказательства виновности семи обвиненных мултанцев. Я останавливаюсь только на общем вопросе: можно ли и теперь признать доказанным самое существование человеческого жертвоприношения среди вотского населения и, главным образом, какому богу могла быть принесена эта ужасная жертва.

Вот фактическая сторона этого дела.

В понедельник, после Фоминой недели, т.е. 20 апреля 1892 года, нищий Конон Дмитриев Матюнин отправился из родного села (завода Ныртов, Мамадышского уезда, Казанской губ.) в малмыжскую сторону за сбором подаяния. Это был человек нестарый, очень крепкий, здоровый на вид, смирный и непьющий, но страдающий падучей болезнью и проявлявший, по некоторым указаниям, признаки ненормальности. От завода Ныртов до Старого Мултана, если не ошибаюсь, более ста верст. Нищий шел, побираясь Христовым именем, заходя по сторонам и ночуя, где доведется. 4 мая в середине дня он встретил мултанского псаломщика Богоспасаева в дер. Капках, по пути к Кузнерке или Аныку, или, может быть, к Мултану. Они обменялись жалобами на скупость народа. Псаломщик набрал очень мало овса на семена, а нищему не верили, что он болен. Между тем, несмотря на здоровый вид, у него падучая, от которой он напрасно лечился в Ныртах. Доктор советовал ехать в Казань, «там ему сколют череп и выпустят воду...». Но нищий побоялся. Так поговорив, они расстались, и псаломщик более его не видал.

Накануне, в ночь с 3 на 4 мая нищий из Ныртов, страдающий падучею болезнью, в азыме с синей заплатой, ночевал в деревне Кузнерке, у старика (русского) Тимофея Санникова. На следующий вечер 4 мая к сыну этого Санникова, Николаю, опять приводят на ночлег нищего. Он тоже из Ныртов, тоже страдает падучей болезнью, тоже здоров на вид и вдобавок говорит, что ночевал у Тимофея Санникова прошлую ночь. Все эти признаки точно соответствуют приметам Матюнина, но впоследствии Николай Санников вспоминает, что на азыме этого нищего как будто не было заплаты, из чего обвинение решительно за-

ключает, что это был другой нищий, хотя тоже из Ныртов, тоже страдающий падучей и... тоже ночевавший накануне у Тимофея Санникова?

В то же время, т.е. 4 мая, псаломщик Богоспасаев, вернувшийся со своим скудным сбором овса, видит в Мултানে еще другого нищего с корзиной и пьяного. Этого же нищего видят и другие свидетели, в том числе урядник. Он отличается от Матюнина, во-первых, корзиной, во-вторых, у него нет посоха, в-третьих, он пьян (Матюнин, по уверению его вдовы, в рот не брал водки). Вотяки говорят, что этот нищий был родом с Ижевского завода и действительно ночевал в Мултানে...

С приближением вечера рокового четвертого мая – признаки этих двух личностей как-то перемешиваются взаимно. Три свидетеля видят какого-то нищего идущим по улице в Мултানে и сидящим на бревнах. Он красен и пьян, что-то бормочет, а по одному показанию – закуривает папиросу (Матюнин не курил). Все это черты ижевского нищего с корзиной. Но на нем надет будто бы азам с заплатой и рубаха с прорехой, принадлежащие нищему из Ныртов и найденные впоследствии на убитом. Его перед вечером (около 4 мая) ведут по переулку, к дому суточного, у которого должны ночевать все нищие, застигнутые приближением ночи в Мултানে.

Как видите, в сумерках рокового вечера – личность нищего двоится: при одном из двойников, ночующем в Кузнерке, остается вечером 4 мая происхождение (из Ныртов), падучая болезнь и рыжая борода Матюнина; при другом, которого видели на бревнах в Мултানে, – азам с заплатой и одежда того же Матюнина, с прибавлением, впрочем, пьянства.

Затем нищий с корзиной, родом из Ижевского завода и любящий выпить, продолжает еще шататься по Мултану более недели, – а нищего из Ныртов те, кто его видел, видели в последний раз.

5 мая, часов в девять утра, крестьянская девочка Марфа Головизнина шла пешеходной тропой, пролегающей по лесу, между деревнями Чульей и Аныком. Я был на этой тропе после описанного выше приговора над вотяками. Трудно представить себе место, более угрюмое и мрачное. Кругом ржавая болотина, чахлый и унылый лесок. Узкая тропа, шириной менее человеческого роста, вьется по заросли и болоту. С половины ее настлан короткий бревенник вроде гати, между бревнами нога сразу уходит в топь по колено; кой-где между ними проступают лужи, черные, как деготь, местами ржавые, как кровь. Несколько до-

сок, остатки валежника и козлы из жердей обозначают место, где нашли труп Матюнина и где его караулили соседние крестьяне.

Он лежал поперек, т.е. занял всю тропу, по которой шла Головизнина. Я был на этой тропе, и мне очень трудно представить, чтобы кто бы то ни было, идущий по ней и видящий на своей дороге это ужасное препятствие, мог не заметить среди белого дня, что у лежащего в таком необычном месте человека нет головы. Но девочка этого «не заметила», как она говорит, потому что человек был прикрыт азымом. У нее развязался вдобавок лапоть. Она «подобулась, обошла труп по-за-ногам» и пошла дальше. Пройдя мимо толчеи, постукивающей шагах в двухстах на такой же унылой полянке, она пришла в починок и сказала там о лежащем на тропе человеке.

Назад она пошла опять одна той же тропой, на следующий день, 6 мая. Человек лежал там же, но азым, как говорится в обвинительном акте, был кем-то снят. Кто это подходил к трупу в эти сутки и кто снял азым, осталось неизвестным, но теперь девочка рассказала в деревне Чулье о том, что у лежащего на тропе человека нет головы. Пришли крестьяне двух деревень и совершенно затоптали следы, так что оказалось невозможным определить, откуда подтащен труп. 7 мая прибыл урядник, который нашел, что на убитом надета котомка, за лямки которой заделан сложенный азым. Итак, безвестная рука, то прикрывавшая, то снимавшая азым, – продолжала над мертвым свою работу, даже по прибытии полиции.

9-го прибыл пристав, который записывает новую перемену: уже после урядника кто-то вынул азым из-за котомки, надел его на труп в рукава и опять надел котомку за плечи. При этом и лапти оказались завязаны плохо, как будто их надевали уже на мертвого. Вотяков в это время еще не было. Азым, который девочка видела на трупе, а урядник – заделанным за лямки, опять надет в рукава, очевидно, уже на мертвого и притом не вотяками. К сожалению, цель этого многократного переодевания найденного на тропе безголового человека совершенно не интересует ни пристава, ни следственные власти, которые обращают исключительное внимание на лапти. На основании одних этих данных, да еще темных слухов о вотяках вообще – составляется предположение, что убитый принесен в жертву вотским богам. Впоследствии, ровно через месяц, оказалось при вскрытии, что из грудной полости вынуты сердце и легкие, для чего у шеи и спины разрублены основания ребер. Но в то время

пристав не заметил и не описал этих повреждений, хотя, впрочем, сам раздевал труп... В его протоколе есть даже следующее странное место: «есть ли сердце и легкие, заметить невозможно из-за большого количества запекшейся крови».

При трупе оказались: азам с заплатой и синепестрядинная рубаха с прорехой подмышкой, виденные некоторыми свидетелями будто бы на нищем в Мултани; затем рыжая борода и свидетельство о том, что убитый родом из Ныртов, а также что он страдает падучей болезнью, – черты нищего, ночевавшего в Кузнерке. Таким образом двойственная личность убитого остается такою же и после смерти. Если это тот, что ночевал в Кузнерке, значит, выйдя утром после восхода солнца 5 мая, он пошел куда-нибудь к Аньку, свернул на лесную тропу и где-то здесь встретил свою горькую участь. Свидетельства о личности и болезни дают основание для этого предположения.

Но признаки одежды (азам и прореха на рубахе) направляют розыски к Мултани, и с этих пор дело принимает свой окончательный характер: вотяки обвиняются в человеческом жертвоприношении.

Обвинение рисует дело в следующем виде.

В Мултани сохранились еще следы родового быта и языческого культа. Родовое деление сказалось расслоением Мултани на два рода: учурский и будлуцкий. К первому принадлежит четырнадцать семей, ко второму остальные (56). У каждого рода есть свой шалаш, род амбара, с полками вдоль стен без окон, в котором родовичи совершают «моления», хотя и перед иконой, но по старому языческому обряду. Они здесь «молят», то есть приносят в жертву гусей и уток. Раз был принесен даже бычок. Для этого у каждого рода при шалаше есть выборные, вроде жрецов: тыр-восяси, покчи-восяси и бодзимь-восяси, которые совершают обряды.

Порой оба рода соединяются на поляне для общедеревенской молитвы. Однажды молодой священник Ергин, назначенный в Мултан, проезжая по дороге, заметил дымок в стороне и, догадавшись, в чем дело, направился туда. Это было уже после начала дела, когда вотяки уже были привлечены к следствию. Тем не менее вотяки, по-видимому, свободно продолжали обряд: они закололи бычка перед двумя огнищами, на которых в котлах варили его мясо. Тут были также хлебы с яичницей, сосуды с кумышкой или пивом. Один из стоявших впереди трех вотяков произносил какие-то слова и наклонял голову, а за ним наклоняли головы и остальные. В числе присутствующих была мать обвиняемого

Кузнецова, которая молилась, стоя на коленях. На вопрос, кому они молятся, вотяки ответили, что они молятся «тому же богу, а если в лесу, то потому, что так делали отцы и деды».

Итак, существование кровной жертвы в православном Мултане нужно считать вполне доказанным. Оставляя пока вопрос о том, кому приносились эти жертвы, я дорисую со слов обвинения предполагаемую картину убийства. Дом Василия Кондратьева, куда привели нищего, вечером 4 мая, находится недалеко от шалаша Моисея Дмитриева, в котором совершаются моления учурского племени. Здесь, если обвинение верно, Матюнин пьяный был подвешен, и из него добыты внутренности и кровь для общей жертвы в другом месте, может быть для общей жертвы всего вавожского края и может быть «для приятия этой крови внутрь».

IV

Кому же могла быть принесена эта жертва, кому вообще приносились жертвы и в шалашах, и на полянах села Старого Мултана, недалеко от его церкви и от церковно-приходской школы?

На это пытаются нам ответить, во-первых, обвинительный акт и, во-вторых, ученая экспертиза. Нужно сказать, однако, что обвинитель остался недоволен экспертизой, хотя профессор Смирнов и ранее, в печати, и на суде допускал возможность жертвоприношения у современных вотяков. «Экспертиза ничего не дала нам, – сказал тов. прокурора в своей речи. – Наоборот, наука много почерпнет из настоящего дела».

Проф. Смирнов держится иного мнения, а другой представитель науки, г-н Богаевский, написавший обстоятельный анализ в «Русских Ведомостях», повторяет в этом отношении то же мнение. Считаю необходимым заметить, пишет он, что, «несмотря на вторичное осуждение обвиняемых, на страницы работ по этнографии России не может быть занесено утверждение факта существования в настоящее время у вотяков человеческих жертвоприношений» («Русск. Вед.», 7 ноября, № 308). Проф. Смирнов также говорил мне после суда, что он не почерпнул из данного дела ни одной черты, которая бы утверждала его в заранее уже сложившемся общем мнении, противоположном мнению г-на Богаевского.

Оба ученые утверждают единогласно, что в данном деле они натываются только на ряд противоречий. Если вотяки еще при-

носят даже человеческие жертвы, то это значит, конечно, что у них сильны древние языческие верования и понятия, которых они не решатся нарушить. Между тем настоящее дело представляет именно ряд таких нарушений. Прежде всего обвиняемые принадлежат к разным родам. Между тем, по согласному показанию всех экспертов и проф. Богаевского, «в родовом шалаше может быть принесена жертва лишь божеству, в нем обитающему» и «чужеродцы не пользуются милостями божеества, обитающего в родовом шалаше»; «даже самое присутствие в шалаше чужеродца оскорбляет божеество, обитающее в святилище данного рода». Между тем оскорбление божеества, обитающего в родовом шалаше, является наиболее страшным преступлением для вотяка, уничтожает все благие последствия жертвы и «даже лишает человека счастья».

Далее, один из подсудимых, Кузьма Самсонов, мясник, обвиняется в том, что он – не жрец и не помощник жреца – совершил самое убийство, будучи для этого нанят за деньги. Между тем «приносить жертвы могут лишь специально на этот предмет избранные жрецы».

Наконец, добывание крови в одном месте для жертвы, приносимой в другом, – все ученые единогласно признают невозможным.

Все эти черты приобретают особенную важность ввиду того соображения, что приверженность к букве, к обряду характеризует главным образом малокультурного человека. «Вспомним, – говорит проф. Богаевский, – что опущение лишь одного слова в молитве, например, в древнем Египте уничтожало значение всего священнодействия; как часто присутствие чужеродца оскорбляло божеество, которому молились древние римляне». Между тем здесь «отступления от ритуала так велики, что противоречат всем основным требованиям религиозных представлений вотяков и сознанию их обязанности перед богами».

Итак, наука останавливается в полном недоумении перед обстоятельствами, которыми обвинение обставляет жертву в данном случае. Теперь посмотрим, что дает нам следствие и экспертиза по вопросу о том, каким же богам или какому богу приносились мултанцами жертвы.

Обвинение отвечает категорично. У всех вотяков существует «злой бог Курбон», который требует себе в жертву ребенка, а по временам, лет через сорок – и человека. Никто, правда, не слышал об этом Курбоне в Мултане, но о нем сооб-

шил Михайло Савостьянов Кобылин. Он получил это сведение от неизвестного ему кучугурского вотяка, который притом, по его словам, «умом был не совсем»: дурачок и блаженненький. Впрочем, председатель, на том основании, что Кобылин не мог указать точнее источника этих слухов о Курбоне, воспретил ему (несколько, правда, поздно) дальнейшую характеристику этого сердитого бога. Нужно сказать, однако, что вслед за Кобылиным о том же боге рассказал присяжным урядник Соковиков. Он сообщил еще, что, кроме злого Курбона, есть Аптас и Чупкан, боги веселые и добродушные. Эти довольствуются гусем или уткой и большей жертвы не просят.

– От кого вы это слышали? – спрашивает председатель.

Оказывается, что урядник может указать точно, откуда он это слышал. Ему рассказывал тот же Кобылин!

Третий свидетель, знакомый с Курбоном, – земский начальник Кронид Васильевич Львовский. Правда, в отношении этого свидетельства мы встречаемся с некоторой странностью. В его показании следователю этот бог называется не Курбоном, а Ки-реметом и только, очевидно, по ошибке (?), это имя переносится в обвинительный акт в виде «Курбона». Впрочем, и Львовскому председатель воспрещает рассказ об этом или другом боге, так как он слышал о них от «одного» неизвестного старого вотяка, и сам называет все это лишь слухами, на которых в свою очередь «не счел бы возможным основаться».

Таковы все сведения о злом боге, которые до очевидности ясно истекают из одного лишь источника: этнографических познаний Кобылина. После судебного следствия и показаний Кобылина выясняется окончательно и бесповоротно, что бога Курбона совсем не существует, и самое слово означает только «моление» или жертву. Таким образом, грозный бог исчезает из дела, оставляя на своем месте лишь неразрешенный вопрос: кому же тогда могла быть принесена жертва?

V

Обращаемся к экспертизе.

Профессор Смирнов, написавший книгу о вотяках, дал нам в этой книге и в своей речи на суде изложение вотской мифологии. По его словам, вотская религия пережила фетишизм, затем перешла к антропоморфическому анимизму, который оставил на ней очень ясные следы, и подверглась спиритуалистическому влиянию со стороны тюркских племен. Вотyak стремится

оживить все явления природы: лес для него населен палес- и нулес-муртами (наши лешие), в воде живет водяной (ву-мурт), в доме – домовый (бустурган), солнце, земля-мать, древесные ветви, все это одушевляется, все это наделяется человеческими свойствами...

Но если вотяк приносит яйца и кумышку на могилу предка, – то ведь и мы сохранили радуницу и поминки с водкой даже на Волковом кладбище, в Петербурге. Если у вотяка есть сказочная кукри-баба, – то и у нас есть ее родная сестра, баба-яга, которая, по свидетельству г-на Смирнова, с нею тождественна даже и по виду. Как бы то ни было, самое существование всей этой низшей лесной, домовый и болотной братии еще не доказательство возможности человеческой жертвы, ибо тогда мы должны признать ее возможной и у нас, в любой русской деревне.

Профессор Смирнов много раз отмечает в своей книге, что современный вотяк стал очень скуп на жертвы: отделяваясь пустяками, гусем или уткой, он вдобавок сам же съедает ее почти всю. Да это, по отношению ко всякой мифологической мелкоте, пожалуй, и совершенно понятно. В приводимых г. Смирновым сказках один вотяк стреляет в воршуда, другой сжигает целый выводок нулес-муртеныч, пришедших в лесу на его огонек. Два вотяка попали в избушку леших, из них двух нулес-муртов изжарили в печи, третьего убили. Застреливают из ружья также и ву-мурта (водяного). Впрочем, ву-мурты и вообще народ довольно добродушный, а один из них (в сказке) даже открыл в одном городе торговлю рыбой.

Г-н Смирнов приводит сказки, из которых видно, что некоторые из этой братии «охочи до человеческой крови». Мало ли кто до чего охоч! Очевидно, однако, что не этой мелкой нечисти, которую кишат также и наши леса, станут приносить человеческие жертвы!.. Но тогда кому же?

У вотяков есть еще Ин-Мар, могущественный бог, олицетворяющий небо. Г-н Смирнов производит его имя от Ин-Мурта, небесного человека, но сам признает, что понемногу это понятие очищалось и шелуха антропоморфизма от него отваливалась, а самое понятие все больше и больше проникалось спиритуалистическим содержанием. И вот, теперь другой эксперт, г-н Верещагин, перевел это название так: ин – небо, мар – что. «Что на небе», «Тот, кто на небе», «Господь». Г-н Смирнов признает, что теперь действительно это слово выражает понятие духа, оживотворяющего природу... Иначе: Ин-Маром вотяк зовет того же, кого француз называет Dieu, немец Gott, а мы Богом.

Каков этот Ин-Мар у вотяков-язычников? Он велик и духовен. Он могуществен и светел. Он, кроме того, враждебен богам анимизма; по крайней мере на стр. 208 своей книги г-н Смирнов утверждает, что – стоит помянуть Ин-Мара, и могущество воршудов и палес-муртов обращается сразу в ничто. Кроме того, это бог общий, власть которого распространяется на землю и небо, который простирает свое могущество над всем народом. Этому богу только и может быть приносима общенародная молитва.

Я позволю себе сделать здесь выписку из «Столетия Вятской губернии» – статьи А.А. Андриевского, на которую ссылался г-н тов. прокурора в своей обвинительной речи. Но я вижу в ней несколько иные черты, чем те, которыми пользовался обвинитель. Г-н Андриевский рассказывает следующий, чрезвычайно колоритный и характерный эпизод.

В 1828 году среди инородцев-черемис Вятской и соседних губерний обнаружилось какое-то необычное и странное движение. В своем донесении об этом уржумский земский исправник и другие следователи объясняли это снами, которые видели черемисины Иван Токметов и Семен Васильев.

«В сентябре месяце, а которого числа не знаю, – показывал исправнику Токметов, – ночью видел я во сне, что будто я, шедши со множеством черемисского народа по ровному месту, вдруг все мы обрушились в преужасную пропасть и, от того испужавшись, обещались, по избавлении, принести богу моление, от каковой мысли вдруг стали подыматься в гору, где увидели необыкновенный свет, плодородие и в наилучшем виде разные деревья». Другой черемис видел, «что будто бы явился к нему некто, в виде знатного человека, и советовал всему черемисскому народу принести господу богу моление с обыкновенным, по обряду черемисскому, жертвоприношением».

Разумеется, одних снов едва ли достаточно для объяснения того широкого движения, которое охватило инородцев и встревожило властей. Как бы то ни было, мы видим здесь, как происходит и кому приносится важная жертва: третьего декабря сошлось в Сернурской волости до трех тысяч человек у ключа, появившегося недавно в сухом месте, что тоже сочтено было за особую милость божию. На другой день здесь найдено было 134 огнища после жертвоприношений, на которых варилось мясо животных. Было произведено исследование при депутате от духовенства, которое показало, что «все богомолье совершено было спокойно, после чего и разъехались себе, не показав и

виду к нарушению общего спокойствия или возмущения, чего и впоследствии не открылось...». И даже «молитвы их, какие приносили при сем случае жрецы, – прибавляет исправник, – доказывают простоту нравов и сообразную с верноподданностью... заботливость о платеже податей».

Самая молитва звучала (в переводе) так: «Великий, древний бог! Тебе народ поусердствовал ныне молением, привел скота, принес хлеба, свеч, пиев и меду, собравшись пред сим деревом: возлюби это и милостиво прими!»

Боже! дай помощь в жизни народу, дай скота, после сего дай хлеба, после хлеба дай пчел, после пчел просим денег на оплачивание подати (черта, так восхитившая исправника), после денег просим лесной ловли, после лесной ловли просим водяной ловли на выручку денег. Милостиво прими!

Боже! дай в веке сем хорошего житья белому царю и всем молящимся здесь людям, которые привели скота, принесли свечи, принесли хлеба, поставили пиво и кто дал денег. Милостиво прими, аминь!»

Этому «великому древнему богу» молились одинаково новокрещенные и язычники. Г-н Смирнов приводит черемисскую сказку, в которой какой-то мелкий водяной хочет съесть девочку, – и делает из этого вывод, что родственные черемисским боги вотского эпоса тоже требуют человеческой жертвы. Но ведь и в наших сказках есть баба-яга, которая «не прочь полакомиться человечинной», а водяной в сборнике Афанасьева хватает проезжего купца за бороду и требует в выкуп того, чего купец дома не знает (новорожденную дочь) – точь-в-точь, как в черемисской и вотской сказке.

И мне кажется, что я с большим правом могу перенести в вотский эпос «Великого древнего бога», называемого Ин-Маром, Квазем, Кылдысином и еще несколькими именами. Г-н Смирнов все эти имена производит от разных стадий религии – фетишизма, анимизма, антропоморфизма, спиритуализма. Пусть так. Но и бог ветхого завета носил шесть имен, и каждое имя означало также какую-нибудь стадию на пути от идолопоклонства к великой отвлеченной духовной идее. Вправе ли мы сказать, основываясь на этом, что эссею, взывавший к Адонаи и уже предчувствовавший христианство, является, например, «типическим» огнепоклонником. «Ветхому деньми» тоже приносились в древние времена кровные жертвы. Но мы знаем, что между жертвоприношением Исаака и принесением двух голубей в Иерусалимский храм лежит целая огромная история.

Одна из двух черемисских сказок, приводимых г-м Смирновым в доказательство возможности человеческого жертвоприношения у вотяков, показала нам особенно интересной, и я очень сожалею, что почтенный профессор не досказал ее на суде до конца, ограничившись лишь поверхностным изложением.

Это сказка о черемисской злой мачехе.

Злая мачеха прикидывается больной, злая мачеха зовет своего мужа. «Поди в лес, к колдунье, она скажет тебе, что нужно сделать, чтобы я стала здорова». Муж отправляется в лес. А злая мачеха в это время переодевается колдуньей, бежит сама в назначенное место и говорит от имени колдуньи, что для выздоровления жены нужно убить ее пасынка (вероятно, в жертву какому-нибудь злomu божеству). Отец возвращается грустный и не решается исполнить это требование. Тогда злая мачеха захварывает еще сильнее, опять посылает мужа к колдунье, опять переодевается, опять бежит в лес, и этим обманом наконец добивается своего!

Из этого, опять заключает г. Смирнов, мы видим, что божеества черемисского эпоса не прочь полакомиться человечиною. Правда, в эпосе вотском даже и такой сказки нет, но в науке существует «сравнительный метод», который позволяет г. Смирнову пополнить черемисской сказкой недостающее ему доказательство. И это приводит в подтверждение того, что сидевшие перед судом мултанцы могли совершить человеческое жертвоприношение! Эксперт забыл, к сожалению, про «злую мачеху» из наших русских народных сказок, тетка которой тоже ест детей. Это во-первых. А во-вторых, он упустил из виду, что эта сказка представляет прямое отрицание того, что хотел доказать профессор. Правда, бедный черемис поверил и убил сына. Но народ, создавший эту сказку, уже явно не верит умиловительной силе человеческой жертвы. Разве тот, кто додумался до этой сказки, не говорит так ясно глупому человеку: тебя обманули? Ты думаешь, что крови сына требует божеество, а между тем тебе, глупому, говорила это злая и хитрая женщина!

Да, если эта сказка доказывает что-либо, то разве то, что даже в сказке умерла уже вера в необходимость человеческой жертвы! Умерла, как умерли те периоды, через которые последовательно проходила языческая вера черемис и вотяков. «Большая часть этих явлений (верований, обрядов и созданий творчества) говорит о прошлых, пережитых эпохах духовного развития; они держатся в силу традиции, не имея подчас корней

в сознании народа. Исследователь должен ими пользоваться прежде всего как материалом для истории духовного развития народа».

Кто это говорит? Это тоже говорит проф. Смирнов – и это не мешает ему, однако, делать скачок из периода черемисской сказки в «духовную жизнь» современного вотяка. На вопрос защиты, много ли перенимают вотяки у соседей, г. Смирнов ответил, что вотяки народ переимчивый. Это же подтверждается и в книге профессора: тюрки-магометане одним своим соседством и общением, даже без школ, даже без храмов, даже без книг – ввели в антропоморфическую религию вотяка духовное начало и дали ему вместо небесного человека Ин-Мурта – небесного духа Ин-Мара. Но дальше на вопрос защиты, можно ли думать, что современный вотяк остался тем же, каким был лет двести назад, ученый эксперт ответил: «Мы считаем, что современный вотяк еще типичнее, чем во времена Палласа и Миллера».

Мне кажется, что это мнение почтенного исследователя очень напоминает отзыв о портрете, который более похож, чем сам оригинал. Более похож – значит, уже не похож, и я думаю, что «более типичный» вотяк г. Смирнова есть лишь вотяк его кафедры и его книги. Но его, может быть, и не было среди живых вотяков из Мултана, судьба которых решалась в той самой зале, где ученый профессор рассказывал черемисские сказки...

Да, современные этнографы узнали более, чем знали Паллас и Миллер. Поэтому этнографический образ теперь полнее. Но г. Смирнов забыл, что речь идет не об этнографическом образе, собранном по кусочкам из Сосновского края, с Вавожской и Уваткулинской стороны, из Бирского, Глазовского, Елабужского и Малмыжского уездов, – и дополненного историческими исследованиями седой старины. Этот вотяк верит в Ин-Мурта-человека, и в фетишей, и в мудоров, и в воршудов, как и русский объект историко-этнографических исследований. Но возьмите любого живого вотяка в отдельности, и он уже не знает многого, что знает г. Смирнов. В нем уже многое умерло и многое народилось вновь. Что такое мудор-воршуд? – спрашивает, например, этнограф и получает целый ряд разнообразнейших ответов. По словам одного, мудор есть родовое имя, «тогда как всем известно, что это слово есть синоним воршуда», – говорит г. Смирнов в своей книге («Вотяки», стр. 295). Далее оказывается, что воршудные имена – это имена давно забытых богинь. Еще дальше г-н Верещагин тоже смешивает воршуда, как боже-

ство, с воршудным именем (стр. 304), еще дальше «воршуд есть слово, означающее род и относящееся исключительно к лицам женского пола» (219). «Воршуд – это идол, помещающийся в переднем углу квалы». «Воршуд – бог счастья семейной жизни», воршуд – коробка с монетой или оловянной и свинцовой бляшкой, ложкой, хвостиком белки, золой (213). Воршуд (в одной сказке) – человек в белой одежде, которого вотяк прогоняет выстрелом из ружья (214). Воршуд – христианский ангел-хранитель (240).

Наконец, «для елабужского и сарапульского вотяка – воршуд – синоним Ин-Мара» (стр. 210), т.е. название, обозначающее также и единого бога. Что касается мудора – то и он тоже претерпел сильные превращения: «мудор – дерево-покровитель и его части – ветви; на мудоре (ветках) стоит воршуд (коробка), мудор – просто жертва перед иконой, мудор – икона, образ» – в словаре Зеленова. Наконец, эксперт г-н Верецагин тоже самым решительным образом заявил на суде: «г-н Смирнов говорит: мудор – бог. Но мудор не бог, мудор – икона».

Я понимаю, конечно, что г. Смирнов вправе расположить все эти предметы в логическую цепь и протягивать ее вглубь минувшего, к давно забытым богам или богиням, дополняя своими изысканиями черты легенд и сказок. Но неученый вотяк просто читает перед иконой (мудором) христианскую молитву, или переносит свой кусочек сухой ветви или беличий хвостик из старого дома в новый, совершенно не задаваясь вопросом о том, что думали об этом его «типичные» предки, как мы не задаемся этими вопросами, прибывая подкову на пороге...

Я тоже получил свою долю сведений о воршуде. Это было в Мултане, куда я приехал после суда. Сын одного из оправданных в Малмыже вотяков, грамотный и развитой сын расторопного отставного солдата, водил меня в шалаш, где якобы совершенно было человеческое жертвоприношение. Шалаш этот произвел на меня своеобразное и очень сильное впечатление. Это просто большой амбар с двускатною крышей. Крыша и теперь раскрыта, как и тогда, когда в нем производили обыски и (напрасно) искали следов крови. Земляной пол весь изрыт, густая пыль лежит на полках, расположенных вдоль стен. На одной из полок стоял образ (мудор) Николая Чудотворца. Хозяин этого шалаша давно умер напрасною жертвой «ритуального дела» в тюрьме и хозяйка тоже. Из ближайшего дома со страхом смотрели на нас испуганные детские лица. Это семья одного из осужденных, «одно малое племя», т.е. малолетки, как сказал

мне мой провожатый. Выйдя оттуда, я разговорился с солдатом о мифологии.

– Есть у вас мудоры?

– Есть мудор. Мудор – икона, – ответил он.

– А воршуд?

– Есть и воршуд.

– Что же это такое? – спросил я, радуясь, что наконец на место Курбона и Чупкана я могу поймать в Мултане хоть одного живого языческого бога.

– Воршуд, видите что... Видели вы в шалаше полки?

– Видел.

– Хлебы кладем мы на полки, молимся. Вот воршуд.

Итак, вместо бога Мудора – икона, вместо Воршуда – обряд освящения хлебов. Что мой собеседник говорил правду, это косвенно доказывает ссылка г. Смирнова на указание г. Богаевского («Воршуду или Мудору запрещается приносить кровавые жертвы» – хлеб не кровавая жертва). Наконец, если бы оказалось даже, что в Мултане есть «бог воршуд», то и тогда еще «сарапильские и елабужские вотяки слово Воршуд иногда употребляют, как синоним “Ин-Мара”», т. е. благого духовного бога!

На суде защитник спросил у тыр-восяся Михаила Титова:

– Ин-Мар – кто такой?

Свидетель: – Вот! (поднимает глаза и крестится).

– Значит, наш бог?

– Бог, все равно... конечно, бог... Господь.

Затем, по требованию председателя, читает молитву Ин-Мару: «Инь-Мар-нянь-чесь, нылпи десьми уось» (записано, быть может, не совсем точно). В переводе, по его словам, это значит: «Бог хлеб давал бы, здоровья давал бы».

Вот это, действительно, совпадает с черемисской молитвой: «Великий древний бог» и т.д. Но это же совпадает в значительной степени и с нашей молитвой: «Иже еси на небесех, хлеб наш насущный даждь нам днесь».

На вопрос председателя, обращенный к священнику Ергину, очевидцу жертвоприношения, какие это боги, кому они поклонялись на своем мольбище, о. Ергин ответил:

– Они так говорили: тому же богу кланяемся, как и вы, а если в лесу, так потому, что отцы и деды так поклонялись.

На суде этому не поверили. А между тем этому следовало поверить, и мы все стояли в эту минуту очень близко к истине в вопросе о том, кому приносят вотяки кровавые жертвы. Это истина грустная, но все же далеко не в такой степени, как пытался

доказать г. Смирнов своими двумя черемисскими сказками. Да, обряд остался, но его содержание изменилось. Правда, наше понятие о боге оскорбляется тем, что эти люди приносят ему кровную жертву. Но самая жертва уже не так ужасна, как жертва какому-то несуществующему людоеду Курбону. Мы видели, что черемисы приносили ее «Древнему богу», Михаилу Титов режет быка в честь Ин-Мара, того самого, в честь которого осеняет себя крестным знаменем, а старуха, мать обвиняемого Кузнецова, – стоит при этом даже на коленях, как в церкви. И, может быть, старческими губами молит Ин-Мара, древнего бога, к которому стремится из мрака времен мысль всех народов, чтобы он отвел от ее сына тяжелое обвинение в каннибальской жертве забытым давно божествам.

Очень может быть, что тут примешиваются еще какие-нибудь черты язычества, но мы видим, однако, что между ничтожными нулес-муртятами, которых можно изжарить в костре, и между мудорами-воршудами, которые выродились у одних в кусочки сухих древесных ветвей, а у христиан обратились в иконы или в одно из наименований «Того, что на небе», – ни экспертиза, ни мифология Кобылина не сумели поставить того бога, которому могла быть принесена человеческая жертва: воршуду и лешим – уже не стоит, а тот, кого зовут Ин-Маром, уже ее не примет.

Что это наше предположение верно, это доказывает и сам г. Смирнов: Ин-Мар, Кылдысин и Квась, говорит он (стр. 240), слились с христианским богом Отцом, Сыном и Духом Святым; воршуды – с ангелами-хранителями, а отдельные святые – с духами явлений природы.

Слились, но старый обряд еще остался. «В селах вазовского уезда, – пишет г. Смирнов (на стр. 241), – распространены так называемые напольные молебны, в Панинском приходе около Троицы, в озимом поле перед началом пашни. Молебен пригоняется обыкновенно к воскресению; накануне, в субботу, совершается языческое моление. В поле устраивается скамейка для иконы и обставляется срубленными березками. Перед иконой служат Молебен и приносят жертву. В поле приводится жертвенный бык, купленный на общественные деньги, и здесь его колют. Жрец берет в руки березовую ветку и читает вотскую молитву, а в это время с мясом жертвенного животного варится каша для всей деревни. По окончании языческого моления приезжает православный священник, служит молебен и освящает жертвенные яства; по окончании молебна священнику подносят на блюде голову жертвенного животного, священник

кропит ее водой и делает на ней крест. Голова и внутренности поступают на угощение духовенства; остальное съедают молящиеся; кожа идет на церковь» (Смирнов – Вотяки. Стр. 241).

«При некоторых церквях Вятской губернии, – продолжает г. Смирнов, – как нам передавали, устраиваются специально жертвенники, напоминающие своим расположением вотские дзек-квалы; это палатки, в которых по краям расставлены скамьи, в середине – столы, уставляемые жертвоприношениями, которые, после благословения священника, тут же и доедаются с возлиянием кумышки. В Малмыжском уезде также весной в озимом поле закалывается бык, над которым сначала читается вотская молитва, а затем христианское благословение».

Ну, так вот и Мултан находится в Малмыжском уезде. А ученый профессор, сам написавший все это, ищет мудоров и воршудов, которым мултанцы приносили свои жертвы. И таких даже, которым, на основании сказок, приносятся будто бы жертвы человеческие! Г-н Смирнов забыл, что сказка может представлять простую окаменелость совсем другой антропологической формации, нахождение которой не доказывает, что соответствующая ей форма живет и теперь!..

Бог простит, вероятно, присяжным, слушавшим в первый раз в жизни слова ученого профессора, утверждавшего «с положительностью», на основании черемисских сказок, возможность человеческого жертвоприношения у современных вотяков-христиан. А пока очевидно, что Курбон Кобылина и урядника Соковикова, от которого отказался даже обвинитель на суде, не заменен никаким другим божеством, требующим человеческой жертвы. Мы вправе также совершенно отвергнуть сказочную теорию почтенного профессора и присоединиться к мнению г-на Богаевского и г-на Верещагина, который категорически заявил на суде:

– Вотское божество человеческой жертвы не требует.

По крайней мере до тех пор, пока на место кобылинского Курбона, который означает «моление», на место мудоров и воршудов, которые обратились или в иконы, или в сухие ветки, на место нулес-муртов, которых вотяк сам может изжарить на костре, на место сказочных ву-муртов, которые открыли на базах скромную торговлю рыбой, – нам не покажут какого-нибудь языческого бога, достаточно злого для того, чтобы потребовать человеческой жертвы, достаточно могущественного для того, чтобы ему ее дали! Бога, которого бы признавал весь вотский народ, потому что обвинение мултанцев истекает из признания

«обычая» у всех вотяков, основывается на слухах, собираемых не в Мултане, предполагает не переживание только, а настоящий культ, еще живой и общий всей вотской народности...

А между тем общего культа у вотской народности уже давно нет. «Типичный вотяк» профессорских лекций может становиться еще «более типичным» на страницах научных исследований; он, может быть, вспомнит даже тех «богатых и славных богинь», которые дали ему некогда воршудные имена. Но с живым инородцем происходит как раз обратное. Уже теперь есть местности, в которых умерла не только старая вера, но и старый обряд. Есть другие, где, быть может, жив не только обряд, но и самая вера. Вся остальная масса вотского населения располагается между этими крайними полосами, живая, изменчивая, пестрая. Старое в ней угасает, хотя, быть может, не вполне угасло, новое уже народилось, но еще не окрепло. Найти место Мултана в этом потоке, на пути от язычества к христианству, отыскать то, что еще живо от старых богов, или приурочить старый обряд к новой вере – вот какова была задача ученой экспертизы. К сожалению, она даже не попыталась ее исполнить.

Это осталось открытым вопросом в деле, переполненном сомнениями, наряду с другими, тоже неразрешенными вопросами: где же ночевал действительно Матюнин, в Мултане или в Кузнерке? Кем у него отнята голова: мултанцами или теми, кто с неизвестною целью надевал и снимал с него одежду уже в то время, когда убитый лежал на тропе? И не могла ли та же рука, которая все это делала неизвестно зачем, – вынуть также и внутренности из убитого в первые дни или даже в длинный промежуток времени между нахождением трупа (когда никто еще не знал, что у него нет сердца и легких) – и вскрытием, которое сделано через месяц?

Зачем это могло бы быть сделано? – спросит, конечно, читатель.

Здесь я старался лишь показать, что в деле и ныне осталось недоказанным самое существование у вотяков человеческих жертвоприношений. В другом месте и на основании других данных, в настоящей статье не затронутых, я буду доказывать, что это могло быть сделано с целью симуляции жертвоприношения, которая и достигнута тем, что все дознание, следствие и самый суд направлены по ложному следу.

А в результате – опасность страшной и уже окончательной судебной ошибки.

**Приносятся ли вотяками человеческие жертвы?
(письмо в редакцию «Нов. Времени»)**

М. г. В иллюстрированном приложении к № 7146 «Нового Времени» помещена заметка г. Дьяконова, пытающегося ответить положительно на поставленный выше вопрос. Она не дает ничего нового: что вотяки приносят еще до сих пор в жертву животных – этот печальный факт общеизвестен и только повторен многократно и в печатных отчетах по мултанскому делу, и в многочисленных корреспонденциях. Вопрос состоит лишь в том, можно ли сказать, что «от бычка недалеко и до человека», как говорил обвинитель в Малмыже и как, по-видимому, думает г. Дьяконов. Я полагаю, что для такого заключения нужны какие-нибудь данные, более точные и достоверные, чем «слухи, неизвестно откуда исходящие» (ибо слухи есть также о ведьмах, русалках и присухе), и установленные более беспристрастно, чем данные суда, дважды отменяемого сенатом. Жертвоприношение Исаака символически отмечает собою конец человеческой жертвы в Ветхом Завете, но еще при рождении Христа приносили в храме двух голубей или козленка для кровной жертвы. А между этими двумя фактами легли тысячелетия, в течение которых кровная жертва существовала без жертвы человеческой. Между тем память о последней, как видите, сохранилась в виде символа, который мы заучиваем в школах.

Странно поэтому читать «ученые соображения» г. Дьяконова, глубокомысленно приводящего пример, как «няня вполне просвещенных супругов забавляет их юное детище напеванием: “Ладо-ладошки, где были? У бабушки. Что ели? Кашку...” А кто из самых образованных людей, – продолжает г. Дьяконов, – не едал оладьев – этих вкусных штучек, но ведь и песня няни, и оладьи певались и говорились в глубокую старину в честь языческого бога Ладо». Из этого явствует, что и у вотяка должны быть переживания. Конечно! И они указаны с несомненностью в виде кровной жертвы. Нужно доказать только, что есть переживания и жертвы человеческой, а уж этого-то никакими оладьями доказать невозможно.

Если бы г. Дьяконов ограничился помещением рисунков вотского мольбища и легенд об его происхождении, то его можно бы только поблагодарить, хотя он и не дал бы ничего нового для решения вопроса. Если бы он прибавил к рисункам только «ученую» справку об оладьях, тогда можно бы, пожалуй, улыбнуться и пройти мимо. Но г. Дьяконов этим всем

не ограничился: он пытается подкрепить мнение о виновности мултанцев справками из печатного отчета – и вот это-то заставило меня взяться за перо, чтобы показать, какие «сплетни» распространяют по этому поводу люди, дерзающие порой с невежественным легкомыслием проникать с ними в прессу.

«Утверждать, что Матюнин убит не вотяками, а кем-то другим, – пишет г. Дьяконов, – конечно, можно, и это волен делать всякий. Но кем же?.. Где голова убитого? Где его внутренние органы, вынутые через шейный отрез? Ради какой цели на груди трупа оказался ряд симметрических уколов? Наконец, почему труп оказался обескровленным, чистеньким таким, вымытым, одетым и обутым во все новое?» Редакция, напечатавшая статью г. Дьяконова, позволяющего себе обвинять меня в искажениях отчета и в сознательной лжи, – вероятно, удивится, когда я скажу, что ничего подобного в моем отчете нет и что г. Дьяконов выдумал все, мною приведенное в цитате. Никаких симметрических уколов на груди трупа не было. Было «до десяти буроватых пятен на животе», вовсе не симметричных, которые все врачи (и вскрывавший, и эксперты) признали не следами уколов. Да и мудро было бы признать уколами пятна, с которых врачу пришлось соскабливать «верхнюю кожицу» (см. протокол вскрытия в отчете), так как всем известно, что на трупах уколы заживать не могут. Откуда г. Дьяконов взял свой «симметрический ряд уколов», я объяснять не берусь. Такой же выдумкой является и другое утверждение г. Дьяконова, будто труп оказался чистеньким, вымытым, обутым и одетым во все новое. Если бы г. Дьяконов потрудился хотя бы один раз заглянуть в отчет о деле, хотя бы только в один обвинительный акт, он убедился бы, что ни о чем подобном не было и речи. Совершенно наоборот, труп был одет во все старое и сильно поношенное: в старую синепестрядинную рубашу и штаны и в старый азым с заплатой. Рубашу Матюнина свидетельница Шушакова узнала на суде по прорехе, азым узнали по синей заплате, в общем же все свидетели только и признавали убитого по одежде, которую видели на нем раньше! Что касается обескровления, то от него отказался на суде сам врач, производивший вскрытие, а эксперт, г. Крылов, допускаявший его, вынужден был признать, что это «прижизненное» обескровление могло произойти лишь после отнятия головы «одним ровным, гладким, круговым обрезом».

Надеюсь, после всего сказанного я мог бы оставить совершенно без ответа обвинение в искажении отчета, исходящее от человека, который позволяет себе такое обращение с «печат-

ным материалом». Только важность вопроса, связанного с судьбой живых людей, заставляет меня говорить на эту тему. «Один из моих знакомых, – пишет г. Дьяконов, – бывший в суде в качестве присяжного, хотя и не участвовавшего в деле, говорил мне, что процесс изложен с большими неточностями. По этому изложению решительно невозможно сделать правильного заключения ни о показаниях врачей-экспертов, ни об образцовой речи прокурора, которая совершенно изуродована. Затем, после произнесения приговора, слов “коди кабак, кристос” и т.п. ни один вотяк не говорил, хотя лицо, передавшее мне это, сидело очень близко к скамейкам подсудимых».

На этом основании г. Дьяконов считает возможным обвинить меня в «прибавлениях для красоты слога». Я работаю в печати уже более десяти лет и еще ни разу никто не позволял себе заподозреть мою литературную честность. Редко я видел также, чтобы это делалось с таким поразительным легкомыслием, как это сделано в данном случае. Я не знаю, конечно, насколько грамотен присяжный, передававший г. Дьяконову свои впечатления. Но он-то, сам г. Дьяконов, берущийся за перо для печати, обязан был хотя бы прочесть то, за что кидает обвинения. А если бы он прочитал все это, то увидел бы, что фразы «коди кабак и пр.» нет в отчете; она помещена в моей статье в «Русском Богатстве», и притом не тотчас «после произнесения приговора», а в длинном промежутке между вердиктом присяжных и приговором суда. В моей статье сказано между прочим, что в это время большая часть публики уже удалилась, присяжные, истомленные трехдневным процессом, ушли еще ранее, – и таким образом то обстоятельство, что знакомый г. Дьяконова не слышал эту фразу, еще никоим образом не доказывает, что ее не могли слышать другие.

Надеюсь, на этом я могу покончить с г. Дьяконовым. «Среди обитателей вятского края, – пишет он, между прочим, – существует прочное убеждение в несомненности факта (человеческих жертвоприношений). На чем же оно основано? Неужели только на сплетнях и неосновательных слухах?» Да, именно на сплетнях и неосновательных слухах, лучший образчик которых и дает статья г. Дьяконова. Если человек, пишущий для печати, на основании печатного материала, так легкомысленно вносит в статью несуществующие факты и совершенно выдуманные улики, то чего же мы должны ждать от устной молвы, смутной, невежественной и неопределенной. И не ясно ли, что первая задача суда была оградить присяжных от этих слухов, первая за-

дача печати – внести в эту тучу слухов освещение, точность и критику.

Раз уже зашла речь об искажениях, я попрошу еще позволения сказать несколько слов по поводу «образцовой речи» и не менее образцовой работы г. обвинителя по мултанскому делу, сказавшейся в обвинительном акте. И то, что я скажу, не будет голословным, подобно обвинениям г. Дьяконова.

В отчете речь г. Раевского мною передана в сокращении, о чем сделана и оговорка. Восстанавливая ее для отдельного издания в целом виде, я наткнулся в своей записи на одно место, которое повергло меня в большое смущение. Перечисляя улики, относящиеся до каждого из подсудимых, г. обвинитель сослался на очень важное показание каторжника Голова, которому умерший вотяк Моисей Дмитриев сознавался будто бы в том, что убили нищего вотяки, и назвал при этом участников. Это показание, вообще довольно сомнительное, служит уликой против трех подсудимых: Дмитрия Степанова, Кузьмы Семенова и Василия Кузнецова. Г-н обвинитель в своей речи к этим именам прибавил четвертое – Василья Кондратьева, относительно которого остальные улики были совершенно ничтожны. Хотя я и не могу поспорить с г. Раевским в знании мултанского дела, однако все же знаю его настолько, чтобы припомнить, что в показании Голова имя Василия Кондратьева упомянуто не было. Поэтому, дойдя до этого места обвинительной речи, я усомнился в правильности своей записи – до такой степени казался мне невероятным факт подобного обращения со следственным материалом. А так как я знал, что будет очень много охотников оспаривать правильность нашего отчета, то уже занес карандаш, чтобы сделать оговорку и покаяться в этой непонятной для меня ошибке в черновых записях моих и моих товарищей. К счастью, мне пришла в голову мысль предварительно заглянуть в обвинительный акт. Представьте же себе мое изумление, когда и здесь я прочитал следующее: «Относительно участников, Моисей Дмитриев называл только себя и Дмитрия Степанова, затем, тогда в тюремный замок были заключены Василий Кондратьев (!) и Василий Кузьмин Кузнецов, высказался, что первый из них участвовал в убийстве, а второй стоял на карауле». Между тем в показании Голова говорилось о «Кузьме Самсонове и Василье Кузнецове». Таким образом, г. обвинитель совершенно произвольно заменил имя Кузьмы Самсонова, относительно которого были все-таки и другие улики, именем Василия Кондратьева, против которого улики гораздо слабее. Кажется, ком-

ментарии к этому факту излишни. Следует разве прибавить, что это не единственная «ошибка» обвинения по мултанскому делу. В том же показании Голова есть место, где говорится: «Моисей не сказал мне, в чей шалаш» (завели нищего), и это место в обвинительном акте цитируется так: «Моисей передавал, что убийство совершено в собственном шалаше». Или еще: «По исследованию, в корыте оказались волосы, сходные с волосами людей». Это якобы цитата отзыва, который в подлиннике однако заканчивается так: «...но отличаются от них большим развитием клеточных элементов кожицы. Такие волосы встречаются у домашних животных».

Если сказать, что это еще далеко не все «ошибки» обвинения по отношению к письменному материалу следствия, хотя, конечно, все остальное меркнет перед эпизодом с злополучным Василием Кондратьевым, то станет совершенно понятно, что речь, основанная на таких приемах, может произвести минутное, даже очень сильное впечатление, если сказать это все бойко и с одушевлением. Но то же самое, на холодном печатном листе, да еще снабженное комментариями, неминуемо производит совершенно обратное впечатление. Таково уже основное свойство прессы, и в этом, смею думать, ее лучшая сторона в подобных случаях.

Я кончил это письмо, когда с почты мне принесли номер «Вятского Края», в котором «из источника, заслуживающего доверия», сообщается, что будто мултанское дело будет слушаться в будущем феврале месяце, но не в Казани, а в г. Мамадыше, во время сессии казанского окружного суда. Трудно поверить этому известию, так как это значило бы, что все усилия вывести процесс из сферы влияния «местных толков и слухов» и привлечь к суждению о нем людей интеллигентных, — что было бы возможно в Казани, — остаются тщетными. А мы видели (хотя бы и на заметке г. Дьяконова), как эти «толки и сплетни» влияют на суждения о деле, заставляя даже людей, пишущих для прессы, читать в печатном материале совсем не то, что в нем написано.

Будем надеяться, что хоть на этот раз дело предстанет на суде в том виде, какой единственно достоин просвещенного суда в конце XIX века. Что хоть на этот раз не останется в нем ни тени тех порядков, которые заставили сенат два раза отменять решение присяжных. Вспомним, что опасность этого дела двусторонняя, что, кроме тьмы язычества, есть и тьма других предрассудков, что «слухами, неизвестно откуда исходящими»,

полны инквизиционные хроники средних веков, когда тоже жгли язычников и иноверцев за колдовство и чары, когда в атмосфере темных предрассудков бродили мрачные призраки. Разве тогда не было стариков Иванцовых (96 лет!), видевших своими глазами, как ведьмы летают в ступах на Брокен! Да, были и тогда очевидцы невероятного, как и теперь:

Это видели два стража,
Баба, шедшая на рынок,
Да причетник кафедральный,
Возвращавшийся с поминок.

СПБ, 20 января 1896 года

Толки печати о мултанском деле

Эту часть текущей нашей хроники мы начинаем под впечатлением известия об оправдательном вердикте по мултанскому делу.

История эта с внешней стороны в значительной степени известна нашим читателям. В Малмыже и Елабуге подсудимые вотяки были обвинены в принесении человеческой жертвы языческим богам. Сенат дважды кассировал дело, находя в нем такие существенные нарушения судопроизводства, которые внушали сильное сомнение в правильности самого приговора, поставленного на основании слишком одностороннего следственного и судебного материала. После второй кассации дело было изъято из Сарапульского округа и передано в Казанский. В печати появился отчет о заседаниях елабужского суда, послуживший материалом для суждений прессы и специалистов. Сомнение в виновности вотяков все крепло в обществе, а заключения специалистов отчасти приподымали завесу, опущенную над этой таинственной драмой вопиюще небрежным и односторонним следствием.

Тем не менее в газетах уже весной настоящего года появились известия, сначала показавшиеся весьма сомнительными, но впоследствии получившие полное подтверждение. Оказалось, что казанский суд назначил разбирательство в уездном городе Мамадыше, хотя и Казанской губернии, но расположенном на самой границе Малмыжского уезда, т.е. в сфере тех же «слухов и толков», ареной которых является этот последний уезд в течение вот уже четырех лет. Затем газеты принесли известие, что во всех ходатайствах защиты о вызове новых экспертов и свидетелей казанским судом отказано и что, таким образом,

дело предстанет перед присяжными совершенно в том виде, в каком оно являлось уже два раза: в Малмыже и Елабуге.

Затем из телеграммы «Русских Ведомостей» мы узнали, что 28 мая открылось в Мамадыше заседание выездной сессии под председательством г. Завадского. Обвинителем явился прикомандированный специально для этого дела тов. прокурора г. Раевский (обвинявший вотяков в Малмыже и Елабуге и руководивший предварительным следствием) и прок. казанского суда г. Симонов. Защита состояла из гг. Дрягина, Карабчевского, Короленка и Красникова. Это усиление состава защиты и являлось, если не ошибаемся, единственной чертой, отличавшей новое заседание от прежних: обвинение же усилило число ранее вызванных свидетелей одиннадцатью новыми.

Из той же телеграммы мы узнали, что защита предъявила вновь ходатайство о вызове с своей стороны свидетелей, в опровержение новых показаний, но ей в этом было отказано. В зале присутствовали профессора судебной медицины Казанского университета г. Леонтьев и Харьковского – г. Патенко, явившиеся сюда с научными целями, ввиду огромного интереса, возбужденного этим делом. С этой же целью приехал из Томска ученый этнограф С.К. Кузнецов. Защита просила суд воспользоваться этим благоприятным обстоятельством и дополнить экспертизу уездных врачей заключением признанных ученых специалистов.

Судом и в этом ходатайстве отказано.

Затем известия смолкли, и в течение восьми дней в далеком Мамадыше, в тесной и душной зале, едва вмещающей несколько десятков посторонних зрителей, разыгрывался третий (надеемся, последний) акт судебной драмы, которой предстоит надолго остаться в летописях нашего суда «конца XIX века». 4-го июня телеграфная проволока разнесла из Мамадыша во все концы России известие о приговоре: все подсудимые оправданы, и кошмар «человеческого жертвоприношения» рассеян. Судьбе угодно было, таким образом, обставить этот вердикт такой комбинацией обстоятельств, при которой он получает особенные, совершенно исключительные силу и значение.

Мы видели, что и в этот раз защита была обезоружена в то время, когда обвинение усилило кадры своих свидетелей на целую треть. Работы специалистов, вызванные появлением отчета, были совершенно устранены, и, наконец, двери суда были широко открыты для всевозможных слухов, «неизвестно откуда исходящих». И если, даже при этих условиях, суд присяжных, наконец, разобрался в тумане, окутавшем это таинственное

дело, и вынес свой вердикт, освободивший несчастных мултанцев от четырехлетнего заключения, а вотскую народность – от обвинения в существовании ужасного культа, – то это, полагаем, говорит ясно, где в этом деле правда!

Мы ждем полного отчета, который, надо надеяться, не замедлит появиться, и нам еще придется вернуться к «мултанскому молению». Да, это дело ставит еще целый ряд вопросов, на которые отрицательное решение присяжных, сформулированное в этих красноречивых словах: «нет, не виновен», – еще не дает нам ответа. Мы не говорим уже о полной бытового интереса и своеобразных красок этнографической стороне этого замечательного дела, не говорим и о специально-юридических вопросах, возникающих в изобилии на всем протяжении мрачной и трогательной драмы. Но нас, но все общество, но высшие юридические сферы, наконец, не может не интересовать глубоко тревожный вопрос о том, каким образом в течение четырех лет создавалось это обвинение, которое нельзя было доказать даже при таких исключительных, при таких односторонне-благоприятных обстоятельствах?

Уже из газетных отчетов, пока еще весьма неполных и отрывочных, выясняются некоторые черты предварительного следствия, которым, казалось бы, не должно быть места в нашем суде. Однако мы не имеем пока в виду подробно касаться и этой стороны дела. Не сомневаемся, что казанский суд обратит на них свое внимание. Нам дает право надеяться на это и отмечаемое газетами образцовое беспристрастие, сказавшееся в резюме председателя казанского суда г. Завадского. А пока мы только отмечаем факт оправдания и остановимся на некоторых замечаниях прессы, вызванных этим фактом.

В этом отношении отзывы печати единодушны. Сомневаться в правильности приговора, вынесенного при таких обстоятельствах, разумеется, трудно, а нарушение прав защиты, конечно, не может служить поводом для ослабления значения оправдательного вердикта. Если, таким образом, есть какая-нибудь почва для разногласий и споров, то она лежит в области не частного факта, а в сфере общих вопросов о значении его для оценки нашего суда вообще и института присяжных в частности.

Казалось бы, и в этом отношении дело довольно ясно. Закон недаром обставляет собрание и предъявление следственного материала известными гарантиями, без которых, по удачному выражению А.Ф. Кони, «мнение» двенадцати человек, сидящих

на судейской скамье, не может приобрести значение и силу «приговора». Если эти гарантии нарушались – вина не присяжных. Читатели, вероятно, заметили, что в нашем журнале нет ни одной строки, ни одного слова горечи и упрека по адресу присяжных. И это не результат доктринерского предубеждения, закрывающего глаза на значение живого факта; это – глубокое убеждение в том, что сами присяжные стали два раза жертвой изумительных следственных, а также и судебных порядков, практиковавшихся, скажем так, в Сарапульском судебном округе. Лица, бывшие на последнем разбирательстве дела, отзываются с глубоким уважением о том неослабавшем внимании, с каким в течение семи с половиной дней «десять мужиков, мещанин и дворянин» следили за всеми изгибами запутанного дела, за всеми тонкостями этнографической экспертизы, за всеми аргументами обвинения и защиты. И если бы, при одностороннем материале, предоставленном их вниманию, они еще раз вынесли обвинительный вердикт, – кто, по совести, мог бы поставить им это в вину, кто отнес бы на их счет грехи односторонне-обвинительного следствия и судебной процедуры, стеснившей в такой степени голос защиты?

Но присяжные вышли с честью из тяжелого испытания. Живым чутьем они различили, наконец, истину под грудой односторонне набросанных деталей. Таким образом, мултанское дело прибавляет лишь новое доказательство благотворности и жизненности суда присяжных. Суд людской – не божий. Присяжные – тоже люди и, конечно, способны поддаваться и молве, и предрассудку, и заблуждению. Тем важнее соблюдение всех законных гарантий, обеспечивающих достоверность судебного материала. Но разве не страшно подумать, что было бы, если бы вердикт был предоставлен тому самому составу сарапульского суда, который умел так обставить двукратное заседание. Нет, в данном деле вина двукратной судебной ошибки лежит, очевидно, не в институте присяжных.

Она не может быть также отнесена за счет действующих судебных установлений в целом, как это пытаются сделать «Московские Ведомости». Указав на двукратную отмену приговора и на то, что для этого понадобились, между прочим, экстраординарные усилия печати, газета делает вывод: «Нет надобности входить в обсуждение вопроса, кто виноват в подобных ошибках: следствие, суд или сами присяжные, но во всяком случае ясно, что при существующем порядке вещей гарантии правосудия оказываются весьма шаткими» («Моск. В.», № 55).

Что порядки, уже отчасти вскрывшиеся в мултанском процессе и ожидающие еще дальнейшего освещения, весьма плохо гарантируют правосудие, с этим, конечно, согласится всякий, кому дороги интересы справедливости и правосудия в нашем отечестве! Но если так, то тем более есть надобность отыскать источники этой шаткости, тем необходимее найти больное место нашего правосудия... К сожалению, все эти нападки на суд присяжных и на «дух судебных уставов» только мешают выяснению истинной причины зла, и в этом отношении заметка почтенной газеты представляется особенно типичной. И перед нею мултанское дело ставит «тревожные вопросы»: «допуская, что третий вердикт окажется последним и что он вполне согласен с требованиями справедливости», – автор невольно задается вопросом: чем вознаградить несчастных мултанцев за четырехлетние мучения? Далее: «что, если бы дважды судебное решение не дало сенату кассационных поводов или поводы эти прошли незамеченными?» Наконец, газета делает допущение, что «если бы не В.Г. Короленко, никакого отношения к суду не имеющий, то дело могло бы остановиться на первом или втором вердикте, и обвиняемые были бы невинно осуждены».

В этих пессимистических рассуждениях есть несколько очень крупных недоразумений и одна не менее крупная наивность. Первое из этих недоразумений касается роли В.Г. Короленко в этом деле. Как ни лестно для нас допущение, будто без влияния статей нашего сотрудника дело могло остановиться в первом или втором вердикте, но мы, быть может, с некоторым невольным сожалением, должны отказаться от этой иллюзии. (Эта статья была напечатана без моей подписи. – В.К.) Дело в том, что первая кассация мултанского дела в сенате последовала тогда, когда В.Г. Короленко не написал о деле ни одной строчки и когда огромное большинство прессы было далеко от каких бы то ни было сомнений в наличии печального факта. А так как второе заседание того же сарапульского суда (в Елабуге) лишь усилило отмеченные сенатом нарушения, – то вторая кассация была просто логической необходимостью, и, очевидно, ни о какой связи ее с теми или другими статьями прессы тут не может быть и речи.

Что же касается вопроса газеты: «что было бы, если бы суд не подал поводов для кассации», – то ответ так прост и ясен, что мы склонны считать наивностью самую его постановку. Поводы для кассации так примитивно внушительны, нарушения прав защиты так осязательны, так существенны и важны, что,

если бы их не было, то не было бы и надобности в кассации; если бы свидетели защиты были заслушаны на первом суде, то истина предстала бы и ранее, и полнее, чем она предстала теперь, и мултанцы были бы оправданы еще в Малмыже.

Нет, к счастью, как ни темно еще теперь мултанское дело, но один вывод из него совершенно ясен: не суд присяжных и не судебные уставы повинны в таких ошибках. Причина их в системе предварительного следствия и собирания доказательств, а отчасти и в том, что в магистратуру проникла в последнее время излишняя терпимость к таким приемам «подготовительных к суду действий», какие вскрылись, хотя, быть может, еще не вполне, во время мултанского процесса. В заключение этой заметки мы приводим самое «свежее» известие, относящееся к области «косвенных влияний» мултанского дела, и достоверность которого гарантируется уже самым источником, откуда мы его заимствуем. В одном из последних №№ «Вятских Губ. Ведомостей» сообщают, что в селе Кизнере, соседнем с Мултаном, повесился вотяк-десятский. Это было в то время, когда, перед судом, все еще «дополнялось следствие», и местный урядник употреблял десятского для каких-то действий по мултанскому делу. Несчастный повесился, чтобы избежать, как сказано в «Губ. Ведомостях», «посредничества между вотяками и начальством».

Не правда ли, какая печальная, но и какая знаменательная заключительная нота в этом глубоко мрачном аккорде... И неужели мы не узнаем, что это за «посредничество», которого требовали гг. урядники по мултанскому делу и от которого люди ищут спасения в смерти?!

1896

«Они судили мултанцев...»

Они судили мултанцев. Два интеллигентных человека и десять мужиков. Помню особенно деревенского мельника, внушительную славянскую фигуру, с белокурыми волосами, по-славянски подстриженными на лбу, и с голубыми глазами. Облик этого богатыря закрыл для меня все остальные лица. Помню, что я смотрел на него с большим сомнением и даже опасением. Крепкая, почти каменная фигура, с очевидно готовым мнением, с суровым взглядом на защитников, с глубоким убеждением против вотяков.

Раз взглянув в эти голубые, холодные глаза, я в качестве защитника инстинктивно обращался со всеми заявлениями уже только к нему. Мне казалось, что если мне удастся сдвинуть эту каменную фигуру, – с нею вместе сдвинется и вся остальная деревня.

Долго, первые пять-шесть дней процесса он сидел, уперши руки в колени, разостлав по груди русую волнистую бороду, неподвижный, непоколебимый и враждебный.

Наконец, на шестой день, при некоторых эпизодах судебного следствия, в его глазах мелькнул луч недоумения.

Потом он взглянул на меня, и в первый раз я заметил, что его настроение дрогнуло.

Когда мултанцев оправдали, я с Н.П. Карабчевским стоял у окна домика, где поселились все защитники, и увидел на другой стороне того же присяжного. Он имел вид человека, только что вырвавшегося из заключения: шел развалистой походкой и был очевидно слегка выпивши.

Увидев меня, он круто остановился, как будто в нерешимости. Я ему поклонился. Он опять оглянулся вдоль улицы заходистого городка и спросил:

– А к вам теперь можно?

– Можно, можно, – ответили мы. – Теперь вы уже человек свободный.

Он крепкой походкой медведя перевалился через немощную улицу и подошел к нашему окну. Сняв шапку и отвесив глубокий поклон, он подал затем в окно свою широкую руку и сказал:

– Ну, спасибо, господа. Вот я поеду к себе в деревню, расскажу. Ведь я, признаться сказать, ехал сюда, чтобы осудить вотяков. О-о-судить и кончено. Из деревни наши провожали. Ну, выпили, конечно. Соседи и говорят: «Смотри, брат, не упусти вотских. Пусть не пьют кровь».

Он широким размашистым жестом провел по груди в растегнутом кафтане и закончил:

– Теперь сердце у меня легкое...

ТЕНЬ ОДНОЙ ОШИБКИ

*Николай Матуковский,
«Известия», 27 ноября 1983 года*

В ночь на 9 июля 1981 года на озере Большое Осовище, что в Гомельской области, были убиты инспектор Мозырской межрайонной инспекции «Белрыбвода» Кузьменко Семен Дмитриевич и следователь Мозырской межрайонной прокуратуры Кузьменков Владимир Васильевич. Вначале обнаружили лодку и в ней – связку ключей с металлической печатью, на которой была надпись «Следователь прокуратуры 115», потом – сброшенный в воду мотор «Вихрь». Потом нашли и погибших.

Медицинская экспертиза установила: «Смерть наступила от асфиксии в результате утопления в воде». На обычном языке это означает, что обоих утопили живыми.

Весь полесский край был взбудоражен этим чудовищным известием. Такое здесь случилось впервые, и, понятно, делом профессиональной чести следственных органов было как можно скорее ответить людям на мучительный вопрос: кто же они, матерые убийцы?

Через несколько дней были арестованы местные жители: Николай Зухта, Леонид Володкович, Олег Галай, Владимир Денисов, Сергей Хорсеко.

Следствие велось долго – полтора года. Все обвиняемые в убийстве признались, как признались и в краже невода у рыбаков Мозырского рыбозавода.

Был суд

Троих приговорили к пятнадцати годам лишения свободы, одного – к восьми и еще одного, Хорсеко, который непосредственного участия в убийстве не принимал, – к двум годам.

Когда республиканские газеты сообщили о приговоре, в редакции посыпались звонки и письма от читателей, возмущенных мягкостью приговора. И уже шло к тому, чтобы внести протест, но...

30 апреля 1983 года, в 4.15 утра в дежурную часть Мозырского РОВД поступило радиосообщение патрульной машины. Лейтенант Мартинович и сержант Царенко докладывали, что на перекрестке двух дорог рядом с Мозырем они заметили грузовую машину «ГАЗ-51» (фургон) под номером 03–82. Машина

шла с незажженными фарами, хотя было еще темно. Патруль приказал машине остановиться. Однако водитель грузовика приказанию не подчинился, а, наоборот, увеличил скорость и свернул на проселочную дорогу.

В 4.20 поступило второе радиосообщение: «Машину преследуем». В 4.30 – третье сообщение: «Машину задержали. В кабине – двое, у водителя нет документов. Что делать?» Дежурный Пискун приказал: водителя задержать и вместе с машиной доставить в милицию.

Но прошел нас, полтора – на запросы дежурного лейтенант Мартинович и сержант Царенко не отвечали. В милиции поняли: произошло что-то серьезное, и объявили тревогу. В сторону перекрестка, откуда был получен последний сигнал, помчался усиленный наряд.

Напрасно в дежурной части ждали сообщений Мартиновича и Царенко. Они уже ничего не могли сказать. Оба были убиты. Лейтенант Михаил Александрович Мартинович получил восемь ножевых ран – в грудь, в спину, в кисть правой руки, которой пытался прикрыть сердце. С этими ранами он еще смог вырваться и пробежать восемьсот метров... Сержант Александр Платонович Царенко получил пять смертельных ударов и умер на месте сразу.

Неизвестные преступники положили тело сержанта в милицейские «Жигули», привезли в Мозырь и сбросили в реку Припять в 600 метрах от Примостовой площади. В спешке они обронили на берегу пистолет ТТ, принадлежавший сержанту Царенко.

Затопленные в Припяти милицейские «Жигули» были обнаружены и подняты через три часа. Тело лейтенанта Мартиновича нашли в 9.15. Поскольку номер грузовой машины лейтенант за несколько минут до смерти все же успел передать, то обнаружить неизвестных особой сложности не представляло.

...Ими оказались Крольчуки (подлинных фамилий мы не называем, пока суд не закончен. – *Ред.*): Владимир, Василий и Григорий – три родных брата и два сына Владимира Крольчука – Константин и Геннадий. Целый клан-банда; явление, мало сказать, редкое – исключительное.

Меж тем улики преступления были налицо – прямые улики. В фургоне находилась туша бычка, украденного братьями в совхозе «Прудок». Боясь изобличения, они и расправились с работниками милиции.

Однако следователь по особо важным делам Прокуратуры БССР Василий Федорович Борисов, несмотря на полное признание обвиняемых, не торопился с обвинительным заключением. Он искал новые и новые доказательства, разыскивал свидетелей. Выяснилось, что Крольчуки совершили одиннадцать краж и хищений до того, как попались на перекрестке дорог.

И еще выяснилось, что самого младшего, шестнадцатилетнего Гену, отец резиновой плеткой заставлял участвовать в кражах. (Эта плетель в качестве вещественного доказательства приобщена к делу). Геннадий ничего не утаивал.

Однажды, когда, казалось, уже были достоверно установлены все преступления Крольчуков во всех деталях, Василий Федорович в доверительной беседе спросил:

– Припомни, Гена, все ли ты мне рассказал? Не забыл ли чего? Твоя чистосердечность – это...

Парень задумался.

– Вроде все... Нет, подождите... А про невод я вам рассказывал?

– Нет, – слегка насторожился следователь. – Какой невод ты имеешь в виду?

– Тот, что мы уворовали у рыбаков два года назад...

– Где же? – все больше почему-то волнуясь, спросил тихо следователь.

– В Шестовичах. Невод был большой, и пришлось отрубить только часть. Рубили отец и дядьки, а я на берегу караулил... Где находился невод? Да в «сейфе». Ну, в ящике металлическом, в котором рыбаки снасти хранят. Отец замки взломал, и...

Следователь даже боялся поверить в мелькнувшую догадку, которая обожгла его.

– Вот еще что... Обойму с патронами я выбросил в школьный туалет. От пистолета ТТ. Мне брат приказал это сделать. Обойма с патронами у него под кроватью хранилась. Патроны я выщелкнул и отдельно побросал.

– А где пистолет?

– У брата. Он где-то прячет его.

– Откуда у него пистолет?

– Не знаю. Он появился у него тогда же, два года назад. Костя иногда брал его с собой, когда мы ходили скот воровать.

Константин Крольчук не отпирался. Даже показал место в овраге, где спрятал пистолет ТТ. Номера на всех деталях были тщательно спилены абразивными дисками, срезаны они были

и на обоях. Криминалистическая экспертиза безошибочно прочитала стертые цифры: 4153.

4153! Так ведь это же пистолет инспектора рыбнадзора Кузьменко Семена Дмитриевича, убитого вместе со следователем 8 июля 1981 года на озере Большое Осовище! Мало-помалу открылась во всех деталях и подлинная картина убийства.

В тот день инспектор рыбнадзора и следователь прокуратуры объезжали на моторке закрепленный за инспектором участок и застали четырех Крольчуков (младшего, Геннадия, с ними не было) за браконьерским промыслом, с сетями в руках. Подъехав вплотную к лодке браконьеров, записали ее и предложили всем сойти на берег отдать сети. А едва сошли – четверо Крольчуков набросились на инспектора и следователя и стали их избивать. Жестоко, насмерть. Потом затащили в воду и держали погруженными. Чтобы уже наверняка...

Следователь Борисов был истинный профессионал и поэтому не спешил с выводами. Он назначил экспертизы: судебно-медицинскую, дактилоскопическую, криминалистическую, физико-техническую, судебно-биологическую, судебно-психиатрическую. И только исчерпав все, даже мельчайшие неясности, позволил себе высказать убеждение: да, совершившие убийство двух работников милиции в апреле 1983 года, они же убили следователя прокуратуры и инспектора рыбнадзора в июле 1981 года.

Следствие закончено...

Но позвольте, а как же быть с теми, уже осужденными, – Николаем Зухтой, Леонидом Володковичем, Олегом Галаем, Владимиром Денисовым и Сергеем Хорсеко, осужденными... за убийство следователя и инспектора?

Совсем недавно их выпустили на свободу как людей, не причастных к убийству. А два года пребывания под стражей им зачли как наказание за браконьерство. Правда, и факт браконьерства остался недоказанным, но надо же было хоть как-то «списать» эти два года. Пять человек вернулись в свои семьи.

Ну да, что было, то прошло. И деликатней, быть может, умолчать, не напоминать, не теребить нервы. Но можно ли оставить без ответа: как могло случиться, что пятеро человек, причем мало знакомых между собой, оказались беспочвенно обвиненными в самом тяжком преступлении – убийстве? Будем уж честными до конца: представитель государственного обви-

нения на судебном процессе настаивал на применении к ним высшей меры наказания. Настаивал строго по букве уголовного закона: были убиты представители власти при исполнении служебных обязанностей.

Спрашиваю у члена верховного суда БССР В.В. Пыльченко, который председательствовал на этом процессе:

– Скажите откровенно: что все же остановило приговорить к высшей мере? Чувство гуманности?

– Не все улики были убедительны. Мы сомневались...

– Но ведь любые сомнения еще со времен римского права должны истолковываться в пользу подсудимого. Почему же в таком случае вы их все же приговорили к лишению свободы?

– Они признались в убийстве...

– Но разве голословные признания подсудимого без объективного подтверждения вины – основание для осуждения? Вы прекрасно знаете, что недоброе правило «признание – царица доказательств» навсегда отмечено советским правосудием? Признаться можно и вопреки фактам...

– Потому-то мы и прервали первое заседание и в своем определении потребовали доследования.

Да, дело было возвращено на доследование. Судьи, прокуроры, следователи – тоже живые люди. И они тоже могут ошибаться, хотя им это делать нельзя: слишком дорого может обойтись их ошибка. Но в данном случае – как это стало ясно теперь – ошибку допускали вполне осознанно. Очень уж хотелось всем побыстрее покончить с каверзным делом.

Теперь возникают и другие вопросы – почему в ходе следствия одних следователей заменяли другими? Ну, когда заменили двух следователей Гомельской областной прокуратуры, которые поначалу вели дело, это еще можно понять: хотели приобщить к следствию юристов более опытных.

Кстати сказать, именно таковым и был следователь по особо важным делам Прокуратуры БССР Николай Иванович Игнатович.

– Ну, а его-то вы почему отстранили? – спрашиваю у первого заместителя прокурора республики П.В. Дудковского.

– Мы его не отстраняли. Ему дали другое, более важное дело...

Увы, Игнатовича отстранили от следствия именно после того, как он на совещании в кабинете прокурора республики А.И. Могильницкого заявил, что не верит версии работников милиции, согласно которой убийцами названы пятеро задер-

жанных. Присутствовавший на совещании первый заместитель министра внутренних дел республики П.С. Жук назвал Игнатовича «мальчишкой», а его сомнения «несерьезными».

Тогда-то Игнатовичу и поручили «более важное дело», заменив его следователем по особо важным делам республиканской прокуратуры Николаем Васильевичем Станилевичем. Но стоило и тому высказать сомнения по поводу первоначальной версии, как отстранили и его. Нет, формально его тоже не отстранили (сколько же можно!), формально он значился даже руководителем следственной группы, но фактически «всем и вся» руководил следователь по особо важным делам Прокуратуры БССР Михаил Кузьмич Жавнерович. Вот он-то и повел дело вперед – без тени сомнений.

– А что заставило усомниться вас? – спрашиваю у Игнатовича.

– Прежде всего не было вещественных доказательств, которые бы указывали на вину подозреваемых в убийстве...

Зато в канве «уличающих» обстоятельств зияли «белые пятна», которые не могли не заметить даже начинающие следователи, а не то что по особо важным делам. Разумеется, при условии, что они хотели бы заметить. Сейчас это кажется невероятным: выведенные поодиночке на место преступления обвиняемые указывали совершенно разные пункты, причем на большом расстоянии один от другого. Элементарная логика: уж коли признались, то какая надобность «темнить» – где это произошло? Могла ли такая путаница не насторожить того, кто ведет следствие?

Еще один очевидный «прокол» в первоначальной версии – шестой обвиняемый Зборовский. Да, поначалу был и шестой, которого признавали главным организатором убийства. Затем было установлено, что в момент убийства Зборовский находился в Симферополе, всякое обвинение против него отпало. Казалось, затрещала по швам и вся версия, шитая белыми нитками. Но и это не насторожило. В срочном порядке принялись за поиски нового организатора. Им стал Николай Зухта. Но у него тоже вроде бы алиби. Значит, надо найти свидетеля, который мог бы видеть и видел в «тот момент» Зухту на реке. Такого свидетеля находят. Верно, вначале он говорил, что Николая на реке не видел. Но тогда – для более полного выяснения личности свидетеля – у него дома произвели обыск, нашли сети и приспособления для самогонварения. После этого свидетель на всех последующих допросах показывал, что не только видел Николая Зухту на реке, но даже махал ему рукой.

Это что? Случайные промахи или упрямое желание «во что бы то ни стало» доказать свое? Взглянем реально: первый заместитель прокурора республики П. Дудковский, опытный юрист, от начала до конца принимавший личное участие в расследовании по делу, конечно же, не мог не замечать всех этих противоречий и нарушений, допущенных в ходе дознания и следствия. По крайней мере, не имел права. Но нет, первый заместитель прокурора, он же и начальник следственного управления, ни одной «закавыки» в материалах следствия не усмотрел. И ничтоже сумняшеся поставил свою подпись в обвинительном заключении.

А дальше? На первом же судебном заседании все пятеро подсудимых от своих прежних показаний отказались и заявили, что дали их в результате воздействия на них недопустимыми методами. А Верховный суд БССР, как уже упоминалось выше, вернул дело на доследование, а в своем определении потребовал: проверить, не были ли допущены недопустимые способы ведения следствия?

Проверили – официально вроде бы не подтвердилось. Правда, на этот раз Дудковский не решился снова «завизировать» обвинительное заключение перед отправкой дела в суд. Он предложил сделать это прокурору республики А.И. Могильницкому. Отсутствие улик решили компенсировать авторитетом.

– Адам Иванович, – спрашиваю у Могильницкого, – неужели у вас не дрогнула рука в ту секунду, когда вы подписывали этот документ?

– Все сходилось на том, что убийцы именно они.

Спрашиваю у члена Верховного суда Пыльченко, который и второй раз председательствовал на процессе:

– Возвращая дело на доследование, вы поставили перед следствием ряд очень серьезных вопросов. Получили ли исчерпывающий ответ?

– Исчерпывающий? Нет, не получили...

И тем не менее дело к производству приняли.

Последним, с кем я беседовал, был первый заместитель председателя Верховного суда республики Лев Казимирович Зайцев.

– Да, меня удивило ходатайство работников МВД о том, чтобы не проводить суд в Мозыре. Обычно ведь бывает наоборот: просят о выездной сессии, чтобы судить преступника там, где он совершил преступление, тем более, где знают его в лицо. Суд превращается в мощный воспитательный фактор. Особенно поразило меня, когда с той же просьбой (только не в Мозыре!) обратился и Дудковский.

– Но вы же дали согласие на судебный процесс в Гомеле?

– Увы. Сначала отказал. Через несколько часов мне принесли официальную «челобитную» от первого заместителя министра внутренних дел. И уж если милиция и прокуратура сообща ходатайствуют, какие у меня основания не удовлетворить их просьбу?

Но теперь-то налицо все основания говорить о том, что была допущена грубейшая судебная ошибка, ничем и никем не извиняемая. Недобросовестность предварительного следствия – никакое не оправдание судебной близорукости. В конечном счете повинен суд. Хотя, конечно, истоки этой ошибки – в недобросовестном дознании и следствии...

А на днях состоялась коллегия прокуратуры республики. За ошибки, допущенные при ведении следствия по убийству инспектора рыбнадзора С. Кузьменко и следователя прокуратуры В. Кузьменкова сняты с работы заместитель прокурора Гомельской области С. Толкачев и следователь по особо важным делам Прокуратуры БССР М. Жавнерович. Несколько человек получили выговоры.

И все.

Не принимать же строгие меры к самому себе, первому заместителю прокурора республики П. Дудковскому, который руководил этим следствием? Не распекать же самого себя прокурору республики А. Могильницкому, который отмахнулся от докладной следователя Игнатовича о процессуальных нарушениях следствия?

В общем-то, перед нами – классический пример «шорного зрения», когда следствие идет по ложному следу. Тут мало сказать, что ни в чем не повинные люди страдают. Еще страшнее, что настоящие-то преступники остаются на свободе, что, уверовав в свою неуязвимость, они совершают новые преступления. Крольчуки после убийства инспектора и следователя (подчеркиваю: после) смогли совершить одиннадцать краж, убили двух работников милиции.

Вот какова цена одной ошибки. И потому даже тень ее под светом восторжествовавшей истины тяжела и печальна. И потому трудно было писать. Но я решился на это во имя справедливости, неминуемое торжество которой есть закон нашей жизни.

*Н. Матуковский, соб. кор. «Известий»,
Мозырь – Гомель – Минск*

ВЗЯТКА

*Или постепенное превращение гражданина Беларуси
в подследственного, потом обвиняемого,
потом заключенного. И все только потому,
что он производит картошку...*

Никто ни от чего – включая суму и тюрьму – зарекаться не должен. Покончив с этой незамысловатой истиной, перейдем прямо к делу...

Собирание камней

Итак, гражданин Беларуси Геннадий Лукашевич девять лет назад стал фермером в родном Ошмянском районе. Пятьдесят гектаров земли ему дали легко. Правда, довольно легко – тогда землю давали почти всем.

Но не все хотели, не все брали и уж тем более не все умели. Лукашевич, выходец из крестьян, много лет до этого проработавший в мелиоративных организациях, умел и цель свою видел четко. Тем более, что была она проста: на своей земле растить картошку, овощи, зерновые. Сбыт на них есть всегда и беспокоиться особенно не о чем – только работай.

Конечно, вначале нужно было привести участок в порядок. Потому что земли были самые бросовые из всех бросовых в Ошмянском районе. Камней на них оказалось столько, словно ледник прошел не века назад, а только в минувший понедельник.

То, что помельче, собирали и вывозили. Но много оказалось и «потайников»: камней в полтора – два метра ростом на глубине 20–30 сантиметров. Лемеха плугов на них ломались с хрустом, как ломается неокрепший зуб на случайно оказавшемся в бифштексе маленьком гвоздике...

С «потайниками» приходилось повозиться: рядом выкапывали яму и хоронили каменюгу глубоко за пределами пахотного горизонта.

Но камни были только первой проблемой. Главное оказалось плодородие. Гектарах на десяти оно держалось на уровне 10–15 баллов. Все остальное – ниже. Даже теоретически расти там ничего кроме реденькой травы не могло.

Пришлось сажать и потом запахивать люпин, возить откуда только можно торф. По счастью, при попытке выкопать на этих

землях озеро (как истинный мелиоратор Лукашевич не мог без воды) обнаружился свой торф. А потом, когда озеро зарыбили, появилась возможность брать еще не сапрпель, но уже ил.

Это требовало сил и денег. Все, что выручали за продукцию, вкладывали в землю. Тамара – жена Лукашевича, как женщина реальная, о бриллиантах с фермерских трудов не мечтала. Но на приличную шубу рассчитывала. Как выяснилось, пока напрасно...

Словом, с плодородием многолетними усилиями тоже все стало становиться на места. Выращивались зерновые, картошка, овощи. Закупили кое-какую технику. Установились связи по сбыту.

Лукашевич, который всю жизнь проработал в государственных организациях, продукцию всегда продавал им же. Даже иногда в ущерб выгоде. Картошку возили, как правило, в Минск, на Прилукскую, где мелкооптоторговая база. С зерном разбирались на месте.

Хуже было с овощами. Пытались выращивать свеклу, капусту, кабачки, огурцы... Выяснилось, что никому это не надо.

Лукашевич пытался заключать договоры с государственными перерабатывающими заводами в Солах, Ивье... Там работать по договорам не захотели. Но обещали брать и так... Привози, купим.

Поверил, вырастил без договора огурцы – в Ивье пообещали, что обязательно возьмут. Пять тонн засолили – и сегодня стоят в подвале... Пропадают.

Государство – это кто?

...Эта весна началась с того, что хозяйство осталось без удобрений. А их нужно было немало, потому что работали уже на 70 гектарах и в двух, по существу, хозяйствах. Дело в том, что пришел из армии сын и тоже захотел работать на земле. Отец порадовался и стал оформлять бумаги на отдельное крестьянское хозяйство. Их, было, приняли уже к регистрации, выделили землю. Но тут президент скомандовал регистрацию приостановить. В районе приостановили и пообещали: продолжится регистрация – они сообщат. А земля стоять не должна. На ней можно работать. Эти 20 гектаров засадили картошкой.

Весной из исполкома позвонили: можно продолжить регистрацию. Но начинался сев и решили с формальностями повременить.

...Да, удобрений не было. Но было около 15 тонн выращенной на землях сына картошки. Если продать хотя бы по цене в 110 рублей килограмм, как предлагали государственные заготовительные организации, проблема решалась, что называется, тук в тук! И Лукашевич начал звонить по знакомым адресам.

Но на Прилукской в Минске ответили: картошка не нужна. У самих осталась старая.

Кинулся в воинскую часть – там сказали, что с дорогой бы душой, но им рекомендовано покупать только у колхозов.

В местной заготконторе купить картошку тоже отказались. Но пообещали найти людей, которых это количество заинтересует.

Люди оказались азербайджанцами. Платили меньше, чем госструктуры, – всего только 85 рублей за килограмм. Но выбора не оставалось. Тут же договорились, азербайджанцы привезли сетки, и Лукашевич нанял людей затаривать. Делалось это в разных местах, поскольку своего хранилища не было и картошка хранилась по подвалам у сельчан. Попутно покупатели попросили «организовать» пару справок от местных жителей, что картошка их, с приусадебного участка – так легче вывозить за пределы республики. Что, как известно, обставлено кучей ограничений.

Лукашевич без удовольствия, но попросил нескольких пенсионеров сделать это. Поскольку бумажки в принципе ничего не меняли: картошка Ивановича, он ее продает куда хочет... По этой причине люди помочь хорошему человеку не отказались.

Загрузили фуру – она оказалась неполной. Лукашевич проехался по окрестным деревням, нашел еще продавцов, отвез им сетки...

На этом, в принципе, закончилась самая рутинная на свете операция: производитель Геннадий Лукашевич, человек, который вырастил картошку, продал ее покупателям, лицам, правда, «кавказской национальности». Но также правда и то, что продавать именно «лицам кавказской национальности» выращенную на своей земле картошку не запрещено. И утром 17 мая с совершенно спокойной совестью с ними расстался. А почему, собственно, совесть у него должна была быть беспокойной?

...С этого момента события понеслись, как крутая иномарка с полупьяным сопляком за баранкой.

Фуру задержала милиция, и уже вечером Лукашевич по этому поводу давал объяснения. Ему предложили прийти наутро – он пришел. Следователь Александр Шимкус с места в ка-

рьер обвинил в подделке документов (имелись в виду справки о том, что картошка с приусадебных участков), в незаконном вывозе картошки. А поскольку все происходит на территории приграничного района, то и в контрабанде.

Лукашевич, свято уверенный в праве продавать свою картошку, рассказывал все как было и контрабандистом себя не считал. Его отпустили, сказав, что продолжают допрос (уже допрос!) в 12 часов дня.

Едва пришел домой – телефонный звонок: мужской голос сказал, что это по поводу картошки и просил подойти на площадь. Все еще спокойный Лукашевич пришел. Там стояли две очень красивые иномарки и 6 или 7 мужчин.

Лукашевич подошел и протянул руку: вот он я, пришел.

За руку здороваться с ним никто не стал. Зато очень спокойно объяснили: фура и товар арестованы. Фура стоит 20 000 долларов, сколько стоит товар – он знает сам. Если все конфискуют, пусть Лукашевич помнит: это уже проблема не их, людей в красивых иномарках, а его и его семьи.

Как он будет рассчитываться, никого не интересует. Но если не хочет рисковать своей и близких жизнями – пусть думает.

После чего, опять же не прощаясь, мужчины сели в машины. Которые описали изящный полукруг по площади с абсолютно бестолково здесь выглядящим «вождем мирового пролетариата» и укатили в сторону кольца на большой дороге. Откуда можно при желании уехать хоть в Вильнюс, хоть в Минск, хоть в маленький, но гордый городок Сморгонь.

Теперь уже Лукашевич покрылся холодным потом. Незадолго до этого в одной из деревень под Ошмянами была буквально в клочья растерзана женщина. Говорят, из-за долгов. Это зрелище встало перед глазами и руки разом ослабли, а ноги отказались ходить.

Два часа назад уверенный в своей правоте, он с ужасом почувствовал: его куда-то затягивает, он не может ничего сделать! Теперь все зависит не от него, как всегда было в нелегкой крестьянской жизни. А от этих людей, от следователя Шимкуса, от бог весть чего еще.

Пришел домой, там все было спокойно. Сын, незадолго до того сломавший ногу, сидя на табуретке, пытался возиться в машине – «Ауди» 87-го года. Жена Тамара посоветовала поехать и не мучиться особенно – подумаешь, картошку продал!

...В 12.00 он был у следователя. Тон разговора стал еще строже: статья такая и такая УК...

Тогда Лукашевич взмолился: выпустите! Не меня, машину! Век буду вам благодарен!

И тут прозвучало:

– Мне твоя благодарность не нужна! Сформулируй ее в конкретную сумму и приноси к 16 часам!

Надо сразу отметить: Шимкус от разговора с автором на эту тему отказался. И, читатель, здесь изложена точка зрения только одной стороны. Утверждать, что на самом деле все было именно так, автор не может.

Но факт, что Лукашевич, выйдя от следователя, пошел по знакомым одолжать деньги для взятки.

Свидетельствует Вячеслав Романовский, сосед:

– Да, пришел Иванович ко мне. Говорит, Шимкус денег требует. Одолжи 200 долларов...

У Романовского таких денег не оказалось, и пришлось идти дальше.

...К 16.00 братья Лукашевичи – Геннадий и Петр, сельский культработник, – на очень старой «Волге» Петра подъехали к милиции. У них, никогда не дававших взяток, хватило ума прийти вначале без денег:

– Давайте спустимся к машине, посидим, там вопрос решим...

– Некогда мне ходить, я на рабочем месте. Несите все сюда...

Геннадий Лукашевич обреченно вздохнул и вернулся за деньгами. Принес. Во время передачи денег открылась дверь, заработала видекамера, засверкали блицы фотоаппаратов...

Потом был допрос до часа ночи. Совершенно обалдевший Лукашевич рассказывал следователям какую-то чепуху, потому что боялся подставить Александра Шимкуса: ему казалось, что все произошло без его участия...

Провел бессонную ночь в тюрьме, потом опять допросы, очная ставка. И только услышав, как следователь рассказывает, что Лукашевич не давал ему жителя, навязывая деньги. Как он, Шимкус, предупреждал об ответственности за взятку... Только после этого рассказал все как было.

После 72 часов в КПЗ его отпустили под подписку. А недавно предъявили обвинение по статье 170, п. 1, Уголовного кодекса: *дача взятки должностному лицу с целью уклонения от налогов*. Взятка доказана, тем более что фермер все добросовестно рассказал. Что делать, он всю жизнь растил картошку, никогда не имел дел с милицией и не знал, что чистосердечное признание смягчает наказание, но увеличивает срок.

«Лица кавказской национальности» давно уехали по своим делам. Докупив, попутно, недостающие тонны картошки у населения и щедро расплатившись. Вопросов к ним у следствия нет.

За эти дни Геннадий Лукашевич совсем поседел. Собственно, он сейчас белый как лунь. Начало болеть сердце, пришлось полежать в больнице.

Помочь ему некому. По привычке веря в пошлые стереотипы о «батьках» во власти, он сходил к Витольду Кудырко, председателю местного исполкома. Казалось, надо только рассказать ему о честной – у всех на глазах – жизни и тот даст команду, все изменится и станет как всегда. Но Кудырко час продержал его в приемной, слушать, как водится, не стал – он слушает вообще редко кого, кроме себя.

– Корова есть? – спросил только «батька» Кудырко.

Ничего не понявший Лукашевич моргнул глазами.

– Идите, не мешайте.

И Лукашевич ушел.

...Дело медленно и неотвратимо движется к суду. Взятка, повторим, доказана и, формально, сажать Лукашевича уже есть за что. А доказать, что его спровоцировал следователь Шимкус, он не сможет никогда в жизни.

Правда, есть вопросы, на которые трудно ответить, например: зачем Лукашевичу было давать взятку в 200 долларов, чтобы скрыть налог, если налог с той картошки должен был составить, по подсчетам специалистам, всего 50 долларов?

Когда Лукашевич мог скрыть наличные деньги от налога, если в первый раз его пригласили в милицию в тот же день, как деньги были получены? А задержали на следующий день...

Кому помешал фермер Лукашевич, который растит свою картошку и у государства ничего не просит? Более того, платит налоги, платит наемным работникам и местным пенсионерам, которые ему помогают. И кому нужно, чтобы уже было налаженное хозяйство его теперь разворовывалось? Пока хозяин ходит по милициям...

Как могло получиться в государстве, что человека, который всего лишь растит и продает картошку, сделали преступником?

И еще вопрос: наше государство – это кто? Это нечто такое, что для человека? Что помогает ему, защищает? Или наоборот, наше государство – чудовище, которое пожирает собственных граждан? Тем более, что, по данным Союза фермеров Беларуси, такого рода случай не первый и не последний.

Для информации: по принятому в соседней Литве Закону о фермерских хозяйствах, фермер имеет право продать любую произведенную им продукцию без всяких регистраций и разрешений. Форма оплаты – наличная, безналичная – значения не имеет.

Что касается картофеля, то, по утверждению зав. отделом сельского хозяйства Шальчининкайского района Литвы Станисловаса Лебедиса, его давно продают только за наличные. К проблеме налогов это никакого отношения не имеет, поскольку здесь платят единый налог за землю. И от него местные власти, чаще всего, фермера освобождают.

Кстати, никакую бухгалтерию фермер, по законодательству, вести не обязан.

*Анатолий Гуляев,
«Народная воля», 28 июля 2000 года*

ФЕРМЕР ЛУКАШЕВИЧ ОСТАЛСЯ НА СВОБОДЕ

*Послесловие к статье «Взятка», опубликованной
в «Народной воле» 28 июля 2000 года*

...Сюжет этой истории предельно драматичен. Фермер Геннадий Лукашевич, много лет занимавшийся выращиванием овощей и картофеля, нынешней весной попытался продать свой товар покупателям из России. Что не запрещено, но обставлено множеством формальностей.

После совершения сделки фура с картофелем была задержана сотрудниками милиции. Лукашевича, приглашенного для дачи показаний, обвинили в ряде нарушений формального порядка. И, по его словам, сотрудник правоохранительных органов Александр Шимкус пригрозил тюрьмой.

Помимо этого, покупатели оплаченного уже картофеля предупредили Лукашевича о возможной расправе, если задержанные фура и товар (общей стоимостью более 20 000 долларов!) будут конфискованы:

– Ты нас подставил, и теперь это проблемы твои и твоей семьи!

За «разборками» в наше время дело не ржавеет – и трупов, и людей, пропавших абсолютно без всякой вести на просторах родной Беларуси, вполне достаточно. И оказавшийся между мо-

лотом и наковальней Геннадий Лукашевич обратился к Александру Шимкусу с просьбой освободить хотя бы машину. На что получил, по его словам, ответ:

– Мне не нужна твоя благодарность. Сформулируй ее в конкретную сумму и приноси к 16 часам!

Надо отметить, взяточничество в наше время распространено чрезвычайно, поскольку получающее мизерные зарплаты чиновничество тоже хочет жить не очень плохо. Решение ни одного, практически, серьезного вопроса без «барашка в бутылке» не обходится. Что в аргументации не нуждается – множество примеров и в прессе, и в материалах уголовных дел.

Размахивания по этому поводу руками и гневные филиппики со стороны главы государства создают, как всегда, не более чем мелодраматический эффект, который приводит только к тому, что суммы взяток становятся больше. Чтобы было из-за чего рисковать.

...Словом, Геннадий Лукашевич пошел по Ошмянам одолжать деньги на взятку. После чего, как велено, в 16.00 часов был у Александра Шимкуса. Где его уже ожидали с видеосъемками, понятыми и пр. Затем задержание, местный СИЗО, обвинение в попытке дать взятку с целью уклонения от уплаты налогов...

Таким образом, человек, проблема которого только в том, что он выращивал картошку, последовательно превращался в подсудимого, потом обвиняемого... После чего прямая дорога была в тюрьму. Поскольку законодательство на этот счет шутить не любит.

...Итак, 10 августа начался суд над фермером Геннадием Лукашевичем. Чем были для него и его семьи 4 месяца между задержанием и судом – лучше не спрашивать. Он сам, жена и дети утратили не только покой, но и здоровье, и сон. В том числе потому, что непостижимым образом оказались вдруг в изоляции. Ведь законопослушные граждане Беларуси смертельно боятся проблем, и на самом деле толерантность наша выражается в основном в том, что мы «сдаем» соседей, знакомых и даже родственников без всякого зазрения совести.

Здесь же, в деревне под Ошмянами, старики рассказывают: сразу после войны, как только прошла коллективизация, в деревне, где у Лукашевича теперь фермерское хозяйство, образовался колхоз. Естественно, ссыпали в общий амбар какое у кого было зерно – все под метлу. А потом перед религиозным праздником народ пошел к избранному председателем местному же старичку: дай хоть по мерке!

А председатель, напомним, сам был старичок местный, обычай знал – что за праздник без хлебного самогона? Да и полдервни родственников – кого бояться? Дал.

После чего на него немедленно «настучали», старичка увезли «энкавэдэшники» и больше его уже никто не видел и о судьбе никто ничего не знает по сегодняшний день. И, между прочим, знать особенно не стремится.

...То есть большинство знакомых начало обходиться с Лукашевичами весьма деликатно, чтобы, не дай бог, кто не подумал, что слишком близки.

И еще один момент – то ли трагический, то ли забавный – это уж как кто отнесется. В первый же вечер, как только в Ошмянах узнали, что Геннадий Лукашевич задержан, к его жене Тамаре, симпатичной медичке, абсолютно ошалевшей на тот момент от происходящего, только на валерьянке и державшейся, валом повалили знакомые:

– Отдай долги!

Между прочим, уважаемый читатель, мы с вами имеем обыкновение накапливать долги. Небольшие, полузабытые, несущественные (от бутылки водки до бутылки подсолнечного масла...), не отданные часто только потому, что «не горит», никто не торопит и пр. Так вот знайте: если, не дай бог, с вами случится что-то в этом роде, к вам пойдут в первую очередь не с предложениями помощи, а с требованиями отдать долги! Пока вас не посадили...

Между прочим, также на суд не пришел ни один коллега фермер, за исключением приехавшего из Минска председателя Союза фермеров Константина Ермоленко, ни один прежний товарищ по работе...

То есть автор четко понимает, что сказанное не укладывается в слезливую концепцию белорусской толерантности и прочих высоких нравственных ценностей нашего брата белоруса. Пусть читатель меня простит, а тот, кто не согласен, поправит – но так, в данном конкретном случае, было.

...Да, семья дождала до суда. К этому моменту была опубликована в «Народной воле» приведенная выше статья. Эффект она произвела большой, обсуждалась широко. В том числе, как автору стало известно, и на очень высоком уровне.

Основной мотив: что они там, в Ошмянах творят перед выборами? Хотят поссорить нас с народом?

С Лукашевичем встречался и на сей раз выслушал его председатель исполкома Витольд Кудырко.

Потом начался суд. Судья Виталий Казакевич внимательно изучал дело и, как и прокурор, относился к подсудимому уважительно. Что закономерно: авторитет честного труженика у Геннадия Лукашевича в Ошмянах действительно беспорен.

Показания основного свидетеля обвинения Александра Шимкуса, по мнению автора, выглядели абсолютно беспомощно. Тем более что блестяще проведенный процесс адвокат Григорий Лепшей задал ряд вопросов, на которые Шимкус ответить не смог и оперировал понятием «Не помню!». А если верить тому, что он говорил в промежутках между «Не помню!», то оказывается, что с Лукашевичем он практически не беседовал, давления на него не оказывал. И почему, собственно, Лукашевич именно к нему пришел со взяткой, в 5 раз превышающей сумму налога, который он якобы хотел не уплатить, – покрытая мраком тайна.

В результате суд признал Геннадия Лукашевича виновным и определил наказание в 3 года с отсрочкой исполнения приговора на год.

Такой результат представляется автору оптимальным. Тем более что факт взятки был. А факт ее провоцирования доказать невозможно.

В Ошмянах общественное мнение приговор восприняло с удовлетворением и с Лукашевичами опять начинают здороваться даже те, кто одно время сторонился. Все говорят, что понимают его и понимали всегда.

Сегодня семья Лукашевичей приходит в себя. Через год, а может даже и через полгода судимость будет снята и все вернется на прежнее место.

Впрочем, не все.

Никто не вернет Геннадию Лукашевичу помимо утраченного здоровья еще и того, что было разворовано, пока он ходил по милициям: детали к тракторам и сельхозтехнике, семена, стройматериалы...

Никто не вернет того, что по той же причине не было посеяно, а значит, и выращено.

Никто не вернет былой веры во власть как что-то эдакое, которое защищает и оберегает. И в политику, которой если не занимаешься, то и она к тебе отношения не имеет.

На самом деле, власть – не бог, не царь и не герой. А значит, как поется в известном пролетарском гимне, и «добьемся мы освобожденья» исключительно своею собственной рукой. Без помощи всякого рода «батек»...

А политика – если ты ею не занимаешься сегодня, то она займется тобой завтра...

Ну и еще одна проблема: во всем цивилизованном мире главный человек – это производитель. В данном случае – Геннадий Лукашевич. От его благополучия зависим мы все, весь народ. Чем богаче производитель – тем богаче народ. Чем сильнее и увереннее производитель – тем сильнее и увереннее народ... И так далее.

Но в нашей стране Геннадий Лукашевич (понимай – производитель) абсолютно бесправен. Любой чиновник может довести его до разорения и тюрьмы – что едва не произошло с Геннадием Лукашевичем.

Сейчас чиновники в Ошмянах говорят, что Лукашевича понимают. Автор считает, что, не будь огласки этого дела, его понимали бы иначе и все обернулось бы вполне трагично.

*Анатолий Гуляев, газета «День»,
16 сентября 2000 года,
Минск – Ошмяны – Минск*

ТРОСТЕНЕЦКАЯ ТРАГЕДИЯ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ГОДЫ

По оценочным сведениям, в Минске сегодня находится не менее 8 мест массовых расстрелов периода 1920–1940-х годов. Расстрелы производились также еще в не менее 40 населенных пунктах республики. А сколько мест массовых захоронений и расстрелов еще не выявлены до сих пор?

Предыстория

До сих пор известны далеко не все места захоронений жертв сталинского террора. Массовые расстрелы проводились в урочище Куропаты и в районе Лошицы. Одиночные расстрелы велись на Кальварийском кладбище, а трупы под покровом ночи закапывали в уже имеющиеся могилы. Еще одно захоронение, о котором известно немногим, было обнаружено во время строительства станции метро «Пушкинская». Там, для пущей конспирации, в скотомогильнике, где были зарыты зараженные сибирской язвой животные, лежали трупы 300 железнодорожников, расстрелянных в 1937 году по личному приказу наркома

Кагановича (захоронение было уничтожено при строительстве метрополитена. – И.К.).

В период 1937–1941 годов массовые расстрелы проводились также в районе нынешней промышленной зоны Шабаны и в районе урочища Благовщина. Несмотря на то что в Благовщине оккупанты во время войны расстреляли более 140 тысяч мирных жителей, это не дает права забывать о сотнях и тысячах наших сограждан, расстрелянных сотрудниками НКВД в 1937–1941 годы.

Как относятся белорусские власти к этой проблеме, наглядно свидетельствует дело о массовых расстрелах органами НКВД людей еще до начала и в начальный период Великой Отечественной войны.

Вспомним хотя бы такой примечательный факт: в апреле 1999 года было завершено четвертое следствие, проведенное по факту обнаружения массовых захоронений в лесном массиве Куропаты. Но до сих пор его результаты так и не обнародованы. Тем не менее «немецкий след», ради обнаружения которого военной прокуратурой по требованию «общественности» в очередной раз было проведено новое следствие по старому делу, найден так и не был.

Несмотря на то что Куропаты – одно из самых громких и известных дел в постперестроечной истории Беларуси, результаты последнего следствия так и не были доведены до сведения общественности. Архивно-следственное дело засекречено до сих пор.

Только после неоднократных требований ряда общественных организаций в ответе на очередное обращение 7 декабря 2001 года республиканская прокуратура фактически подтвердила, что «как первоначальным, так и дополнительным расследованием установлено, что в 1937–1940 годах органами НКВД из мест заключения вывозились в урочище Куропаты люди и там расстреливались...».

Рассекретить материалы дела и опубликовать его результаты в средствах массовой информации прокуратура отказалась, ссылаясь на «отсутствие достаточных оснований».

Впрочем, само отсутствие информации уже говорит о его результатах. В ходе многочисленных проверок и экспертиз были полностью подтверждены результаты предыдущих расследований.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что исход куропатского дела не удовлетворяет тех, кто упорно не желает слышать

правду о трагическом прошлом Беларуси. Тем более можно предположить их реакцию на расследование обстоятельств гибели наших людей от рук палачей из НКВД в районе бывшего нацистского лагеря уничтожения. Все остальное уже ясно...

Что же произошло в этом районе более 60 лет тому назад?

Что произошло?

С осени 1941 г. в окрестности деревни М. Тростенец (тогдашний колхоз имени К. Маркса) стали прибывать первые транспорты со смертниками. Возможно, место было выбрано не случайно. Еще в июньские дни 1941 года части НКВД конвоировали по Могилевскому шоссе колонны арестованных из минских тюрем, а также жертв энкавэдэшной «зачистки» первых дней войны.

Конвоировали не дальше ближайшего леса, а это и были окрестности Тростенца. Ранее, в конце 1930-х годов, по свидетельствам очевидцев, были отселены хутора в районе того самого урочища Благовщина. Часть территории вблизи Могилевского шоссе отошла под охраняемый НКВД объект. Оттуда по ночам нередко доносились выстрелы.

Под Минском в урочище Благовщина не только фашисты расправлялись с мирными гражданами, здесь также немало «положили» своих соотечественников в предвоенные годы энкавэдэсты.

Известно, что перед вступлением оккупантов в Минск все заключенные и находящиеся под следствием за совершение так называемых «контрреволюционных преступлений» были вывезены из города несколькими колоннами по 2–4 тысячи человек. 25 июня одна из колонн была расстреляна в районе Благовщины, другая 26 июня за Червенем. Аналогичные расстрелы были произведены в июне 1941 года и в ряде населенных пунктов Беларуси.

Для ответа на вопрос, как это было, приведу фрагменты воспоминаний узника минской внутренней тюрьмы НКВД Цодика, которого опросил А. Майсеня в начале 1990-х годов.

...Шел третий день войны – 24 июня. Немцы стремительно продвигались на Минском направлении, ломая оборонные линии наших войск. О тяжелом положении на фронте заключенные хорошо знали и очень переживали неудачи нашей армии. Через тюремные решетки доносились взрывы, тяжелый гул самолетов, в вечернем небе были видны отблески пожаров. На

тюремном дворе «энкавэдисты» загружали в крытые машины ящики с архивами, подносили и заталкивали в кузов несгораемые сейфы – шла эвакуация.

Под конвоем выводили и отправляли на машинах партии заключенных. В тюремном коридоре то и дело брэнчали связки ключей, лязгали засовы и звучала одна и та же команда: «Выходи строиться».

...За полночь, часа в два ночи, в тюрьме снова послышался громкий топот бегущих ног. Вслед за ним сразу в нескольких местах раздалось лязганье железных запоров. Дверь в камеру Цодика распахнулась настежь, впустив вовнутрь полосу желтого дежурного света. «Все во двор строиться! Быстро!»

Заключенные, давно ожидавшие этой команды, без лишних сборов потянулись друг за другом в освещенный створ двери. Цодик тоже подхватился с нар и пристроился к выходящим. По всему этажу и на лестничных клетках стояла усиленная охрана. Еще из трех-четырех камер выходили заключенные. Охранники торопили, подгоняли без конца, матерясь и угрожая. Вместе со своими Цодик вышел на улицу.

...Колонна тронулась с места, крытые машины одна за другой выползли из тюремных ворот на ночную минскую улицу. Ехали медленно – то и дело приходилось обгонять марширующие в ночи воинские части; стучали об асфальт тысячи солдатских сапог, громыхали артиллерийские орудия, гудели моторы. В этот гул постоянно врываются зенитные залпы, глухой раскат стреляющих пушек. На ходу сигнала и маневрируя, колонна наконец вырвалась из уличной суতোлки на Могилевское шоссе.

Машины пошли побыстрее, но и здесь то и дело приходилось притормаживать, чтобы вписаться в поток людей и техники, катившей вниз по шоссе.

...Ехали по шоссе минут тридцать, внезапно машину слегка накренило на левый бок, она ткнулась носом вперед и съехала с шоссе, затрясшись неровной дрожью по ухабам и выбоинам проселочной дороги. Звуки колонны беженцев на шоссе удалялись, потом и вовсе затихли. Среди заключенных в машине нарастало напряжение.

Скоро машина сбавила ход, покатила по склону вниз, а через минуту застыла на месте. Раздалась команда, было слышно, как сзади спрыгивали наземь охранники с собаками – один, второй, третий. Вот целое отделение их пробежало с той стороны, где сидел Цодик. Взвизгнули замки, задний борт опрокинулся. «Слезайте по одному и быстро!»

Светало. Ночная темень на небе расплзалась от прикосновения приближающегося утра. Цодик протолкнулся к заднему борту и прыгнул вниз, пристроился к своей группе. Вслед за ним еще прыгивали другие, у Цодика было время оглядеться. Они оказались на краю неширокой ложбины, поросшей молодым сосняком и кустарником.

Кругом, метрах в пятидесяти, стоял лес – сосны вперемежку с елями, береза, ольха. В редких просветах виднелось поле с поднявшейся рожью. Если считать время в дороге, то это было не так уж далеко от Минска – от силы километров двадцать.

Возле каждой машины стояло наготове выстроенное подразделение охранников с собаками. Натренированные овчарки злобно рычали. Казалось, они были готовы разорвать в клочья этих сбившихся, жалких людей. Когда последние заключенные оказались на земле, всех выстроили в шеренгу по двое, Цодик оказался вторым номером, стоял в задней линии.

Двое охранников приволокли откуда-то вязанку кусков проволоки. Последовала команда: «Руки всем назад, держать за спиной». Охранники ходили по рядам – один подавал проволоку, второй схватывал ею запястья рук и быстрым движением закручивал концы.

Вскоре донесся быстрый топот ног. От группы заключенных возле второй машины отделился высокий молодой парень и рванул в сторону леса, потом крики охраны: «Стой, сволочь! Куда?!», лай спущенных собак, выстрелы – все одновременно. Не успев отбежать метров двадцать, парень споткнулся, качнулся из стороны в сторону и, раскинув руки, словно пытаясь удержаться за воздух, рухнул лицом вниз. Налетевшие псы вцепились в спину. Но беглецу было уже все равно. Он был мертв.

Все вышло так неожиданно, так просто и так жестоко, что заключенные стояли в глубоком потрясении. Обреченность, страх и бессилие прочно сковали их сознание.

«Так будет со всеми, кто попробует бежать!» – прокричал перед строем начальник охраны, заталкивая в кобуру пистолет. Он тоже успел выстрелить по бегущей мишени. И, кажется, остался доволен своим выстрелом. «А чего этих сволочей, врагов народа, жалеть, сегодня была команда их всех истребить ночью, нечего с ними возиться. Немец на подступе к Минску, вот это страшно. А оставишь их в живых, не иначе как перебегут к немцу».

...Настал черед Цодика – от прикосновения холодной проволоки к рукам он вздрогнул. Три быстрых витка вокруг запястья

и небрежно закрученные концы проволоки – вот и все. Цодик попытался пошевелить руками – проволока не давала, больно впилась в тело. Еще раз – как будто немного поддалась, но немного. И для чего все это? Все равно один конец.

...Их выстроили на краю ложбины, все четыре группы заключенных стянули вместе, в одну шеренгу. Спереди и по бокам заняли свои позиции охранники с винтовками наперевес. Офицеры вытащили пистолеты. Все делалось молча в зловещей тишине утреннего рассвета. Надежд на лучший исход ни у кого из заключенных не осталось.

...С первыми выстрелами Цодик упал на землю – нет, его не ранило, даже не зацепило. Сработал рефлекс «самосохранения», все произошло как-то само собой: выстрел, подкосились ноги, рухнул на землю. Пальба продолжалась, на землю падали новые тела. Еще выстрелы, еще... Потом все внезапно стихло. Только глухие стоны раненых, мольба о помощи врывались в эту тишину. Цодик услышал прозвучавшую команду, он узнал этот голос – командовал начальник охраны: «Проверить каждого, в живых никого не оставлять!»

Раздались торопливые шаги; они приближались, совсем уже рядом – Цодик сжался в пружину, оцепенел. Подбежавший охранник больно, со всего размаху ударил в бок Цодика – стиснув зубы, Цодик смолчал. Рядом в забытьи простонал раненый – это его погубило и это спасло Цодика, охранник сразу же переключился на несчастного, раздался один, потом второй выстрел в упор. Одиночные выстрелы звучали то здесь, то там.

Вскоре все снова стихло. Не было больше слышно ни стонов, ни выстрелов. И еще раз у самой головы Цодика прошуршали по густой траве чьи-то ноги – видно, начальник охраны со своими подручными проверял выполнение приказа. Минуты две спустя прозвучала команда: «По машинам!» Завелись моторы, «караван смерти» тронулся в обратный путь. Что есть силы Цодик вслушивался в удаляющееся гудение машин.

Сколько времени он пролежал в забытьи – неизвестно. Очнулся, когда сквозь щели в груди мертвых человеческих тел пробивался дневной свет. Перед его глазами предстала ужасная картина: в ложбине – сотни скрюченных, опрокинутых навзничь, распластанных тел. В перекошенных от боли лицах, посиневших губах, изуродованных агонией, в рыжих пятнах крови на траве застыла смерть.

Оглушенный увиденным, Цодик кинулся бежать со всех ног к лесу и потом еще долго, не разбирая дороги, пробирался на-

пролом сквозь кусты можжевельника, молодой ельник. Спотыкался, падал, подхватывался снова и снова бежал.

На полпути до шоссе справа виднелась деревня – хат сто, не больше. Цодик чуть уже не ступил за порог, как вспомнил, что хотел о чем-то еще спросить у старухи.

– А как называется ваша деревня?

– Трасцянец называецца.

Годы спустя, после того как он вернулся в родную Беларусь и под фамилией Добровольский обосновался в Витебске, он узнал о трагедии Тростенца – о проклятом месте, превращенном фашистами в концлагерь-душегубку. Но мало кто знал, что трагедия Тростенца началась раньше, что по воле злого рока в этом месте переплелись не одна, а две трагедии, две страшные чело-веконенавистнические чумы. А кто мог знать? Единственным свидетелем той первой трагедии остался Цодик.

Можно привести еще ряд свидетельств, которые подтверждают предвоенную правду о Тростенце. Правда, были и случаи освобождения некоторых узников. Из рассказа бывшего учителя Ю.А. Соболевского следует, что он был арестован в Минске органами НКВД в первый день войны. 24 июня 1941 года арестованных вывели из камер и на тюремном дворе построили в колонну, которая двинулась на Восток по Могилевскому шоссе. 25 июня на большой поляне в лесу колонну остановили и объявили, что сейчас состоится суд. Охранники разделились на несколько групп, стали вызывать арестованных и требовать от них ответов на вопросы. Сержант НКВД, узнав, что он учитель, отпустил его. Было отпущено еще несколько человек из числа интеллигентов.

Остальные разделили печальную участь заключенных, таких как Цодик.

Есть еще ряд документальных подтверждений.

В частности, немецкий журналист Пауль Коль еще в 2000 году детально поведал о технологии массового уничтожения узников, которая, в принципе, нам известна. Он продемонстрировал советскую топографическую карту 1939 года, где территория урочища Благовщина была обозначена уже тогда как закрытый охраняемый объект.

Есть предположение, что это было сделано отнюдь не случайно, и прямое отношение к «объекту» имеет НКВД. Требуется только доказательная база. И она есть. Как известно, на месте концлагеря в 1944 году начала работать Чрезвычайная государственная комиссия.

Первоначально вскрыли захоронения не там, где была яма-печь, не сам концлагерь, а слева от Могилевского шоссе в урочище Благовщина. Тогда-то и были опубликованы первые официальные данные о количестве погибших здесь людей. По версии членов комиссии, за полгода до освобождения фашисты выкапывали останки и сжигали их. По количеству пепла и был сделан вывод о количестве похороненных в 34 рвах.

Но есть, оказывается, и другая часть того заключения Чрезвычайной комиссии, о котором мало кто знает. Оказывается, когда комиссия начала работать, она вскрыла захоронения, часть из которых находилась на территории нынешней свалки. Они оказались предвоенными. Раскопки в этом месте были немедленно прекращены и вынесены за 300–400 метров. В дальнейшем вскрывали 34 рва-траншеи.

О правильности этой версии свидетельствует также немало гильз от оружия советского довоенного производства, обнаруженных в 1994–1995 годах сотрудниками музея Великой Отечественной войны в Благовщине при съемках документального фильма «Тростенец».

Это подтвердила также бывший ученый секретарь музея ВОВ А. Валькевич в 1994 г.: «Как стало известно, в районе Тростенца погибло более 500 000 человек. Но давать гласность этим сведениям запретили члены ГЧК (Чрезвычайной государственной комиссии) из Москвы. Почему?

Потому что, на мой взгляд, в это трудно было поверить... Можно было пригласить международных экспертов. Останки полумиллиона погибших не иголка в сене. И вот здесь рождается еще одна, небезосновательная мысль.

А не входят ли в число этой цифры и жертвы НКВД 30-х годов? Вспоминали же старые жители д. Большой Тростенец и Малый Тростенец стрельбу в лесу по ночам в довоенное время».

В 1957 году на месте предвоенных расстрелов с санкции власти совершенно сознательно была устроена городская свалка, чтобы таким образом скрыть следы преступлений. Иначе просто никак нельзя объяснить появление здесь этого «маскирующего объекта». И это было сделано, как ни странно, после принятия в 1950, а затем и в 1956 году решений об увековечении памяти жертв фашизма.

Сегодня практически уже невозможно определить, сколько жертв сталинского террора было захоронено на месте нынешней свалки и в урочище Благовщина.

До войны на месте, обозначенном на карте как охранная зона, не находился ни военный полигон, ни какой-то другой военный объект. Он появился там лишь после войны. Ни одного документа, подтверждающего факт расстрелов в тех же Куропатах или в других местах, как мы знаем, не удастся найти исследователям в белорусских архивах, а архив КГБ наглухо закрыт до сих пор. По всей видимости, не будет обнаружено документов и по Тростенцу, потому что они, по всей видимости, давно уничтожены с целью сокрытия следов преступления.

Нельзя не согласиться с выводами известного исследователя тростенецкой трагедии Евгения Цумарова о том, что «сегодня небезосновательным следует считать и вероятные опасения руководства самого НКВД, что в случае “выхода” на Нюрнбергский процесс Тростенца как захоронения большого количества граждан европейских стран придется проводить эксгумацию с участием специалистов стран их происхождения, а также возможные перезахоронения на основе национальных традиций. А как же тогда отвести внимание дотошных иностранных специалистов от братских могил “происхождения” 1930-х годов и июня 1941 года. Ведь они – здесь же...».

Сегодня уже пришло время назвать установленные не КГБ, а исследователями имена палачей, кто стрелял в затылки наших сограждан, в том числе и в районе Тростенца. Это в частности, сотрудники комендатуры НКВД БССР: Никитин, Ермаков, Коба, Яковлев, Острейко, Дубровский, Бочков, Батян, Абрамчик, Мигно. Это далеко не полный список энкавэдистов, уничтоживших тысячи ни в чем не повинных людей...

Сегодня, впрочем, как и вчера, можно задать компетентным органам ряд вопросов.

Почему именно в Тростенце, возле самой Благовщины с захоронениями свыше 140 тысяч человек, была открыта после войны и за десятилетия выросла самая большая под Минском свалка?

Почему Благовщина вплоть до начала 1990-х находилась на территории военного полигона?

Почему осенью 2002 года во время проведения изыскательских работ специальным поисковым батальоном Министерства обороны не уточнялись места предвоенных расстрелов, хотя эти факты были опубликованы в печати?

Совершенно очевидно, что в данном случае идет фильтрация информации: о жертвах фашизма – можно, о жертвах сталинизма – «нежелательно». Требования восстановить истину

во всем объеме трактуются как политическая игра. Замалчивание, сокрытие мест захоронений и количества жертв политических репрессий – аморально. Постыдно, что кто-то может иметь право на могилы и память, а кто-то все еще лишен его.

В соответствии с правительственным постановлением в ближайшие годы на площади 400 гектаров будет сооружен мемориальный комплекс «Тростенец». Убежден, что это должен быть мемориал памяти не только жертвам фашизма, но и сталинизма, напоминание о кровавых уроках двух тоталитарных режимов XX века.

*Игорь Кузнецов,
координатор Белорусского отделения Международного
историко-просветительского, благотворительного
и правозащитного общества «Мемориал»*

ОНИ БЕЗВОЛЬНО ШЛИ НА УБОЙ ИЛИ СОПРОТИВЛЯЛИСЬ?

Говорят, что война забирает с собой тех, кому действительно стоило жить. Война – это шахматная доска, на которую поставлены не фигуры, а человеческие жизни. Одного выбили, другой его заменит. Сколько точно жизней забрала она – не пересчитать. Этого не найти в архивах и, порой, не представить.

Начало конца

Роковая дата для Литовской Республики, тогда еще Литовской ССР – 22 июня 1941 года. На литовскую землю упали первые немецкие бомбы. Немцы прорывались с невероятной скоростью. Каунас был захвачен вечером 23 июня, Вильнюс – вечером 24-го. В те дни немецкие войска уже очень крепко обосновались на литовских землях. Как известно из книг по истории, для литовцев это означало призрачную надежду освободиться от «советского сапога». И несмотря на то что немцы шли с боем, они были восприняты как освободители.

Но вскоре пришло разочарование. Немцы, которые являлись «самолюбями», считали литовский народ одной из низших раз (ниже были только евреи. – В.Б.), использовали литовский народ как дешевую рабочую силу. Несогласных работать фак-

тически на месте расстреливали. Неважно, еврей ты или литовец, – все летели в земельную яму сразу же.

Но мы ведем речь о судьбах литовских евреев. В Вильнюсе на тот момент жило около 80 тысяч евреев (всего в Литве их было около 270 тысяч на момент оккупации. – В.Б.). Эта цифра выросла после 1939 года, когда началась Вторая мировая война и в Вильнюс из соседних стран начали бежать от нацистских войск евреи. Кто-то в Вильнюс, некоторым удалось перебраться на север и восток.

...С первых же дней оккупации на территории Литовской ССР начались массовые казни евреев. По всей Литве были созданы десятки гетто. Одно из крупнейших – Вильнюсское гетто.

Маленькая жизнь в большом городе

Важной деталью является то, что после вторжения немецких войск на территорию Литвы всем евреям было приказано в строжайшем порядке носить на рукаве такой отличительный знак, как буква «J», что с немецкого означало «Jude» (еврей). Сами евреи считали это позорным отличительным знаком. Некоторые его не носили, за что были расстреляны либо на улице, как показательная казнь, либо тихо у себя в доме.

Еще одна страшная дата – 31 августа 1941 года. Эта дата ознаменовала создание Вильнюсского гетто. По сравнению с остальными сотнями гетто, созданными немцами, это, вероятно, ничем не отличалось. Те же ворота, через которые шли тысячи людей на свою смерть, та же атмосфера безысходности. Тот же скверный запах улочек, на которых в большой плотности жили тысячи человек. Если пройтись по улице Гаоно, на которой находился вход в гетто сейчас, то мы ничего не увидим. Только мемориальную доску. Нет в воздухе больше той смерти, но все равно ею пропитан каждый кирпичик в зданиях после мемориальной доски, которая означала место нахождения ворот в гетто. Но вернемся в прошлое. В прошлое, которое берет начало с этой роковой даты.

С осени всех людей с эмблемой «J» на рукаве сгоняли на территорию нескольких улиц, которые были обнесены забором с колючей проволокой и высокими стенами со страшными дозорными башнями, с которых открывали огонь по тем, кто пытался вырваться.

Мне удалось найти находящегося на пенсии бывшего деятеля Израильского культурного центра города Вильнюса Алек-

сандра Раубфогеля, который работал в исторических архивах ИКЦ и некоторое время в 80-х годах прошлого столетия работал экскурсоводом на территории бывшего гетто, посмотреть которое съезжалось немалое количество людей со всего Советского Союза. Он мог подробно рассказать про архитектуру гетто и его историю в целом, но меня интересовала именно внутренняя система. Александр согласился встретиться в городе в одной из кофеен.

– Не могли бы вы рассказать более подробно о внутренней структуре Вильнюсского гетто?

– Я могу поведомить некоторые детали. По-своему интересное было место. Это Вильнюсское гетто... Знаете, в нем даже две синагоги были. Вернее, одна находилась за территорией гетто, а другая, непосредственно на ней, в малом гетто. По некоторым сводкам с мест проведения реставрации района после войны, там даже театр был, своя больница, некое подобие амбулатории. Была библиотека со школой. Работал детский сад, куда продолжали ходить маленькие детишки. Сейчас этого уже на схемах современного города не увидишь. На реставрацию района после войны были брошены многочисленные силы. Ветхие постройки были отреставрированы. Некоторые были демонтированы полностью. Существовало малое гетто, но про него нам почти ничего не известно. Оно было ликвидировано в 1941 году. Люди из него были согнаны в большое гетто.

– Сколько входов было на территорию Вильнюсского гетто?

– Их было два. Именно через эти входы всех людей еврейского происхождения сгоняли на территорию гетто.

– А где, в каких домах жили люди?

– Преимущественно в тех же самых домах, которые вы можете видеть, зайдя на бывшую территорию гетто сейчас. Невысокие двух-трехэтажки из бетона и досок, которые были идентичны как в большом, так и малом гетто. Вы только представьте, как там было холодно. Я более чем уверен, что большинство людей погибло из-за воспаления легких или других инфекционных заболеваний. Но самое интересное заключалось в том, что таких домов по всему Вильнюсу насчитывалось большое количество. Но они были отапливаемы даже на момент оккупации. А в гетто это никого не волновало. Потом настало время реставрации или сноса в послевоенный период и, соответственно, создание лучших условий для проживания.

– Скажите, известно что-либо о продовольственных магазинах на территории гетто? Люди же должны были чем-то питаться.

– Были маленькие подсобия рынков, на которых велась бурная торговля или обмен товарами. Но скорее всего немцы сами же привозили на них продукты и раздавали проживающему на территории народу.

– И убежать из гетто было невозможно?

– Да, это было фактически невозможно. По периметру находились сторожевые посты. Их насчитывалось более десяти. Я вам точно могу сказать – зайти было легко. Выйти – практически невозможно. Такова была жизнь по ту сторону колючей проволоки. Эти посты не были такими неприступными, как казалось с первого взгляда. Они были сделаны из дерева, в большой спешке. Качество никого не заботило. Это были в основном сосновые доски. Удивительно, что никто не пытался поджечь их. Вероятно, немцы никого не подпускали к воротам.

– Еще вопрос: чем в корне Вильнюсское гетто отличалось по структуре от остальных по Литве или в целом по Прибалтике?

– В целом – ничем. Отличительной особенностью только являлось количество убитых людей на его территории и площадь, на которой его развернули. Оно было приблизительно на 20% больше, чем Каунасское гетто, и на 30 % больше, чем Рижское.

Свет надежды

Воистину, жизнь людей по ту сторону колючей проволоки была тяжела. Встает вопрос: неужели никто не предпринимал попытки освободиться? Чтобы ответить на этот вопрос, следует назвать еще одну важную дату для истории – январь 1942 года. Тогда в этой тьме безнадежности зажегся свет надежды. Группа обитателей гетто из десяти человек создала еврейскую Объединенную партизанскую организацию. Возглавляли эту организацию Абба Ковнер, Ицик Виттенберг, Иосиф Глазман. Мы отправились в музей жертв геноцида по улице Ауку, который находится в бывшем здании КГБ, для того, чтобы узнать о деятельности Объединенной партизанской организации по-подробней.

К сожалению, документы выдавать там не принято, ссылаясь на их историческую ценность и отсутствие копий. Фотографии делать было также нежелательно. Но удалось узнать

некоторую интересную информацию по поводу сопротивления на территории гетто. Оказывается, большинство усилий сопротивления было брошено на то, чтобы наладить контакт с советской армией и отправлять командованием информацию, касающуюся действий немецких солдат. Так же происходила перекупка оружия тайными путями через местных жителей. Удалось даже создать в подполье производство самодельных гранат и «коктейлей Молотова». Начался саботаж на немецких складах снабжения.

Среди документов, которые можно было увидеть в музее, удалось найти обращение организации еврейского подполья к жителям гетто по поводу массовых убийств евреев в лесах около поселка Понары.

«Нас не поведут, как овец, на бойню! Еврейская молодежь, не давай сбить себя с пути. Из 80 000 евреев Вильнюса, Литовского Иерусалима, осталось всего 20 000. На наших глазах отняли наших родителей, наших братьев и сестер.

Где сотни людей, которых забрали на работу литовские “хапуны”? Где раздетые догола женщины и дети, которых увели в страшную “ночь провокации”? Где евреи, которых увели в Судный День? Где наши братья из Второго гетто?

Все, кого увезли из гетто, никогда больше не вернуться.

Все дороги Гестапо вели в Понары.

А Понары – это смерть!

Сомневающиеся! Избавьтесь от иллюзий! Ваши дети, ваши мужья и жены погибли.

Понары – это не лагерь. Их всех убили там.

Гитлер намерен уничтожить всех евреев Европы. Евреям Литвы суждено стать первыми на этом пути.

Не будем же овцами, покорно идущими на убой! Правда, что мы слабы и беззащитны, но сопротивление должно стать единственным ответом врагу! Братья! Лучше погибнуть свободными борцами, чем выжить по милости убийц.

Спротивляйтесь! До последнего вдоха!

Вильнюсское гетто, 1 января 1942 года».

Как гласит настенная документальная информация, в лесах поселка Понары было убито свыше 100 тысяч человек! Это цифра включает в себя также солдат советской армии. Это лишний раз доказывает, что немцы вели людей, как свиней на убой, безжалостно сажали возле ям и всаживали пулю в шею. Каждый день лишали жизни 600–800 человек. Колоссальная цифра. Большинство жертв проживали в Вильнюсском гетто.

Даже в этих условиях еврейское сопротивление делало все, что в их силах. Группа Объединенной партизанской организации совершала вылазки, пыталась оповестить народ о том, что готовятся «чистки», которые, к слову, проводили раз в неделю, если не чаще.

Большая жизнь маленького человека

Чтобы узнать про жизнь людей непосредственно в самом гетто, про их боль и надежду, мне удалось встретиться с Даной Годельсон, родившейся в 1930 году и прошедшей весь ад гетто. Из-за ее преклонного возраста (84 года) мы договорились встретиться у нее дома за чашкой чая и Лекахом (традиционный еврейский медовый пирог. – В.Б.). Данае было всего лишь 11 лет, когда в ее жизнь постучался ад войны.

Живет она одна в скромной двухкомнатной квартирке недалеко от центра Вильнюса. Муж давно умер. У Даны 3 внука и 1 внучка, которые не забывают бабушку и частенько ее навещают. Меня встречает скромная, но уютная квартира. У Даны нет никаких наград. Она просто обычный человек, который молчаливо переносил все горести войны.

– **Дана, расскажите, пожалуйста, о вашей семье.**

– Да обычные мы люди родом из Польши, из Калиша. Матушка была портнихой на Калишской трикотажной фабрике. Отец мой – амбулаторным врачом в Калишской городской клинике. Квартирка своя была. Небольшая, конечно. Я была совсем маленькая, но мы все ютились в ней. Отец мой был по натуре добрый человек, помогал не только в стенках клиники. Авось попросятся к нам соседи: тому пальчик забинтовать, тот коленку ссадил. Папка добрый был очень. У него появилась возможность работать в Вильнюсской клинике, и мы покинули родимый дом, держа путь в Вильню. Там же уже сняли квартиру в центре на улице Гаоно. Неплохая она была. Не лучше, чем наша, но все же хоть просторнее. Кто ж знал, что нас будет ожидать дальше?

– **А что произошло дальше?**

– Как-то к нам постучались в дверь. Дома была только я и матушка. Мама не могла найти сходу тут работу. Всё держалось на отце. Матушка открыла дверь, и к нам зашли люди в немецкой форме. Вроде как проверка, представились. Мы с матушкой уже знали, что немцы были на литовской земле, но мы, как и все, не воспринимали их как захватчиков. Он попросил наши документы. После прочтения просто кинул на стол две повязки

со словами «Надевай себе и своей девке». Мама начала спрашивать, что это, но он сказал, что если мы не подчинимся, то сразу будем валяться в яме. Мне стало впервые по-настоящему страшно. После они ушли.

– **И вы подчинились?**

– А что было делать-то? Они были с оружием и угрожали нашим жизням. Но в первый день все было спокойно. Следующий я не забуду никогда. Меня разбудила матушка. Сказала: «Даночка, вставай и одевайся. Идти мы должны». Ну мы и пошли. На пороге стоял немецкий солдат. Он нас и еще нескольких людей повел по улицам на площадь. Там было много человек выстроено в линию. Видимо, все с ближайших улиц. Все с этими повязками. Там нам удалось найти отца. Впервые я видела не жизнерадостного мужчину, а пустого человека с картонным лицом.

Мы стояли в шеренге. Не помню уже сколько времени. Потом приехала машина с каким-то важным человеком. Холера их знает, кто он был. Но форма отличалась. Была, что ли, более гонористая? Что происходило, мы так и не поняли. Мы тихо стояли, и тут я услышала крик где-то правее в шеренге. Это был один из жителей. Я его не знала – мужчина лет 45 с виду. Вроде хорошо был одет. Может, и выходец из хорошей семьи. Он кричал, что не будет это одевать, что их принимают за крыс. Он не будет падать до такого уровня. Со стороны немцев я не услышала ответа. Этот главный просто ухмыльнулся, подошел к нему сзади и поставил на колени. Выстрел. Никогда не забуду тот звук, с которым пуля попадает в голову. Я не могу описать свое душевное ощущение от этого. Оно было – пустое? Немец выдержал паузу и просто прокричал на ломаном языке, что такое будет с каждым за неподчинение. Тут я и поняла, что тут происходит и что нас будет ждать впереди. Потом не помню, что происходило. Следующие два дня я просто спала.

– **А что было потом? Что-то поменялось?**

– Стало хуже. Они огородили улицы своими конвоями и стенами. Везде-везде вооруженные люди. Матушку мою, кстати, загнали работать на складское помещение, где хранились провианты. Отца перевели в амбулаторию гетто. Вы же слышаны уже об «акциях»?

– **Приблизительно. А подробнее?**

– Так назывались мероприятия, когда ненужных людей еврейской национальности уводили непонятно куда и они исчезали. Мы с вами понимаем, что с ними делали. Оставались,

преимущественно, люди, которые могли как-то худо-бедно работать. Хоть боты немцам начищать. Некоторые даже ради такой работы давили друг друга. Никто не хотел поучаствовать в «акциях». Видимо, нас наличие работы от этого и оберегало. Отцу приходилось лечить не только евреев, но и немцев. Матушке довелось помогать с провиантом на складе. Без этих обстоятельств мы бы с вами вряд ли сейчас сидели и говорили тут.

– Может, вы знаете что-либо про Объединенную партизанскую организацию или хотя бы видели их деятелей?

– Трошки знаю я про этих светлых людей. Они для нас всех были символом борьбы и свободы. Видела Аббу – очень светлый человек был. Волевой. Ицак тоже был человеком светлой мысли. Ничем старались не отличаться от остальных. Тихо помогали в чем могли. Но это было днем. Кое-что мне удалось увидеть про их жизнь, которой они жили.

– А что это было?

– Это было ночью в один из дней, когда мне не спалось. Везде были слышны выстрелы. Они были где-то недалеко от гетто. Я сидела и просто смотрела в окно. И тут я заметила Аббу в группке людей тоже из сопротивления. Они что-то таскали в ящиках. По-моему, это было оружие и какое-то громоздкое устройство связи. Всё тащили в сторону складских помещений. Знаете, они пытались вести какую-то борьбу. И это для нас была надежда. Призрачная, но мы за нее держались.

– А что вы про них еще знаете?

– Ещё знаю то, что они содействовали с советскими партизанами, которые старались подойти к Вильнюсу. Они передавали им важную стратегическую информацию про планы немцев. Насколько я слышана – у них был свой человек среди немцев. Они умудрялись как-то передавать ящики с оружием партизанам. Также они помогали некоторым евреям убежать из гетто навсегда. По слухам, ходившим на нашей улочке, они спасли несколько десятков человек. Немного, но всё же бесценные человеческие жизни.

– Как это все закончилось в итоге?

– В конце концов мы жили так почти два года. Не голодали, к счастью. Матушку и отца акции обошли стороной. Как и меня. Хотя на нашей улице на десяток стало меньше людей. Сгоняли как скот в Панярай. Удача? Я не могу ничего сказать.

В 1943 году мы услышали, что гетто собираются ликвидировать, а всех, кто в них остался, перевести в лагеря смерти. Видимо, у немцев были другие планы на это место. Нам уда-

лось бежать. Бежали мы на восток. С остальными людьми. Нас прятали в грузовиках снабжения. Как ни странно, но все прошло гладко. Немцы даже проверять не стали. Везли-то нас на немецких машинах. Там через пару дней нам удалось пересечь границу Советского Союза, где нас приняли за беженцев. Там мы попали в Москву, а из нее основались в маленьком городке Березово. Отец, к сожалению, заболел к концу войны. Умер от воспаления легких. Жаль, что не на своей родине. Мы с матушкой вернулись в Вильнюс в середине 1945 года. Уже там через несколько лет я познакомилась со своим будущим мужем. Он был строителем. Отстраивал наш город заново.

Матушка дожила до глубокой старости и умерла в 1976 году. Там у нас с мужем пошли детишки. Мы стали забывать о горестях, которые творились вокруг нас. Я благодарна Богу за то, что нас беда обошла стороной. Никому я не желаю столкнуться с войной, а еще с ощущением, что вот-вот она может завязать веревку на твоей шее или пустить пулю в голову.

Конец боли

Прощавшись с этой женщиной, у которой действительно уникальная история, я ушел. Ушел даже с каким-то облегчением на душе. Облегчением от того, что бывают случаи, когда горе вокруг и вот-вот до тебя дотронется, но в неожиданный момент опускает хватку и помогает тебе освободиться. Стать смелее и крепче духом.

Нам удалось окончательно убедиться, что, несмотря на тяготы оккупации, люди действительно боролись за свои жизни и жизни других. Они не шли бездумно на убой. Они были готовы умереть стоя на ногах, чем жить на коленях.

Трудная жизнь Даны тому одно из сотни тысяч других доказательств.

Для подведения итогов хотелось бы узнать мнение экспертов по всей проблеме оккупации ЛР и жизни литовских евреев в гетто. По этому поводу я обратился с открытым письмом к Центру толерантности города Вильнюс. Для уточнения о корректности всех данных. Далее приведен транскрипт ответа, полученного от экспозиционного руководителя Центра толерантности Марины Касинской:

«Здравствуйте, Виталий! Мы очень рады, что вы интересуетесь историей о жизни литовских евреев. Действительно, время было тяжелое. На территории гетто было убито свыше 10 тысяч

человек. Большинство было отправлено в лагерь смерти или уничтожено с остальными в Паняряйском лесу. В общей сумме было убито более 100 тысяч человек!

Объединенная партизанская организация внесла неизмеримый вклад в осуществление побегов людям еврейской и польской национальностей. Была оказана колоссальная помощь советским солдатам для координации действий на территории бывшей Литовской ССР. Без их вклада неизвестно, что ждало бы нашу республику.

Помощь сопротивления во главе с Аббой Ковнером позволила советским войскам быть на шаг впереди немецкой армии. Благодаря их действиям было спасено немалое количество людей, которых ждала участь их собратьев в лагерях смерти и в земле Паняряйского леса. Вы можете ознакомиться с нашими экспозициями, касающимися жизни в гетто в нашем центре. Все, что было сделано этой группой людей, запечатлено в наших архивах и фотоснимках. Их подвиги велики для нашей небольшой страны».

С уважением!
marina_exp@gmail.com

Вот так маленькие действия больших людей могут влиять на ход истории в целом. Давайте не забывать подвиги этих великих людей и будем помнить их вклад в историю. Их смелость и их душевный запал. Мы должны быть благодарны таким людям.

«Не говори, что ты идёшь в последний путь».

Виталий Багель,
студент ЕГУ, Вильнюс

В ОРШЕ ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ УМИРАЮТ ОТ РАКА

http://www.kraina.by/newspaper/society/society_1184.html

Городом мертвецов с недавних пор стали называть Оршу местные медики. Поводом стал всплеск выявленных случаев онкологических заболеваний. Министерство здравоохранения республики по известным только ему причинам сложившуюся ситуацию замалчивает.

Нет даже попыток разобраться в том, какие факторы привели к тому, что в городе, находящемся достаточно далеко от

чернобыльских районов, раковые опухоли стали привычным явлением. Сведения, которыми уже располагают власти, либо искажаются, либо замалчиваются, дабы избежать негативной реакции горожан и предъявления ими обоснованных претензий.

Шокирующие цифры

В Орше проживают немногим более 125 тысяч человек. По данным городских лечебных учреждений за 2004 год, на учет было принято 500 больных онкологическими заболеваниями. Для сравнения: в 1987 году их было зарегистрировано всего около сотни. Рост количества выявляемых онкологических заболеваний наблюдался все последующие годы. Но он держался на уровне всего 12% и к 2003 году достиг 280 выявленных случаев. А 2004-й дал резкий скачок – сразу на 178%. По мнению одного из экспертов, 500 раковых заболеваний в год для такого города – очень много. Но и эти цифры значительно корректируются: вместо того чтобы поставить диагноз на месте, оршанские медики часто направляют больного на обследование в областную или республиканскую клинику, и он уже проходит по статистическим данным области или республики.

Нам удалось получить данные по онкологическим заболеваниям в некоторых районах города и произвести приблизительный подсчет общего количества заболевших. Цифры впечатляющие. Больше всего больных раком – порядка 1240 человек – насчитали во 2-м микрорайоне (улицы Флерова и Воз-ан-Влен). В 1-м микрорайоне (улицы 60 лет БССР и Семёнова) – почти 580 человек. Итого только по двум микрорайонам – около 1820 человек. Скорее всего, эта цифра значительно большая, т.к. в списке, по которому велся подсчет, почему-то отсутствовали данные по главным кварталам названных микрорайонов.

В центре города (улица Ленина) – 947 онкологических больных. Но здесь проживает почти в два раза меньше жителей, чем в отмеченных спальных микрорайонах. В районе льнокомбината (самый маленький район города) живут 86 больных раком. Льнокомбинат, который от двух самых густонаселенных микрорайонов города отделяет только река Днепр, медики считают катализатором онкологических заболеваний из-за ядовитых промышленных выбросов в окружающую среду. Однако этот район не идет ни в какое сравнение с, казалось бы, чистыми спальными районами. Стоит также учесть, что 14 больных пере-

ехали в район льнокомбината только два года назад, после того, как им уже поставили смертельный диагноз.

Нехитрый подсчет говорит, что на 40% населения города приходится 2853 больных. С учетом этого подсчета с большой долей вероятности можно утверждать, что общее число больных в городе составляет около 7100 человек. Мы считали больных, поставленных на учет за последние 7 лет. Выборка, конечно, может содержать значительную погрешность, но она совпадает с оценкой независимого эксперта-онколога, который утверждает, что в Орше в настоящее время насчитывается около 8 тысяч онкологических больных.

Одна из горячих точек

Оценивая факторы, которые могли привести к такому положению, наш эксперт в первую очередь обращает внимание на то, что 2-й микрорайон, где выявлено наибольшее количество больных, был построен буквально в 300 метрах от части войск противовоздушной обороны (ПВО). Она была сформирована еще в бытность СССР и оборудована по последнему слову техники. Кроме ракет и прочего вооружения в боекомплект входили и мощные радиолокационные станции (РЛС). Часть была расформирована в 2002 году. Многие военнослужащие так и остались жить в Орше. Их здоровье подорвано, не говоря уже о массовом облысении.

Сначала воинская часть располагалась на огромном пустыре. В 1980 году Оршанский городской исполнительный комитет решил застроить пустырь жилыми домами. Через два года здесь появились первые «счастливые» жильцы. Когда они поняли, что «благодаря» РЛС у них дома не работает ни один радио- и телеприемник, то испытали легкий шок. Но их быстро убедили, что излучение РЛС безвредно для человека. Это была откровенная ложь.

РЛС могут излучать три вида радиоизлучений: низко-, высоко- и сверхвысокочастотные. Как следует из доклада российских и итальянских ученых на международной конференции «Спутник и связь» в Москве, воздействие радиочастотного излучения на биологические объекты приобрело актуальность уже к 90-м годам прошлого столетия, что потребовало создания дозиметрии и стандартов, ограничивающих влияние радиоизлучения на здоровье человека. Путем клинического контроля за здоровьем рабочих радиотехнических производств было выяв-

лено существенное увеличение риска возникновения раковых заболеваний. Ученые провели серию опытов и установили, что даже слабые электромагнитные волны и поля могут влиять на нервную систему и вызывать клеточные новообразования. А при комбинировании нескольких видов излучения риск заболеваемости увеличивается в разы. Поэтому жители 1-го микрорайона Орши фактически стали заложниками опасной зоны.

Спустя три года рядом с первым вырос и второй жилой микрорайон, который буквально подпирал стенами стратегическую воинскую часть.

Военнослужащих командование части инструктировало об опасности нахождения вблизи работающих радарных установок. 10-метровая зона считалась опасной и обычно обозначалась натянутой лентой белого цвета. Горожане же беспрепятственно переступали ее тысячи раз. Например, когда по недоработке ЖКХ в новых домах пропадала питьевая вода, приходилось идти к единственной колонке с радарными установками. А для детей игры у излучателей были нормальным делом.

Знали, но молчали. Конечно, расположенные в 300 метрах от РЛС жилые дома подвергались не очень сильному воздействию излучения, но и оно оказывало негативное воздействие на здоровье людей. По мнению руководителя НИИ онкологии и медицинской радиологии имени Н.Н. Александрова Иосифа Залуцкого, постоянного нахождения в 300 метрах от РЛС вполне достаточно, чтобы спровоцировать всплеск заболеваемости раком всех форм.

О проблемах с частями ПВО в НИИ онкологии знают. Любопытно, что знают и о ситуации в Орше. Но эта информация никогда и никем не разглашалась. Как отметил ученый, проблема существует не только в Орше, но и в других районах Витебщины, где в свое время была развернута широкая сеть радиолокаторов. В будущем НИИ даже планирует провести научные исследования с целью выяснения негативных факторов соседства человека с военной техникой. И. Залуцкий признался, что раньше думали лишь над стратегическими задачами, теперь пришло время думать и о здоровье нации. Думать, но... не действовать.

Огонь, вода и латунные трубы

Год назад в городе был зарегистрирован уникальный, если можно так выразиться, случай заболевания раком. Он отлично

вписался бы в историю с РЛС, если бы не одна деталь. Жертвой смертельной болезни стал 13-летний ребенок, живший в том квартале центральной части города, который считался самым экологически чистым. Точного ответа о возникновении болезни никто из докторов не знает. Врачи говорят, что генетической предрасположенности у девочки не было: и родители, и дальние родственники онкологическими заболеваниями не страдали.

Смерть ребенка натолкнула нас на мысль, что в городе помимо РЛС существуют либо существовали ранее дополнительные источники «ракового поражения». Вспомнив скандальную историю лета прошлого года, связанную с находкой в поселке Андреевщина Оршанского района 14 тонн радиоактивных латунных труб, и проанализировав обнаруженные нами факты, мы нашли один из таких возможных источников.

От Орши до Андреевщины – 14 километров. Все активное население поселка работает в городе либо в местном агросервисе – стратегическом предприятии белорусского сельскохозяйственного сектора. Согласно официальному заявлению, латунные трубы «всплыли» на складе агросервиса 28 августа 2005 года. Тогда местное подразделение МЧС сделало официальное заявление следующего содержания: «28 августа в 16 часов 21 минуту в городе Орша Витебской области на территории ОАО «Оршанский райагросервис» (п. Андреевщина) в кирпичном здании склада (4×7 м) обнаружены латунные трубы (14 тонн). При замере радиационного фона представителем ОГЦГиЭ мощность излучения вблизи поверхности труб составила 30,5 мкЗв/ч при норме 0,2 мкЗв/ч. Радиационный фон вблизи здания в норме. Место радиационного заражения ограждено, выставлено оцепление. Районной комиссией по ЧС решается вопрос по утилизации труб».

В тот день телефоны местного подразделения МЧС разрывались от звонков журналистов. Спасатели твердо держали оборону и давали комментарии лишь представителям государственных СМИ. Дифференцированный подход к разглашению общественно значимой информации диктовался якобы указанием Министерства чрезвычайных ситуаций. Дозировать информацию был повод.

Как нам удалось выяснить, реально радиоактивные трубы все десять лет хранились в самом центре города, а в п. Андреевщина их вывезли через два дня после того, как они были найдены на территории Оршанского РУВД.

Ход конем

Кто дал распоряжение перевезти радиоактивный груз в Андреевщину, выяснить, к сожалению, не удалось. Лица, косвенно причастные к транспортировке труб, утверждают, что решение перепрятать опасную находку принималось на «самом верху» якобы для того, чтобы не пугать местное население. Спектакль с ликвидацией радиационного источника был разыгран по профессиональному сценарию. И сегодня жители центральных районов Орши не подозревают, что десять лет над их головами висел фоящийся дамоклов меч. Дело было обставлено так, будто трубы изначально находились в Андреевщине и никоим образом не угрожали здоровью городских жителей.

Как удалось выяснить в ходе собственного расследования, груз радиоактивных труб был принят на баланс РУВД летом 1995 года. На цветной металл работники милиции натолкнулись случайно во время рейда в деревне Иваньково Клюковского сельского Совета Оршанского района. Его обнаружили в крупнотоннажном полуприцепе, который был брошен недалеко от деревни. Хозяина 1280 обрезков труб работникам милиции установить не удалось, поэтому было принято решение складировать груз в гараже РУВД. Примечательно, что на волне всеобщей чернобыльской радиофобии никто из должностных лиц не удосужился провести экспертизу, как выяснилось позже, загрязненного радиацией груза. А предпосылки для этого были.

В частности, во время предварительного разбирательства было установлено, что груз латунных труб прибыл в Беларусь из-за рубежа, предположительно из Украины. В то же время в таможенных органах груз не числился, что наталкивало на мысль о нелегальном характере сделки с его приобретением и доставкой. Однако работников РУВД это не насторожило. Никаких замеров проведено не было ни в год изъятия груза, ни в последующие десять лет его хранения на территории РУВД.

Отметим, что за это время в здании районного отделения милиции побывало множество инспекций, включая ревизоров из отдела гигиены и эпидемиологии. Но все их отчеты не содержали ни малейшего намека на необъяснимое отклонение радиационного фона.

Суть вопроса

Здание районного отдела милиции расположено в центре Орши. В том самом квартале, в котором умер от рака 13-летний ребенок. С одной стороны к оплоту правопорядка прилегают жилые здания и кафе, с другой – детский сад. Игровая площадка дошкольного учреждения находится в нескольких метрах от злополучного гаража, где хранились латунные трубы. Помещение гаража, естественно, не приспособлено для хранения радиационных материалов. По словам специалистов, фон, который создавали злополучные трубы, без преград проникал через стены к игровой площадке, детскому саду и жилым домам. Радиация воздействовала и накапливалась и у сотрудников милиции, посещавших гараж и невольно разносивших ее по всему городу.

Сегодня подсчитать число пострадавших сложно. Даже если провести тотальное медицинское обследование жителей района, вряд ли будут выявлены какие-либо болячки, вызванные повышенным уровнем радиации. Эксперты, в числе которых и руководитель НИИ онкологии и медицинской радиологии И. Залуцкий, утверждают, что радиация действует на организм медленно и проявляется с годами. Это значит, что у лиц, проживающих в неблагополучном районе, раковые заболевания могут быть обнаружены через пять, а то и десять лет. Воздействие радиоактивных латунных труб может быть непредсказуемым. Это, как отмечают медики, особенно касается детей, которые кроме черновыльской радиации получили и местную дозу.

По логике вещей после выявления источника радиации все в той или иной мере пострадавшие должны были пройти активный курс реабилитационного лечения. Но сеять панику, а тем более тратить государственные деньги никто из чиновников не решился. Вместо этого опасную находку без шума перевезли в Андреевщину, на безопасное расстояние от города, подальше от скандалов и исковых заявлений к госорганам.

Утилизация

Вопрос утилизации радиоактивных труб решался несколько дней. Оказалось, что в Беларуси нет ни одного предприятия, которое согласилось бы взять на себя эту работу и ответственность по уничтожению источника радиации. Правда, в конце концов нашли крайнего в лице РУП «Радон». Спустя неделю

после сообщения об обнаружении злосчастных труб МЧС рапортовало о благополучном решении проблемы. Казалось бы, в деле поставлена точка.

Но полностью замять все описанное пока не получается. Нынешние сотрудники Оршанского РУВД знают, что около десяти лет находились возле источника повышенной радиации. Знают и те, кто ушел на пенсию или на повышение. Все они носят в себе частичку радиационного тепла. Представители прокуратуры уверяют, что все сотрудники РУВД прошли специальное обследование на предмет лучевой болезни.

Мы беседовали с некоторыми милиционерами Орши. Они утверждают, что никакого широкомасштабного медицинского обследования не проводилось. Ясно, что, начав обследование с милиционеров, пришлось бы обследовать и значительную часть населения города.

Прокуратура же ограничилась поверхностной проверкой ЧП, не став вникать в его последствия. От разбирательства устранили даже оршанскую прокуратуру, которая могла быть заинтересована в исходе дела, поручив его следователям прокуратуры Витебской области, которые сегодня расследуют уголовное дело по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 428 УК РБ (служебная халатность).

Оршанские же правоохранители не сомневаются, что власти утилизировали не только опасный груз, но и все последствия, которые он принес.

Все начиналось с пустяка

Оценить ущерб, нанесенный бездействием властей жителям Орши, сложно. Дело здесь и в том, что рак до конца не изучен медицинской наукой. А значит, невозможно установить все факторы, влияющие на появление в организме злокачественных опухолей. Естественно, найдутся те, кто попытается отвести обвинения от госслужащих. И это у них получится. Ведь оперировать научными доводами у нас, как и во всем мире, умеют.

В то же время среди жителей злополучных районов есть люди, которые не сомневаются, что причиной смерти их родных и близких являются именно РЛС и радиоактивные трубы. Среди них – дети Нины Комаровой (для соблюдения медицинской тайны фамилия изменена). Женщина умерла от рака желудка в 1994 году. Квартиру на уже названной улице 60 лет

БССР она получила в середине 80-х за ударный мирный труд и участие в Великой Отечественной войне. Первичный диагноз «рак желудка» был поставлен ей спустя 5 лет после новоселья. Смертельную болезнь обнаружили еще в операбельном варианте. Естественно, тогда никто из местных медицинских светил не стал связывать диагноз с излучением от радаров ПВО, хотя заболеваемость раком в упомянутом первом микрорайоне уже стала расти.

Комарову оперировали в Ленинграде в фактически единственном на весь СССР оборудованном по последнему слову техники Институте онкологии. Операция прошла успешно. Но спустя несколько лет злокачественная опухоль проявилась в другом месте и уже не поддавалась лечению. Последние дни своей жизни Комарова провела в наркотическом тумане. В редкие случаи просветления, рассказывают ее близкие, она жаловалась на жуткую головную боль, которая появлялась у нее вместе с помехами на телеэкране при включении локаторов.

Медицинское бессилие

Как известно, бесплатное медицинское обслуживание у нас гарантировано Конституцией Беларуси. Лечение ведется за счет налоговых поступлений в бюджет. Налоги же платят все или почти все. В этой связи не понятно, почему скрывают оршанскую проблему. Можно было провести объективное расследование и пострадавшим выплатить некую компенсацию. Небогатый белорусский бюджет это не разорило бы. Так, например, статья расходов на 2005 год, предусмотренная на ликвидацию последствий ЧП, вообще не была использована. Официально в стране за прошедший год никаких ЧП не произошло. Думаем, что в любой другой стране обнаружение 14 тонн радиоактивных труб, несущих смертельное излучение более 10 лет, непременно было бы отнесено на эту бюджетную статью. Почему это не сделали у нас?

Ответ, возможно, кроется в том, что Орша стала плацдармом для серии экспериментов в медобслуживании населения, цель которых – сокращение бюджетного финансирования медицины. Решив сэкономить бюджетные средства, чиновники постарались минимизировать вложения на техническое оснащение больниц и поликлиник. Сегодня, для того чтобы в Орше пройти обследование желудка на наличие раковой опухоли,

необходимо получить талончик в кабинет гастрофиброскопии и ждать своей очереди две недели. А за это время из операбельной стадии рак может перейти в стадию неоперабельную. И все последующие походы к врачу сведутся к банальному поддержанию жизни на ближайшие пять лет. Оршанские врачи это понимают, но изменить ничего не могут. Не хватает специалистов. Да и с оборудованием напряженка. И в ближайшей перспективе улучшений не предвидится. Люди продолжают умирать. Сохранение чистоты медицинского эксперимента, как всегда, принесет положительные результаты. А поэтому ждать массового обследования оршанцам не приходится.

Тревогу могли бы поднять оршанские ответственные медработники, ведь и в их среде наверняка найдутся пострадавшие. Но докладывать наверх о неблагоприятной обстановке в городе опасно. Во всех грехах, как всегда, обвинят невиновных.

*Материал подготовлен Творческой мастерской
«Агентство журналистских расследований» при содействии
Ассоциации журналистов-расследователей Дании*

ТАБЛЕТКА СНОТВОРНОГО

привела бывшего «афганца» за решетку

После «речки»

...Александр Лепунов окончил школу, медицинское училище и распрощался с матерью, уходя в армию. А в те времена каждая мать, провожая в армию сына, день и ночь повторяла как заклинание: «Только не в Афганистан!»

Но заклинания матери Александра – Татьяны Митченко – не сработали. Он попал именно «за речку» – в «ограниченный контингент советских войск в Афганистане». Правда, повезло: отслужил свое и вернулся. И все, в общем, складывалось неплохо – женился, начал жить своей семьей. Но счастья не получилось. Вдруг оказалось, что война с берега далекой «речки» притащилась вслед за Александром в Оршу и не намерена ни упасть, ни давать покоя.

Оказалось, он никак не мог забыть чего-то, что происходило с ним в «Афгане». Что-то мучительно переживает, от чего-то

непосильно страдает. Говорят, существует целая наука об излечении поствоенных стрессов и синдромов. Но кто это у нас всерьез занимался искалеченными войной душами? Только поставили на учет в психоневрологическом диспансере и прописали таблетки...

А жизнь становилась непереносимой – в том числе и для матери. Потому что Александр начал пить, развелся с женой. То устраивался на работу, то месяцами сидел дома...

А таблетки ему выписали серьезные: лекарственное средство «Реладорм». Оно успокаивало и помогало уснуть.

В общем, утром 2 мая 2005 года Александр со своим рецептом отправился в аптеку. Взял (то есть получил бесплатно, как льготное лекарство для больного) таблетки. А по дороге домой встретился шапочный знакомый, некто Будкин, который, под разговор, спросил:

– Подскажи, где купить снотворное? С «бодуна» уснуть не могу уже несколько дней... Заплачу сколько надо...

А снотворное – вот оно, таблетки «Реладорм». Отчего не помочь человеку? К тому же неработающему на тот момент Александру лишняя копейка не помешала бы. Один продал таблетки, другой купил. Вот, собственно, и вся история.

...Потом оказалось, что «история» далеко не вся. И вообще она только начинается. Потому что в тот же день в одной из квартир Орши сработала сигнализация. Моментально прибывшие милиционеры обнаружили там несколько человек, один из которых, завидев людей в форме, попытался что-то спрятать. Нужно ли говорить, что этот человек был некто Будкин, а то, что он прятал, – таблетки «Реладорм».

– Где взял?

Ответ был стандартным.

– Купил. У Саши Лепунова...

С этого началось уголовное дело о незаконном сбыте психотропных веществ. И закончилось оно для Александра пятью годами лишения свободы.

Можно ли перечить перечню?

...Борьба с использованием наркотиков, психотропных веществ – святое дело. И, конечно, за их распространение (а формулировка «незаконный сбыт» предполагает именно это) нужно наказывать беспощадно! В приговоре суда Оршанского района и г. Орши Витебской области так и сказано: Александр

Лепунов «по подлинному рецепту серии ВИ № 6813018, выданному на законных основаниях врачом Федоровым И.А., с целью последующего сбыта приобрел в аптеке № 26... 30 таблеток «Реладорм» массой 0,17 грамма каждая общей массой 5,1 грамма, относящиеся к опасным психотропным веществам согласно перечню наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь, утвержденному Постановлением Министерства здравоохранения РБ № 26...».

То есть смысл фразы из приговора однозначен: согласно перечню, утвержденному Постановлением Минздрава № 26, «Реладорм» относится к опасным психотропным веществам.

Но как странно – «Реладорм» в упомянутом выше Постановлении № 26, на котором, собственно, и держится обвинение, нет! Нет ни среди наркотических, ни среди психотропных веществ. Есть его составляющие: диазепам и циклобарбитал. И есть примечание, в четвертом пункте которого говорится, что государственному контролю подлежат также «лекарственные вещества данного списка в различных дозировках и формах выпуска, содержащие психотропные вещества в количествах и смеси с другими веществами, позволяющими выделение (экстракцию) психотропного вещества из лекарственного средства и получения его в чистом виде».

Заведующий кафедрой клинической фармакологии, один из ведущих специалистов Минздрава, доктор наук Михаил Константинович Кевро объяснил потом автору: «Эти слова, по сути, приравнивают «Реладорм» к упомянутым в перечне препаратам и делают его подлежащим государственному контролю».

Но, если уж говорить о букве закона, фраза из приговора о том, что, согласно перечню, «Реладорм» – опасное психотропное вещество, не является основательной, поскольку «Реладорма» в этом перечне все же нет. Более того: на упаковке таблеток ничего насчет психотропных веществ не написано. Более того: ни в одном из доступных информационных источниках «Реладорм» не квалифицируется как психотропное вещество. К примеру, справочник «Лекарственные средства» под редакцией М.Д. Машковского (пособие по фармакотерапии для врачей), изданный в 1987 году в Минске, на страницах 27–28 четко квалифицирует: «Реладорм» относится к *снотворным*.

То же самое говорится на всех возможных фармакологических сайтах в интернете (включая сайт производителя «Реладорма»): «Реладорм» – это *снотворное*.

То есть получается очень странная ситуация: Будкин, который в качестве *снотворного* покупал у Лепунова препарат, который в справочниках значится как *снотворное*, этот самый Будкин от ответственности освобожден.

А Лепунов, который в качестве *снотворного* продал Будкину этот же препарат, который в справочнике значится как *снотворное*, который получил легально по рецепту и которого *нет* в перечне психотропных средств Постановления № 26, этот самый Лепунов лишен свободы сроком на 5 лет усиленного режима.

Отметим сразу, что несуразность ситуации вынужден был косвенно признать и суд Оршанского района. После жалобы Александра Лепунова он рассматривал дело еще раз и уже не рискнул назвать «Реладорм» «опасным психотропным веществом». В приговоре сказано только, что согласно Постановлению № 26 он подлежит государственному контролю, «поскольку содержит диазепам и циклобарбитал».

Правда, все равно обвинил Лепунова в «незаконном сбыте психотропных веществ», оставив приговор в силе.

Бойтесь формулировок

Незнание закона, как известно, не освобождает от ответственности. Хотя, уважаемый читатель, отметим сразу: все существующие и часто меняющиеся законы знать невозможно. А в государстве, которое не стремится в каждом своем гражданине видеть преступника, и не нужно...

Но как насчет перечней? Должны ли граждане страны знать все перечни всех запретов? Возможно ли это физически?

В конце концов, должен ли выпускник медучилища Александр Лепунов знать не только перечни запретов, но и состав препаратов? Может быть, он, являясь средним медицинским специалистом, в силу своего образования все знал насчет входящих в состав лекарства психотропных веществ? Мог их выделить в чистом виде? Со всеми ужасными последствиями для здоровья граждан... Между прочим, именно так написано в приговоре суда от 11 ноября 2005 года: «Согласно заключению специалиста, представленного стороной защиты в судебном заседании, возможно выделение в чистом виде из «Реладорма» входящих в его состав диазепама и циклобарбитала».

Но если глянуть в документы, становится очевидным, что в медучилище учили только применять разные лекарственные

средства. Об умении анализировать их состав там не говорится ничего. (Квалификационная характеристика специалиста со средним специальным образованием. Согласована первым заместителем Министра здравоохранения Ореховским, июнь 2001 года.)

Во-вторых, мы уже убедились, что ссылки на документы в приговорах Оршанского суда следует проверять. А когда проверешь, выясняется: в документе, за подписью зав. кафедрой общей и клинической фармакологии Витебского медицинского университета М.М. Скачек говорится, что действительно, «выделение (экстракция) из “Реладорма” входящих в его состав диазепама и циклобарбитала в домашних условиях возможно». Но только «при наличии лабораторного оборудования и специальных знаний и умений». О чем Оршанский суд умалчивает.

А кто учил Сашу Лепунова этим специальным знаниям? А кто видел у него дома или вообще где бы то ни было это «лабораторное оборудование»? В материалах дела о нем ни слова. Тем более что его нет и в природе.

И еще один вопрос: пусть «Реладорм» не как «опасное психотропное вещество», а как лекарственный препарат, в состав которого входят психотропные вещества, подлежит государственному контролю... Означает ли это, что гражданин, получив его по рецепту, не имеет права продать упаковку или две другому гражданину?

Выпускник провинциального медучилища Саша Лепунов считал, что не означает. Потому и продал.

Доктор медицинских наук, один из ведущих специалистов Минздрава Михаил Константинович Кевро определенного мнения по этому поводу не имеет и порекомендовал обратиться к юристу. Что автор и сделал: обратился к хорошему юристу – бывшему члену Конституционного суда, доктору наук, профессору Михаилу Ивановичу Пастухову. Его мнение однозначно:

– В данном случае в действиях Лепунова состав преступления отсутствует. Лекарственный препарат он получил по рецепту для личного употребления. В рецепте не указано, что оно является психотропным веществом и не предназначено для распространения. В этих условиях передача препарата другому лицу не имеет преступного умысла, не ставит целью привлечь другого человека к употреблению наркотиков.

То есть правоохранительные органы допустили широкую трактовку термина «находится под контролем государства».

Нахождение под контролем государства не означает запрет на передачу третьему лицу и не влечет уголовной ответственности.

Значит, мы имеем дело с неправосудным приговором. Он подлежит отмене в установленном порядке.

Конечно, частное мнение профессора Пастухова не обязательно для суда. Конечно, герой нашей истории совсем не идеальный герой: ничего хорошего в том, что он продал бесплатно (то есть за наш с вами счет) полученные лекарства, нет. И государственные органы вправе отнестись к нему с подозрением. Правда, хорошо бы не забывать при этом, что его проблемы начались с той самой необъявленной войны, на которую он пошел по приказу тех же госорганов. И если парень сломался в кровавой суматохе, то ставить ему теперь это в вину – позорно и бесовестно.

Конечно, бороться с распространением наркотиков необходимо. Но что важнее – быть или казаться? Пресекать деятельность преступных наркодилеров или «облагораживать» отчетность за счет таких, как Александр Лепунов?

И уж коль на то пошло, еще один вопрос: а сколько еще таких историй происходит рядом с нами?

*Анатолий Гуляев,
газета «Труд», 13 июля 2006 года, Орша*

СВОЯ КРЫША

Именно ее по прихоти полоцких чиновников практически лишилась киоскер «Союзпечати» Люция Ивановна Голер.

Быть богатым не обязательно. Иной раз за богатство выставляется такая цена – гори оно огнем!

Но есть несколько простых вещей, которые у каждого человека должны быть. И в первую очередь – крыша над головой. Если годам хотя бы к пятидесяти ее все еще нет – это уже трагедия! Тем более что на ее (крыши) обретение уже просто не остается будущего...

«С 1979 по 2003 года я работала в бытовых услугах г. Полоцка и проживала в жилом доме, находящемся на балансе КУП «Полоцкбыт». Занимала отдельную комнату в 21 квадратный метр. Сама делала ремонт и оплату как за отдельную квартиру», – пишет в редакцию жительница Полоцка Люция Голер.

Ситуация, в общем, типичная для так называемых «простых женщин», добросовестно работавших в бытовых службах, на фабриках, стройках и иных нелегких работах. Каждая, как могла, строила свою личную жизнь. У Люции Голер, к примеру, дочь Аня – главное. Но для многих общежития, в которые они когда-то вселялись юными девушками, становились родным домом. В том числе потому, что, как пелось в известной песне, «на десять девчонок по статистике девять ребят».

Проще говоря, выйти замуж удавалось не всем. Государство же нищенски платило за женский труд. В одиночку купить квартиру работающей женщине было невозможно. А очереди на бесплатное советское жилье двигались все медленнее, пока не прекратили двигаться совсем.

«За то время, что я одна воспитываю дочь, государство ничем мне не помогало, да я и не просила. Во время рождения дочери я уже стояла на очереди на строительство ЖСК. Потом, в 90-е, деньги рухнули и я осталась ни с чем».

Нехорошая квартира

Как бы оно обернулось дальше – трудно сказать. Но руководство Полоцкого КУПБО (проще говоря, службы быта) решило капитально отремонтировать общежитие, в котором кроме Люции Голер с дочерью жило еще много женщин – кто с детьми, а кто и доживал свой век в одиночку. Слухи о капитальном ремонте переполошили жильцов: ведь худо-бедно налаженная жизнь рассыпалась! Кроме того, пошли разговоры о том, что дом вообще будет разрушен, а землю, на которой стоит общежитие, отдадут местному коммерсанту, некоему Захарову, владельцу рынка под названием «Стрелецкий». Тем более что общежитие стояло практически на территории рынка. И именно для этого, считали жильцы, затеяна история с ремонтом, под который удобно их всех выселить. Ведь законодательство допускает выселение на время ремонта даже в помещения меньшей площади. А там – Бог батька...

Руководство КУПБО эти мотивы отрицало, но ему не верили. «Жильцы не соглашались выселяться из “аварийного” дома. Директор КУПБО Надежда Коршун подает иск в суд г. Полоцка о принудительном выселении. Изначально суд в иске отказывает, но потом...»

Потом решение о выселении было принято. «Выселить Голер Люцию Ивановну с несовершеннолетней дочерью Анной 1989

года рождения из общежития Полоцкого КУПБО “Полоцкбыт” по улице Октябрьской 21 в г. Полоцке, преселив их в комнату жилой площадью 18,56 квадратных метра в трехкомнатной квартире № 5 дома 101 по ул. Вологина в г. Полоцке на время капитального ремонта» (решение Полоцкого городского суда от 20 августа 2002 года).

Такие варианты называются «с подселением». То есть в двух комнатах трехкомнатной квартиры на улице Вологина на окраине Полоцка жила женщина с взрослой дочерью. Третью комнату отдали Люции Голер. Туалет и ванна общие.

Подселение – вариант вообще не лучший. Тем более на меньшую площадь. С другой стороны – временно, потерпеть можно. И все же, умудренная одинокой жизнью, когда положиться не на кого и все время нужно отчаянно бороться за себя, Люция Голер выезжать из своей комнаты отказывалась.

Но так называемому «простому» человеку всегда трудно отстаивать свою правоту. Как показывает опыт, особенно там, где приоритет этого самого «простого» человека декларируется как высшая ценность: «...осенью 2003 года в присутствии суд-исполнителя меня с несовершеннолетней дочерью в принудительном порядке вывозят в вышеупомянутую квартиру, в грязь и вонь к инфекционно больной алкоголичке...»

Я в этой квартире был. Соседей не видел, а что касается ванной и санузла – да, удовольствие имел. Не живописуя деталей, могу сказать только одно: если бы даже местный участковый милиционер с большим черным пистолетом заставлял воспользоваться туалетом (пусть даже для одноразового удовлетворения самых малых физиологических нужд), легче было бы выбрать смерть от пули калибра 9 мм еще на подступах к этой обшарпанной двери...

Впрочем, предоставим слово членам комиссии из школы, в которой учится Аня Голер: «5 октября 2002 года комиссия в составе социального педагога Максимовой Н.В., психолога Федоренко Н.В. посетила квартиру по адресу ул. Вологина, д. 101, кв. 5, и установила следующее.

Трехкомнатная квартира находится на третьем этаже, две комнаты (18,5 квадратных метра и 9 квадратных метров) занимает Лосева Елена Дмитриевна, пенсионерка, не работает. Внешний вид женщины говорит о том, что она пьет. Соседи подтверждают, что в квартире часто устраиваются пьянки. До августа 2002 года она проживала с дочерью (33 года), которая умерла от открытой формы туберкулеза. Она тоже вела амо-

ральный образ жизни, пила, проводила время в сомнительных компаниях. В квартире после смерти дочери не была проведена санитарная обработка.

Помещение находится в антисанитарном состоянии: давно не было ремонта, отсутствует электричество... В момент посещения в квартире находился сожитель Лосевой Е.Д.

Комната, в которую поселяют Голер Люцию Ивановну, находится в антисанитарном состоянии, требует капитального ремонта. До 1990 года в ней проживал человек, который умер от онкологического заболевания...»

Автор предлагает всем, кто принимал решение о вселении в этот кошмар Люции Голер и ее юной дочери, пусть даже временно поселить в эту квартиру кого-то из своих родственников. Где, ко всему, рассказывает Люция Голер, соседка, будучи не вполне трезвой, имеет обыкновение по ночам выкрикивать угрозы в ее адрес и адрес ее дочери. Используя при этом исключительно ненормативную лексику.

Плюнуть в душу

А тем временем события развивались именно так, как предполагали жильцы общежития. 23.06.2004 года Полоцкий городской исполнительный комитет, «рассмотрев заявления граждан, предложения общественной жилищной комиссии (протокол №...)... в связи с решением о сносе здания по ул. Октябрьской д. 21» решил «*представить в пользование по договору найма жилые помещения следующим гражданам...*». И далее перечень фамилий, в котором и Люция Голер с ее дочерью Анной. То есть, как и предполагалось, *временное жилье стало постоянным*. И не просто так, а «благодаря заявлениям граждан». А уже в октябре того же года торговый дом «Стрелец» объявил о сдаче в аренду площадей в строящемся двухэтажном торговом центре «на месте, где располагалось снесенное общежитие ПОБОНА...». Для «Стрельца» сделка получилась более чем выгодная. Ведь если верить «Регистрационному удостоверению», первоначальная или восстановительная стоимость общежития в центре города общей площадью в 409 квадратных метров составила всего лишь 14 миллионов 418 тысяч рублей! Такие сделки не каждому удаются. Пожалуй, только тем, у кого все же есть «крыша» над головой!

А о каких «заявлениях граждан» идет речь, ни Люция Голер, ни бывшие жильцы того же общежития Нина Еленцова или ин-

валид второй группы Анна Парадня представления не имеют. Они, во всяком случае, таких заявлений не писали. Зато писали множество жалоб. «Писали в Администрацию президента, ответ получили от Полоцкого горисполкома. Облисполком наши обращения пересылал на управление бытовых услуг, бытовые услуги прикрывались ремонтом... Пытались записаться на прием к представителю президента Ломоть З.К., но после нескольких звонков слышали ответ: вы не имеете права на исходящие вызовы... Дозвониться в Администрацию президента очень сложно, поехала наугад. Попала на прием к женщине, только так и могу сказать, ибо она не стала меня выслушивать, дала совет судиться еще раз. Зарегистрировать мое обращение отказалась, не представилась. Ее имя я не узнала и у секретаря. Вот это работник Администрации президента!»

Но самые большие впечатления остались от встречи с председателем Полоцкого горисполкома. «Однажды, доведенные до отчаяния, оказались на приеме у председателя Полоцкого горисполкома Точичло В.С. Со мной он не разговаривал, а дочери прямо в глаза сказал: если бы твоя мама была умная, не имея своего жилья, она бы тебя не рожала...»

– Да, так и сказал! – потворила автору Аня Голер. – Значит, от меня только несчастья и я не должна была появляться на свет?

Старшеклассница Аня Голер – юная красавица, которая в свое время составит счастье любому мужчине. Но как много всего впереди у этой юной души, в которую, если верить ее словам и словам матери, уже успели плюнуть...

Перспективы

...Очень обидно это признавать, но перспектив у матери и дочери немного. Хотя, поскольку ремонт превратился в снос, они вправе претендовать на помещение, аналогичное тому, которое занимали раньше. То есть, большее на 4 метра. Для чего нужно обжаловать решение горисполкома либо подать жалобу в суд в связи со вновь открывшимися обстоятельствами. Что долго и дорого. На заработки киоскера «Союзпечати», содержащей взрослую дочь, даже пошлины не уплатишь. Не говоря уже об адвокатах. Эти милые люди, конечно, могут помочь. Но берут за помощь такие деньги, что выкрикивающая по ночам угрозы соседка покажется ангелом с белоснежными крыльями.

А судиться с городскими властями в городском суде даже при помощи городского же адвоката дело практически безнадежное...

Еще одна теоретическая возможность предоставлена ст. 39 Жилищного кодекса. Если соседи систематически портят жилое помещение либо ведут себя так, что делают невозможным для других проживание с ними в одной квартире, а меры предупреждения и общественного воздействия оказались безрезультатными, виновные могут быть выселены по требованию наймодателя или других заинтересованных лиц в судебном порядке. Но все это такая морока, чреватая такими конфликтами, что не захочешь ни квартиры, ни жизни.

Правда, с 1984 года Люция Голер стоит в очереди на социальное жилье. Что тоже особенного оптимизма не внушает: ту же стоявшую в очереди Анну Парадню из нее уже вычеркнули без объяснения причин.

Такая вот получается крыша – у каждого своя.

*Анатолий Гуляев,
газета «Труд», 17 августа 2006 года*

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УБИВАТЬ

Как получилось, что в отделе уголовного розыска Полоцкого ГУВД умер человек, доставленный туда по подозрению в краже?

Рядовое дело

... Июль 2004 года. У гражданки Герасимовой прямо из квартиры украли деньги. Милиция начала искать воров...

Не хочется «тонуть» в подробностях этого рядового дела. Отметим только, что 21 июля оперативные уполномоченные уголовного розыска Полоцкого горотдела внутренних дел старшие лейтенанты Евгений Мачехин, Дмитрий Макарчук, Юрий Трофимов отправились на берег Полоты. Где, по полученной информации, «гуляли» с друзьями, людьми в большинстве судимыми, братья Сергей и Вячеслав Шедько. Предполагалось, что именно они имеют отношение к краже. Причем известно было, что из трех братьев только средний – Сергей – не судим.

А старший Александр и младший Вячеслав зону «потоптали» уже основательно. Сергея и Вячеслава привезли в ГОВД (в Постановлении о возбуждении уголовного дела отмечено, что произошло это в 16.30. По словам Евгения Мачехина – в 16.50) и развели по разным кабинетам. Примерно через 10 минут (около 17.03) Сергей Шедько умер в кабинете № 50 отдела уголовного розыска Полоцкого ГОВД.

Как утверждают сами оперативники, перед этим ему было задано несколько вопросов. Сергей отвечать не хотел и начал, что называется, «качать права». Зашедший в это время в кабинет зам. начальника ОУР майор Игорь Денисенко приказал надеть ему наручники. Сергей, бывший спецназовец в метр девяносто ростом, сопротивлялся, но наручники все же надели. Вскоре после этого ему стало плохо и он умер.

В возбуждении уголовного дела по этому факту было отказано. Цитируем постановление от 21 октября 2004 года за подписью старшего следователя прокуратуры Полоцка В.И. Жамойто: «Примерно в 17 часов гр-н Шедько скоропостижно скончался в указанном кабинете. При осмотре трупа гр-на Шедько С.В. на месте происшествия видимых телесных повреждений, от которых наступила бы смерть потерпевшего, не выявлено. Кроме того, при судебно-медицинском исследовании трупа гр-на Шедько С.В. морфологических (видимых невооруженным глазом) признаков, указывающих на причину смерти, также не выявлено». И вывод: в возбуждении уголовного дела отказать за отсутствием состава преступления.

Но уже 26 октября (то есть меньше чем через неделю!) было принято другое Постановление, подписанное прокурором города А.М. Кучеренко: «21 июля 2004 года примерно в 16 часов 30 минут гражданин Шедько С.В. был доставлен работниками ОУР в Полоцкий ГОВД... Примерно около 17 часов в результате незаконного применения физической силы со стороны кого-то из вышеперечисленных сотрудников ОУР Полоцкого ГОВД к задержанному Шедько С.В., выразившейся в нанесении ему ударов в область солнечного сплетения, потерпевшему была причинена травма солнечного сплетения с последующей рефлекторной остановкой сердца, от которой Шедько С.В. умер на месте преступления».

Вывод: возбудить уголовное дело и поручить его все тому же Жамойто В.И.

Дело рассматривал Глубокский районный суд. Он отметил Макаrchуку 8 лет лишения свободы, Трофимову 7 лет, Де-

нисенку 5. Евгений Мачехин, на момент суда находившийся в больнице, ожидает решения суда и сегодня.

Приговор суда первой инстанции обжалован, и Витебский областной суд направил дело на новое рассмотрение в Глубокое. Трое из четверых «оперов» по-прежнему под стражей.

Правда матери

Горе матери Сергея Шедько Елены Павловны безутешно:

– Два сына у меня по тюрьмам... Надежда к старости была только на Сергея. А его убили...

Для нее все очевидно:

– Я плохо помню, как он выглядел в момент похорон. Но все говорят: был просто синий от побоев! Восемь лет за такое слишком мало. Я добиваюсь ужесточения приговора.

По мнению потерпевшей стороны, существующая система отчета раскрываемости преступлений вынуждает сотрудников милиции идти на злоупотребления. И у полоцких оперативников не было достаточных оснований считать братьев Шедько хотя бы даже подозреваемыми. Но все равно их доставили в отдел, тут же начали требовать показаний. Сергей законно возмутился, а майор Денисенко безосновательно велел надеть на него наручники. Чтобы особенно не «возникал», считает потерпевшая сторона, по команде того же Денисенка Сергеем и были нанесены несколько «расслабляющих» ударов в солнечное сплетение. Кроме этого, потерпевшая сторона считает, что в деле есть и другие нарушения, которые совершили оперативники. В том числе избивание свидетеля фальсификации документов. И за это они тоже должны ответить.

Аргументация выглядит стройной. Тем более что история правоохранительной деятельности в Беларуси имеет немало примеров «выбивания» показаний. От печально знаменитого «витебского дела» до политических процессов последних месяцев. То есть, хотя бы только в общественном сознании, прошлое хватает нынешних «ментов» и тащит на дно.

Сплетение подробностей

...Впрочем, на момент смерти в кабинете № 50 Полоцкого ОУР было 4 человека – майор Денисенко и 3 оперативника. Кроме них, ни одного свидетеля происшедшего нет. То есть

можно полагаться только на показания экспертизы, на некоторые подробности происшедшего и на логику событий.

Об экспертизе чуть позже, а пока о подробностях. Без которых истина, как известно, не стоит ломаного гроша.

Подробность первая: не отличавшийся трезвым образом жизни Сергей Шедько 21 июля отмечал свой день рождения. И, по зафиксированным в деле показаниям Вячеслава Шедько (младшего брата погибшего), уже 10 дней находился в запое. Можно быть каким угодно крепышом, но 10 дней запоя – это круто! Автору, например, для летального исхода хватило бы и двух дней.

Помимо прочего, люди, находящиеся в состоянии запоя, редко танцуют бальные танцы. Они все больше конфликтуют с окружающими и либо падают сами, либо их кто-то роняет. Либо они наносят удары, либо им...

Таким образом кровоподтеки, которые вначале не были обнаружены (вспомним Постановление от 21 октября об отказе в возбуждении уголовного дела), а потом их оказалось много (Постановление от 26 октября о возбуждении уголовного дела), наверное, неизбежный результат такого состояния.

Ну и уж совершенно очевидно, что человек, 10 дней находящийся в состоянии запоя, может быть агрессивным, «качать» права и вообще вести себя неадекватно. То есть, каким бы ни был, по мнению потерпевшей стороны, майор Денисенко, логика в его действиях по части наручников прослеживается.

Столичный врач Александр Панов, имеющий плюс к медицинскому еще и высшее юридическое образование, что объясняет его участие в этом процессе в качестве свидетеля, имеет собственное мнение:

– Я внимательно изучил выводы экспертов и пришел в ужас! Они провели очень хорошую предварительную работу, но сделали выводы, которые категорически противоречат тому, что они же и написали. Причиной смерти указан удар в солнечное сплетение. Как доказательство этому – ссадина на груди. Но даже студентам известно, что солнечное сплетение находится в брюшной полости. В за грудиной области его никогда не было. А удары в солнечное сплетение могут закончиться в худшем случае плекситом или невритом.

Как утверждает Александр Панов, в материалах экспертизы указано, что гематома была не только в области солнечного сплетения. Все жизненно важные органы имели такие гематомы. И головной мозг, и надпочечники, и сердце, и почки, и лег-

кое, и селезенка, и желудок... По сути, уверен Александр Панов, шел распад организма как результат хронического алкоголизма.

– Алкоголизация организма, согласно исследованиям, у него составила 2,5 промилле. Если учесть, что эта экспертиза проводилась через 18–19 часов после смерти, то легко установить, что на момент смерти было около 3 промилле – смертельная доза.

Еще один аргумент в пользу этого мнения: температура тела на момент смерти была около 44 градусов! То есть состояние организма в 30-градусную жару повлекло за собой смерть от алкогольной интоксикации. Но такой вывод почему-то сделан не был.

– Это вызывает у меня много сомнений, – говорит Александр Панов.

Много сомнений и у коллег четверых оперативников. Они считают, что все просто: прокуратуре для отчета потребовались милицейские «оборотни». А как иначе объяснить, что меньше чем за неделю возникло два прямо противоположных постановления?

– Произошла ошибка экспертизы, – считает майор Виктор Воробьев, заместитель начальника Полоцкого ГОВД. – И учтите: государственная служба медицинских судебных экспертиз входит в структуру правоохранительных органов. Не отсюда ли и расхождение результатов? В начале удар в солнечное сплетение, а теперь уже несколько ударов... Да если бы мы хотели спрятать наши грехи, разве бы так все выглядело? Мы придумали бы историю более чем правдоподобную: ударился о стол, выпал из окна – возле которого он, кстати, и стоял... Но мы знали, что наши люди чисты, и потому ничего не придумывали...

Хорошим ментам – хорошие гробы...

А плохим, естественно, плохие. Этот афоризм стал популярным в первые годы перестройки, когда наряду с демократизацией происходила и криминализация общества. Шпана гуляла как хотела, милицию с удовольствием ругали с любых трибун. Общественное мнение с удовольствием это воспринимало.

Времена изменились, но плохое отношение к «ментам» осталось. Тем более что сами они (сотрудники Министерства внутренних дел в целом) регулярно дают для этого основания. Вспомним хотя бы только предвыборные времена нынешнего года, когда милицейские сержанты, не умеющие без мата связать двух слов, сотнями арестовывали интеллигентов из из-

бирательных штабов оппонентов действующего президента якобы за «нецензурную брань на улице». Незаконность таких действий была очевидной, но, поскольку делалось все «За Беларусь!», – сходило с рук. Правда, укреплению доверия к «органам», естественно, не способствовало. А раз так – это самое доверие надо укрепить. А для этого, как водится, все средства хороши. То есть предположения сотрудников Полоцкого ГОВД, высказанные, помимо прочего, в письмах на имя президента и генерального прокурора, выглядят основательными.

Тем более что право на жизнь и справедливость имеют все: как далеко не самый положительный герой современности гражданин страны Сергей Шедько, так и наследники своей «ментовской» системы (а ведь мы все наследники какой-нибудь системы, да?) граждане страны оперативники из Полоцкого ОУР. Которые, между прочим, действительно обеспечивали в своем регионе порядок и безопасность граждан. И жизнь которых не особенно баловала: к примеру, у начальника уголовного розыска майора Александра Калача, 22 года прослужившего в милиции, никогда не было своей квартиры, он живет в общежитии. И только сейчас, очевидно, сможет позволить себе на отложенное офицерское жалованье купить не самое классное жилье.

Но попытки найти справедливость и правду, как понимают ее сотрудники Полоцкого ОУР, пока ничем не кончаются. Ответы на письма большим начальникам, как водится, пришли в те же инстанции, на которые, по сути, и жаловались авторы писем.

Все логично: когда неуклонное исполнение законов заменяется кампаниями на ту или иную актуальную для властей тему, никто ни от чего гарантирован быть не может.

Теперь сослуживцы «оперов» собирают деньги, которые потом распределяют между семьями коллег, оказавшихся за решеткой.

...Вот, собственно, вся история. Чтобы узнать о ней как можно больше, автор обратился в Полоцкую прокуратуру, но упоминавшийся уже старший следователь В.И. Жамойто разговаривать отказался. Как и местный представитель судебно-медицинской экспертизы В.Б. Хващевский.

*Анатолий Гуляев,
газета «Труд», 20 июля 2006 года*

Использованная литература

Академик. Бумаги Пентагона – это... [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/824638>

Академик. Расследование журналистское – это... [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://smi.academic.ru/192/Расследование_журналистское

Академик. Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://investments.academic.ru/1012/Информация>

Академик. Словарь крылатых слов и выражений. Амброз Бирс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2591/Специалист

Академик. Утечка информации – это... [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/343825/утечка

Александр Тертыхный, профессор кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ; доктор филологических наук. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/675>

Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Мінск, 2010. С. 175. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://historicaldis.ru/blog/43434711687/»Krov-i-pepel-Drazhna».-PO-SLEDAM-«MUTNOY»-SENSATSII>

Бергер, Н.В. Теория и практика журналистского расследования. СПб., 2006. С. 63.

Библия. Новый завет. Евангелие от Иоанна, 11:49–53.

Библия. Новый завет. Послание к римлянам, 13:1.

Билинская, М.Н., Моисеев, В.В., Ницевич, В.Ф. Современная коррупция: отечественная специфика и зарубежный опыт противодействия. М.; Берлин, 2014. С. 9.

«Брестский курьер». 2012. № 45. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.realbrest.by/novosti/brestskaja-krepost/pochemu-strojat-zhilyo-v-ohranoi-zone-kreposti.html>

Булгаков, М. Мастер и Маргарита. Минск, 1988. С. 284.

Википедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Документ>

Вишневский, А.Ф., Довнар, Т.И. История государства и права Беларуси. Минск, 1996. С. 39–40.

Владимир Маркин: Публично приношу свои извинения перед Надеждой Прусенковой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/1834896-echo/>

«Вольны сяг», 31 жніўня 1923 года.

Ворошилов, В.В. Журналистика: учебник. М., 2016. Гл. 6. С. 206.

В Орше тысячи людей умирают от рака // KRAINA.BY. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kraina.by/newspaper/society/society_1184.html

Журналистское расследование: история, методика и практика

Во Франции видеокамеру на подъезде признали вторжением в частную жизнь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news2.ru/story/252958/>

Гарантии неприкосновенности частной жизни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cedem.org.ua/ru/analytics/garantyyu-neryukosnovennosti-chastnoj-zhyzny-2/>

Гетлин, Р. Молчаливый заговор. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ogoniok.com/4902/18/>

Говін, С.В. Друк Заходняй Беларусі. Мінск, 1974. С. 17.

Горбачевская, Е. Корань з'явы // «Шлях перамогі», 17 марта 1970 года.

Данкверт его знает // «Белорусская нива». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://belniva.sb.by/pervaya-kolonka/article/dankvert-ego-znaet.html>

Декнис, О. Как я работала официанткой во вьетнамском кафе «Сайгон» // «Комсомольская правда». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kp.by/daily/26213.7/3096936/>

Дело «Лингенс (Lingens) против Австрии». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://european-court.ru/uploads/ECHR_Lingens_v_Austria_08_07_1986.pdf

Дзень задаўся: фотарэпартаж Сяргея Зініна з беларускай глыбінкі // «Наша Ніва». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nn.by/?c=ar&i=166660>

Дразды № 2: поўны спіс чыноўнікаў, якім раздалі зямлі на \$10 мільёнаў // «Наша Ніва». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nn.by/?c=ar&i=129566><http://nn.by/?c=ar&i=129566>

Журналистика США в XIX веке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://libraryno.ru/3-5-zhurnalistika-ssha-v-xix-veke-2012_istor_gurnal_1/

Журналистская этика: дозволено все? // «Новый репортер». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newreporter.org/2011/07/27/zhurnalistikaya-etika-dozvoleno-vse/>

Журналистское расследование, коллектив авторов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fictionbook.ru/static/trials/06/08/59/06085975.a4.pdf>

Зубаркина, Е. Журналистское расследование: история и практика создания авторских телепрограмм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dslib.net/zhurnalistika/zhurnalistikoe-rassledovanie-istorija-i-praktika-sozdaniya-avtorskih-teleprogramm.html>

Иванян, Э.А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. Белый дом и пресса. М., 1991. С. 254

«Известия», 27 ноября 1983 года.

Ильин, Е.П. Психология общения и межличностных отношений. М., 2009. С. 35.

Инквизиция и ее роль в средневековом обществе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://otherreferats.allbest.ru/religion/00004322_1.html

Информационная война США и Великобритании в ходе военной операции против Ирака. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=3356>

Информационный повод и связи с общественностью. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://artmodernmarketing.com/brend/informacionnyj-povod>

Информационный повод – это... [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/23477

История Беларуси IX–XVIII веков. Первоисточники. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm>

История мировой журналистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.textfighter.org/text8/51_york_amerikanskoj-grili_12.php

Иудейские древности. Кн. XVIII. 2.2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/47503/Каиафа

Как в СССР регулировали личную жизнь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://weekend.rambler.ru/read/kak-v-sssr-regulirovali-lichnyu-zhizn-2017-02-17/?utm_campaign=brain&utm_medium=rec&utm_source=rambler&utm_content=weekend

Ким, М.Н. Основы творческой деятельности журналиста. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://knigi.link/tvorcheskoj-deyatelnosti-osnovyi/metodyi-sbora-informatsii-38661.html>

Ким, М. Теория и практика массовой информации. СПб., 2017. С. 45.

Кодэкс журналісцкай этыкі БАЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://baj.by/content/palazhenne-pra-kamisiyu>

Колесниченко А.В., редактор отдела «Общество» газеты «Новые Известия», выпускник факультета журналистики МГУ, кандидат филологических наук, доцент МГУ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text28/0036.htm>

Константинов, А. Журналистское расследование. История метода и современная практика. СПб., 2001. С. 13.

Короленко, В.Г. Очерки. М., 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.by/books?id=cEF4BAAAQBAJ&pg=PT207&lpg=PT207&dq=Думаю,+ты+порадовался+и+за+самое+дело+и+за+меня!+Для+всех+моих+друзей+повсюду+это+было+огромное+то+ржество.&source=bl&ots=TZVSmhs_-l&sig=17yflr4gR3VEku1Z-Z8sUEyQtbA&hl=en&sa=X&ved=0ahUKEWiA5Zqj29_SAhWEGCwKHSZQC1oQ6AEIJDAB#v=onepage&q&f=false

Кройчик, Л. Система журналистских жанров // С. Корконосенко. Основы творческой деятельности журналиста. СПб., 2000. С. 138.

Латов, Ю.В., Ковалев, С.Н. Теневая экономика: учебное пособие для вузов. М., 2006.

Макиавелли, Н. Государь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: readli.net/chitat-online/?b=402864&pg=1

Михайлов, С.А. Журналистика США. СПб., 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text6/01.htm>

Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=24317&r=1

Общественная коллегия по жалобам на прессу. Кодекс этических норм общества профессиональных журналистов США. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/1901-kodeks->

Общественное объединение «Журналисты “New York Times”» отменила практику согласования интервью с ньюсмейкерами. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journalist.kg/news/new-york-times-otmenila-praktiku-soglasovaniya-intervyu-s-nyusmeykerami/>

Поздников, П.Ю. Право на частную жизнь и свобода слова: разумный баланс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-chastnuyu-zhizn-i-svoboda-slova-razumnyy-balans>

Полное собрание русских летописей: в 43 т. М., 1980. Т. 32. С.15, 21. «Полоцкие епархиальные ведомости», 1 мая 1885 года, № 9.

Попов Ю.Н., Тарасов М.Е. Теневая экономика в системе рыночного хозяйства: учебник. М., 2005. С. 76.

Президент Беларуси не намерен отдавать власть и страну оппозиции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.by/news/belarus/1021987>

Правакатар, які пачаў біццё акон Дома ўрада ў 2010-м, прысутнічаў на Дні Волі – 2016 // «Наша Ніва». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nn.by/?c=ar&i=167456>

Раскулачивание: ликвидация кулачества как класса, подборка статей, ссылок, видео. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rossiya.takustroenmir.ru/a_rossiya&raskulachivanie&1.htm

Резолюция № 1165 (1998) Парламентской Ассамблеи Совета Европы о праве на неприкосновенность личной жизни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cyberpeace.org.ua/files/iii_4.pdf

«Республика». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://respublika.sb.by/obshchestvo-27/article/okh-nevesel-novosel.html>

«Русские Ведомости», № 308.

«Рыцари пера и скандала» // Коммерсант.ру. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/360864>

Самюэль Хантингтон, доклад, составленный для созданной в 70-х годах Трехсторонней комиссии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://israelections2015.wordpress.com/2016/11/03/almog_watergeit/

«Сб. Беларусь сегодня». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/postavili-na-schetchik-ili-chey-venik-vymetaet-detey-iz-zala-na-ulitsu.html>

Святой Августин Блаженный. О граде Божьем. Кн. 4. Гл. 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/?Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem=4_4

Сиберт, С., Шрамм, У., Питерсон, Т. Четыре теории прессы. М., 1998.

Синклер, Э. Джунгли. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ko.ru/articles/23860>

Лука, О. Беларуская журналістыка. Мінск, 2011.

Солдатов, А. Журналистские расследования – кризис жанра. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.agentura.ru/experts/nickdavies/?print=Y>

Спасова, М.В. Специфика журналистского расследования в американских СМИ (от макрейкеров до импичмента Клинтона). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. С. 11.

Стоглавый собор. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/node/39524>

Столяренко, Л.Д. Психология делового общения и управления. Ростов-на-Дону, 2005. С. 416.

Тертычный, А.А. Расследовательская журналистика как вид деятельности СМИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text9/30.htm>

Уголовный кодекс Республики Беларусь, статья 44. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://уголовный-кодекс.бел/statya-44>

Улмен, Дж. Журналистские расследования: современные методы и техника. М., 1998.

Усов, К. Лукьяновка. Тюрьма № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_3SprehLqDU

Шелкопляс, В.А. Судебные органы в Беларуси. С. 38–39.

Шибалева, Н.А. Жанр журналистского расследования и его функционирование в российских газетах // Молодой ученый. 2011. № 2. Т. 1. С. 237–239. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://moluch.ru/archive/25/2598/>

Экология жизненной среды человека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economics.studio/otraslevaya-ekonomika/ekologiya-jiznennoy-sredyi-43460.html>

Эксперт – это... [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://forexaw.com/TERMs/Professions/Professional_specialty/1742_Эксперт_Expert_это

Энциклопедии, словари. Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/ozhegov/Dokument-7402.html>

Этические нормы газеты «The Washington Post». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://studbooks.net/733266/zhurnalistika/eticheskie_normy_gazety_vashington_post

Этический кодекс журналиста Латвии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30353915#pos=2;-197

TBS выплатит 1,2 млн иен за вторжение в частную жизнь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.leit.ru/archives/3852>

«The Sunday Times» против Соединенного Королевства. Судебное решение от 26 апреля 1979 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461498/2461498.htm>

Учебное издание

Гуляев Анатолий Арсеньевич

**ЖУРНАЛИСТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ:
ИСТОРИЯ, МЕТОДИКА И ПРАКТИКА**

Корректор *Е.В. Савицкая*

Технический редактор *О.Э. Малевич*

Дизайн обложки *А.Ф. Киселева*

Издательство

Европейского гуманитарного университета

г. Вильнюс, Литва

www.ehu.lt

e-mail: publish@ehu.lt

Подписано в печать 27.09.2018. Формат 84x108^{1/32}.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,8.

Отпечатано «Petro Ofsetas»

Savanorių pr. 174D, LT-03153

Vilnius Lithuania

Книга Анатолия Гуляева, системно рассматривающая развитие этических стандартов, проблемы и вызовы развивающейся демократии или неполной демократии, очень актуальна для журналистов и прочих работников СМИ...

Все очевиднее разрушается грань между тем, что есть, и тем, что якобы есть.
Д. Радзевичус,

Председатель Союза журналистов Литовской Республики

До настоящего времени по данной тематике в Беларуси не имеется учебников, которые бы отражали особенности работы в современных условиях.

М.И. Пастухов,

профессор ЧУО «БИП-Институт правоведения»

У независимых журналистов не стало внешнего ограничителя рамок их творческого процесса, но неизбежно должен был возникнуть внутренний...

У каждого журналиста, решившегося, по выражению Ф. Достоевского, «по собственной глупой воле пожить», не единожды возникала ситуация выбора. И не всегда этот выбор был безошибочным...

А. Ярошук,

председатель Белорусского Конгресса демократических профсоюзов

...А традиции качественной журналистики в бывших советских республиках пока еще не сложились... Нравственные ориентиры для многих не стали определяющими в жизни и деятельности.

В. Иванов,

профессор Киевского национального университета им. Т. Шевченко

Европейский гуманитарный
университет

ISBN 978-609-8220-05-6

9 786098 220056